

Идея Бога древних, или секс в религии

Элиза Берт Гэмбл

The God-Idea of the Ancients; Or, Sex in Religion

Eliza Burt Gamble

Электронная книга проекта "Гутенберг" о Идее Бога древних, или секс в религии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Идея Бога древних, или секс в религии

Автор: Элиза Берт Гэмбл

Дата выхода: 1 августа 1996 г. [Электронная книга № 639]

Последнее обновление: 15 июля 2018 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсеры Чарльз Келлер и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИДЕЯ БОГА ДРЕВНИХ, ИЛИ СЕКС В РЕЛИГИИ" ***

ИДЕЯ БОГА ДРЕВНИХ ИЛИ СЕКС В РЕЛИГИИ

Автор : Элиза Берт Гэмбл

Автор книги "Эволюция женщины"

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Большая часть материала для этого тома была собрана в то время, когда я готовил к печати "Эволюцию женщины", или во время поиска данных, относящихся к теме половой специализации. Готовя эту книгу к публикации, я намеревался включить в нее эту ветвь моего исследования, но, желая получить определенные факты, относящиеся к основам религиозной веры и богослужения, которые в то время были недоступны, и зная, что потребуется значительный труд и терпение для закрепления этих фактов, я решил опубликовать первую часть работы, умолчав пока о той ее части, которая особенно касается развития идеи Бога.

Поскольку человечество создает своих собственных богов или поскольку преобладающие идеи непознаваемого отражают внутреннее сознание людей, достоверная история роста религий должна соответствовать процессам, вовлеченным в умственное, моральное и социальное развитие личности и нации.

С помощью данных, представленных в эти более поздние времена относительно роста идеи Бога, можно заметить, что была создана независимая цепочка свидетельств в поддержку недавно изложенных фактов, имеющих отношение к развитию двух расходящихся линий полового разграничения. Другими словами, было обнаружено, что секс является фундаментальным фактом не только в действиях Природы, но и в создании бога.

В эволюции женщины было показано, что своеобразное наследование двух полов, женского и мужского, является результатом предубеждения, приданного этим отдельным линиям развития в самые ранние периоды половой дифференциации; и, поскольку такое разделение труда было необходимым шагом в эволюционных процессах, скорость прогресса в значительной степени зависела от последующего согласования этих двух первичных элементов или сил. Всестороннее изучение доисторических записей показывает, что в более раннюю эпоху существования на земле, в то время, когда влияние женщины преобладало над влиянием мужчины, человеческая энергия направлялась альтруистическими качествами, которые зародились в женщине и передавались через нее; но после упадка власти женщины все человеческие институты, обычаи, формы и привычки мышления рассматриваются как отражение эгоистических качеств, приобретенных мужчиной.

Нигде влияние секса не проявляется так явно, как в формулировании религиозных концепций и вероучений. С ростом мужской силы и доминирования и соответствующим подавлением естественных женских инстинктов принципы, первоначально составлявшие идею Бога, постепенно уступили место Божеству, более подходящему для тех особых пристрастий, которые были присущи мужскому организму. Антропоморфный бог, подобный богу евреев, — бог, главными атрибутами которого являются власть и мужественная мощь, — мог возникнуть только при системе мужского правления.

Религия особенно склонна отражать причуды и слабости человеческой природы; и, поскольку формы и привычки мышления, связанные с богослужением, оказывают более сильное влияние на психическую структуру, чем те, которые относятся к любой другой области человеческого опыта, религиозные концепции следует подвергать частому и тщательному изучению, чтобы понять, если возможно, в какой степени мы придерживаемся идей, которые не подходят для существующих условий.

В эпоху, когда каждая отрасль исследования подвергается обоснованной критике, казалось бы, происхождение и развитие религии следует исследовать изнутри, и что все факты, имеющие к ней отношение, должны быть представлены в качестве вклада в наш фонд общей информации. С таким же успехом мы могли бы надеяться получить полное знание истории человечества, изучая только современный аспект общества, как ожидать, что придем к разумным выводам относительно преобладающей идеи Бога, исследуя различные вероучения и догмы существующих религий.

Цель этой книги - не только дать краткий очерк религиозного роста, но и показать влияние, которое каждая из двух сил, женская и мужская, оказала на развитие нашей нынешней идеи Бога, исследование которой служит для того, чтобы подчеркнуть выводы, сделанные в Эволюции Женщины относительно наследования каждой из двух линий полового разграничения.

E.B.G.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ИДЕЯ БОГА ДРЕВНИХ.

ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА I. СЕКС - ОСНОВА ИДЕИ БОГА

ГЛАВА II. ПОКЛОНЕНИЕ ДЕРЕВЬЯМ, РАСТЕНИЯМ И ФРУКТАМ

ГЛАВА III. ПОКЛОНЕНИЕ СОЛНЦУ -ЖЕНСКАЯ И МУЖСКАЯ ЭНЕРГИИ СОЛНЦА

ГЛАВА IV. ДВОЙСТВЕННЫЙ БОГ ДРЕВНИХ ТАКЖЕ БЫЛ ТРОИЦЕЙ

ГЛАВА V. РАЗДЕЛЕНИЕ ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО ЭЛЕМЕНТОВ В БОЖЕСТВЕ

ГЛАВА VI. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ РАСЫ

ГЛАВА VII. СОКРЫТИЕ РАННИХ ДОКТРИН

ГЛАВА VIII. ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ИДЕЯ ИЗРАИЛЯ О БОГЕ

ГЛАВА IX. ФИНИКИЙСКИЙ И ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ БОГ СЕТ Или СИФ

ГЛАВА X. ДРЕВНИЕ РАССУЖДЕНИЯ О СОТВОРЕНИИ МИРА

ГЛАВА XI. ОГОНЬ И ФАЛЛИЧЕСКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ

ГЛАВА XII. ПОПЫТКА ОЧИСТИТЬ ЧУВСТВЕННЫЕ РЕЛИГИИ

ГЛАВА XIII. ХРИСТИАНСТВО КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ЯЗЫЧЕСТВА

ГЛАВА XIV. ХРИСТИАНСТВО КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ЯЗЫЧЕСТВА—(Продолжение)

ГЛАВА XV. ХРИСТИАНСТВО В ИРЛАНДИИ

ГЛАВА XVI. КАМНИ Или КОЛОННЫ КАК БОЖЕСТВО

ГЛАВА XVII. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

ГЛАВА XVIII. КРЕСТ И УМИРАЮЩИЙ СПАСИТЕЛЬ

ИДЕЯ БОГА ДРЕВНИХ.

Введение.

Благодаря изучению примитивной идеи бога, проявленной в монументальных записях в различных частях света; благодаря научному исследованию ранних религиозных представлений человечества, выраженных символами, которые появляются в архитектуре и украшениях священных зданий и святилищ; посредством тщательного изучения древних священных предметов и мест, все еще существующих в каждой четверти земного шара, и посредством изучения античного искусства, не исключено, что было намечено направление исследований, с помощью которого можно получить достаточно точные знания о процессах, задействованных в наших нынешних религиозных системах. Бесчисленные фигуры и священные эмблемы, которые кажутся высеченными из нетленного камня в самых ранних пещерных храмах; огромные башни, монолиты и качающиеся камни, найденные почти в каждой стране земного шара и которые, как известно, тесно связаны с первобытными верованиями и богослужениями, и записи, обнаруженные на табличках, которые находят в различных частях света, являются, наряду с расшифровкой вымерших языков, почти неисчерпаемым источником информации, относящейся к ранней истории человеческой расы, и, вместе взятые, представляют собой неоспоримые доказательства происхождения, развития и единства человеческой расы. религиозных конфессий.

Сравнивая языки, которыми пользовались ранние расы для выражения своих религиозных концепций; наблюдая сходство мифов и священных названий у всех племен и наций, и открывая тот факт, что легенды, дошедшие до нас в различных странах земного шара, идентичны или имеют одинаковое основание, вполне вероятно, что уже получен ключ, с помощью которого можно проследить религиозную историю человеческой семьи с периода, даже столь отдаленного, как "первое рассеяние", или с того времени, когда одна раса охватывала все население земного шара. Гумбольдт в своих Исследованиях отмечает: "Во всех частях земного шара, на хребте Кордильер, а также на острове Самофракия в Эгейском море, фрагменты примитивных языков сохраняются в религиозных обрядах".

Что касается идентичности фундаментальных идей, содержащихся в различных религиозных системах, как прошлых, так и настоящих, Харгрейв Дженнингс, ссылаясь на параллель, проведенную сэром Уильямом Джонсом, между богами Меру и Олимпа, замечает:

"Все наши рассуждения приводят к одним и тем же выводам. В один прекрасный день это открытие погребальных ваз, на следующий — этимологическое исследование; еще раз это этнологическое исследование, а на следующий день - публикация неожиданных норвежских сказаний; но все это приводит к накоплению доказательств нашего кровного родства с историческими народами - и, мы могли бы добавить, первоначальной общей веры".

В том, что религиозные системы Индии и Египта изначально были одинаковыми, в настоящее время не может быть никаких разумных сомнений. Факт, отмеченный различными авторами о британских сипаях, которые на своем сухопутном пути из Индии, увидев руины Дендеры, пали ниц перед остатками древних храмов и вознесли им поклон, доказывает тождество индийских и египетских божеств. Эти иностранные приверженцы, когда их попросили объяснить причину их странного поведения, заявили, что они "видели перед собой изваяния богов своей страны".

Касаясь вопроса об идентичности восточных религий, Уилфорд замечает, что один и тот же кодекс как теологии, так и сказочной истории был воспринят через хребет или пояс шириной

около сорока градусов, пересекающий старый континент в юго-восточном и северо-западном направлении от восточных берегов полуострова Малага до западной оконечности Британских островов, что на протяжении всего этого огромного диапазона одни и те же религиозные представления вновь появляются в различных местах с различными модификациями, как и следовало ожидать; и что нет большей разницы между догматами и богослужением индусов и греков, чем существует между церквями Хоума и Женевы. .

Что касается универсальности определенных религиозных верований и мнений, Фабер, комментируя вышеприведенное утверждение Уилфорда, отмечает, что, каким бы огромным ни был этот территориальный диапазон, он слишком ограничен, чтобы охватить все явление целиком, что наблюдение

"в равной степени применимо ко всему пригодному для обитания земному шару; ибо произвольные обряды и мнения всех языческих народов имеют столь близкое сходство друг с другом, что такое совпадение могло быть вызвано только тем, что они имели общее происхождение. Само варварство не смогло стереть сильное впечатление первобытности. Остатки древней общей системы можно проследить на недавно открытых островах в Тихом океане; и когда американский мир впервые открылся отважным искателям приключений из Европы, его жители от севера до юга почитали, с родственными церемониями и понятиями, богов Египта и Индостана, Греции и Италии, Финикии и Британии".(1)

1) Языческое идолопоклонство, книга i, гл. i.

"Хотя у каждой религии есть свой особый рост, семя, из которого они прорастают, везде одно и то же".(2)

2) Макс Мюллер, "Происхождение и развитие религии", стр. 48.

Вопрос о том, обусловлены ли идентичность представлений и сходство в деталях, наблюдаемые в религиозных обрядах, церемониях и символах в различных странах земного шара универсальным законом единства, который управляет развитием человечества, или же из-за рассеяния одного первоначального народа ранние представления о Божестве распространились по всей земле, возможно, не решен; однако, исходя из фактов, которые были выдвинуты в течение последнего столетия, последняя теория кажется вполне вероятной, поскольку такое расхождение в религиозных идеях, которое наблюдается у различных народов земли, объясняется различиями в темпераменте, вызванными различными причинами. изменились условия жизни. Другими словами, расхождение в ходе религиозного развития, несомненно, было вызвано окружающей средой.

Пытаясь понять историю развития идеи бога, следует иметь в виду тот факт, что от самой ранней концепции созидательной силы в животном и растительном мире до новейшего развития теологических спекуляций никогда не существовало того, что можно было бы последовательно назвать новой религией. Напротив, религия, как и все остальное, подчиняется закону роста; следовательно, современные верования являются законным результатом первичной идеи Божества, развившейся в соответствии с законами, управляющими особыми инстинктами, которые преобладали в течение жизни человечества на земле.

Ошибочное впечатление, которое стало преобладать при вере в неизвестное, а именно, что моральный закон является результатом религии; или, другими словами, что человеческая совесть каким-то образом зависит от сверхъестественного в своем возникновении и поддержании, постепенно рассеивается с лучшими более ясным пониманием прошлой истории развития человеческой расы. В одном пункте мы можем с полным основанием быть уверены, что знание о добре и зле, а также наше чувство справедливости и праведного образа жизни были развиты совершенно независимо от всех религиозных верований. Моральный закон, воплощенный в золотом правиле, не является порождением мистицизма или человеческих представлений о непознаваемом; напротив, он является результатом опыта и был сформулирован в ответ на признанный закон человеческой необходимости — закон, который включает в себя фундаментальный принцип прогресса. История человеческого развития убедительно показывает, что человечество доросло до признания морального закона, что через сочувствие или желание благополучия других — характер, коренящийся в материнской привязанности, — развились совесть и моральное чувство.

Хотя моральный закон и совесть ни в коем случае нельзя рассматривать как результат человеческих представлений о непознаваемом, точно так же ошибки и слабости, развившиеся в человеческой природе, нельзя рассматривать как результат религии. Хотя сексуальные излишества, которые в течение трех или четырех тысяч лет практиковались как священные обряды и рассматривались как неотъемлемая часть религии в различных частях мира, стимулировали и усиливали животную природу в человеке, все же эти обряды нельзя рассматривать как первопричину превосходства низшей природы над высшими способностями. Напротив, импульс, который был назван религией, со всеми причудами, которые представляет его история, следует рассматривать скорее как следствие, чем как причину. Стадия развития нации определяет ее религию. Человек создает своих собственных богов; они бессильны изменить его.

Поскольку письменная история фиксирует только те события в человеческом опыте, которые относятся к сравнительно недавнему периоду существования человека, и поскольку примитивные представления о Божестве погребены под веками разложения, проблемски более ранних верований человечества, как уже говорилось, следует искать в традициях, памятниках и языках вымерших рас.

При рассмотрении этого вопроса мы, несомненно, обратим внимание на тот факт, что если стадия развития нации определяется ее религиозными представлениями и если остатки религиозных верований повсюду присутствуют в языках, традициях и памятниках прошлого, то благодаря тщательному изучению этих предметов мы можем ожидать получения достаточно правильного понимания не только роста идеи бога, но и стадии развития, достигнутой нациями, существовавшими до начала исторической эпохи. Мы также сможем понять, был ли ход человеческого развития в течение прошедших эпох непрерывным или же по какой-то до сих пор необъяснимой причине истинный прогресс на протяжении части этого времени был остановлен, что привело к обратному движению или вырождению.

Если мы хотим разгадать тайны, связанные с современными религиозными верованиями, нам не следует начинать с попыток проанализировать или объяснить какую-либо существующую систему или системы верований и поклонения. Такой курс, вероятно, приведет не только к замешательству и последующему отрицанию существования религиозной природы в

человечестве, но и может вызвать отвращение и недоверие ко всему предмету религиозного опыта. Ввиду этого факта казалось бы не только бесполезным, но и крайне неразумным тратить свое время на попытки получить знания об этом предмете, просто изучая более поздние события в его истории.

Если мы действительно желаем получить информацию о современных религиозных явлениях, очевидно, что мы должны принять научный метод и обратить наше внимание на отдаленное прошлое, где путем тщательного и систематического исследования мы можем воспринять самую раннюю концепцию созидательной силы и фундаментальную основу всех религиозных систем, от которой можно проследить постепенное развитие идеи бога.

ГЛАВА I. СЕКС КАК ОСНОВА ИДЕИ БОГА.

При изучении первобытной религии повсюду ясно видна аналогия, существующая между ростом идеи бога и развитием человеческой расы, и особенно между двумя половыми принципами.

"Религию следует искать единственно с ее оправданием и объяснением в отношениях полов. Там и только в этом".(3)

3) Харгрейв Дженнингс, фаллицизм.

Поскольку представление о божестве зародилось в сексе или в творческих силах женского и мужского начала, одушевляющих Природу, мы можем разумно ожидать найти в истории развития двух принципов пола и в представлениях, которые поддерживались относительно них на протяжении прошлых эпох, относительно верный отчет о росте идеи бога. Мы увидим, что в более раннюю эпоху существования человечества не только репродуктивные способности во всей Природе, и особенно у людей и животных, почитались как Создатель, но мы обнаружим также, что преобладающие идеи относительно важности обоих полов в процессе воспроизводства определяли пол этой универсальной созидательной силы. Мы также заметим, что представления о боге всегда соответствовали современным мнениям относительно важности обоих полов в человеческом обществе. Другими словами, до тех пор, пока

преобладали женская сила и влияние, созидательная сила рассматривалась как воплощающая принципы женской природы; однако позже, когда власть женщины пошла на убыль и было завоевано господство мужчины, идея бога начала постепенно приобретать мужские характеры и атрибуты.

Благодаря научным исследованиям был обнаружен факт, что на протяжении веков после появления жизни на земле мужчина не существовал отдельно; что два половых принципа, сперма и зародыш, содержались внутри одного и того же индивидуума. Однако в процессе дифференциации эти элементы отделились, и с отделением самца от самки репродуктивные функции отныне были переданы двум отдельным особям.

Поскольку изначально во всей Природе женщина была видимой органической единицей, внутри которой содержалась исключительная творческая сила, и поскольку на протяжении более ранних эпох жизни на земле она включала в себя мужское начало, возможно, неудивительно, что даже после появления человечества на земле следовало признать большую важность материнского элемента в человеческом обществе; и поскольку способность к рождению в сочетании с проницательной мудростью изначально составляли Творца, идея бога должна была быть женской, а не мужской.

Из фактов, которые следует наблюдать в связи с этим предметом, вполне вероятно, что на протяжении веков порождающий принцип во всей Природе почитался как женский; но с тем ростом знаний, который был результатом наблюдений и опыта, возобладали более справедливые или более правильные идеи, и впоследствии великая плодоносящая энергия во всей Вселенной стала рассматриваться как двойная неделимая сила — женская и мужская. Эта сила, или посредничество, составляла единого Бога, которому, поскольку функции женщины в те века считались более важными, чем функции мужчины, чаще поклонялись в виде женской фигуры.

Нейт, Минерва, Афина и Кибела, наиболее важные божества своих соответствующих стран, почитались как Проницательная Мудрость, или Свет, в то время как Церера и другие олицетворяли Плодородие. Однако с приходом мужского господства мы наблюдаем желание аннулировать важность женского начала и возвести на престол одного всемогущего бога мужского пола, главными атрибутами которого были сила.

Несмотря на усилия, которые в течение исторического периода предпринимались для преувеличения важности мужского начала как в человеческих делах, так и в идее бога, все же, я думаю, никто не может изучать мифологии и традиции народов древности, не будучи впечатленным выдающимся значением, придаваемым женскому элементу, и чем глубже изучение, тем сильнее будет это впечатление.

На определенном этапе развития человечества религия была всего лишь признанием оживляющих или плодоносящих сил Природы и опорой на них, а в более ранние эпохи существования человека богослужение состояло по большей части в праздновании праздников в определенные сезоны года, особенно во время посева и сбора урожая, в ознаменование пользы, получаемой от зерновых полей и виноградников.

Несомненно, первым обожествленным объектом была Гея, Земля. Поскольку предполагалось, что в недрах земли пребывает плодоносящая, животворящая сила, и поскольку от нее были получены все дары жизни, она была женского рода. Это была Всеобщая Мать, и ей, как

никакому другому божеству, которому поклонялось человечество, была предложена спонтанная преданность и добровольное признание зависимости. До сих пор в истории человечества не было возведено ни одного храма, посвященного неопределенному Богу. Дети Матери-Земли встретились на открытом воздухе, вне пределов какого-либо рукотворного святилища, под воздушным пологом небес, признавая щедрости великого Божества и свою зависимость от ее даров. Она была милосердным и премудрым Богом, нежным и любящим родителем — матерью, которая не требовала кровопролитных жертв, чтобы примирить себя со своими детьми. Церемонии, соблюдавшиеся в эти праздничные сезоны, состояли по большей части из веселья и общего благодарения, во время которого благодарность верующих выражалась в песнях и танцах, а также в обращениях к своему Божеству с просьбой вернуть или продолжить ее дары.

Впоследствии, благодаря благоговению, внушаемому таинствами, связанными с рождением и жизнью, преклонение перед созидательными принципами растительного существования дополнилось преклонением перед созидательными функциями людей и животных. Земля, включая присущую ей силу, с помощью которой поддерживается непрерывность существования и с помощью которой постоянно вызываются к жизни новые формы, воплощала идею Бога; и поскольку эта внутренняя сила считалась присущей материи или как ее проявление, со временем земле и небесам, телу и духу стали поклоняться в виде матери и ее ребенка, причем эта фигура была высшим выражением Творца, которое человеческий разум был способен постичь. Эта эмблема не только олицетворяла плодородие или оплодотворяющие энергии Природы, но и с силой созидания сочетались или коррелировали все ментальные качества и атрибуты двух полов. Фактически, вся вселенная содержалась в идее Матери — ребенке, который иногда был женщиной, иногда мужчиной, являясь отпрыском или ответвлением от вечной или универсальной единицы.

В основе всех древних мифологий лежит идея о том, что земля, из которой происходит все сущее, женского пола. Даже в мифологии финнов, лопарей и эстов Мать-Земля является почитаемым божеством. Тайлор обращает внимание на ту же идею в мифологии Англии,

"с тех пор, как англосакс воззвал к Земле: "Привет, ты, Земля, мать людей" (Hal wes thu folde fira modor), до того времени, когда средневековые англичане загадали ей вопрос "Кто мать Адама?", а поэзия продолжила то, что было забыто мифологией, когда Архангел Мильтона пообещал Адаму долгую жизнь

'... пока ты, как спелый плод, не упадешь
На колени своей Матери".(4)

4) Первобытная культура, том I, стр. 295.

В древней религии небо было мужем земли, а земля была матерью всех богов.(5) В традициях прошлых эпох четко осознается тот факт, что было время, когда мать была не только единственным признанным родителем на земле, но и что женскому началу поклонялись как более важной созидательной силе во всей Природе.

5) Макс Мюллер, "Происхождение и развитие религии", стр. 279.

Несомненно, поклонение женской энергии преобладало при матриархальной системе и практиковалось в то время, когда женщины были признанными главами семей и когда они считались более важными факторами в человеческом обществе. В предыдущей работе был показан тот факт, что после того, как женщины начали покидать свои дома после вступления в брак, и после того, как собственность, особенно земля, перешла под надзор и контроль мужчин, последние, поскольку они манипулировали всеми предметами первой необходимости и средствами их обеспечения, начали считать себя высшими существами, а позже заявлять, что как фактор воспроизводства, или созидания, мужчина был более важным. С этим изменением представления о Божестве также начали претерпевать модификацию. Двойной принцип, необходимый для творения и которому до сих пор поклонялись как неразделимому единству, начал постепенно разделяться на свои индивидуальные элементы: мужской, представляющий дух, движущую или формирующую силу в процессах воспроизводства, женский, являющийся материей - инструментом, через который действует дух. Дух, который вечен, произвел материю, которая подвержена разрушению. Следует отметить тот факт, что эта доктрина в большей или меньшей степени преобладает в теологиях настоящего времени.

Небольшое наблюдение и размышление покажут нам, что в ходе этого изменения представлений о творческом принципе, или Боге, происхождение и права наследования, которые до сих пор считались по материнской линии, были изменены с женской на мужскую, причем отец тем временем стал единственным признанным родителем. В "Эвменидах" Эсхила Орест в оправдание своего преступления ссылается на то, что он не родственник своей матери. Еврипид также вкладывает в уста Аполлона ту же физиологическую идею, что та, кто вынашивает ребенка, является всего лишь его кормилицей. Индуистский кодекс Мену, который, однако, с момента своего самого раннего зачатия претерпел бесчисленные искажения в угоду целям священнослужителей, провозглашает, что "мать - это всего лишь поле, на котором произрастает растение в соответствии с тем, какое семя посеяно".

Хотя благодаря массовому накоплению собственности и взятию женщин в жены мужчинам удалось добиться господства, и хотя была выдвинута доктрина о том, что отец является единственным родителем, тем самым изменив установленный способ исчисления происхождения, все же, как мы увидим ниже, потребовались тысячи лет, чтобы исключить женский элемент из идеи бога.

Мы не должны упускать из виду тот факт, что человеческое общество впервые было организовано и удерживалось вместе с помощью рода, во главе которого стояла женщина. Несколько членов этой организации были всего лишь частями одного тела, скрепленного чистым принципом материнства, и главная обязанность этих членов состояла в том, чтобы защищать друг друга, если потребуется, своей кровью. В одной из более ранних работ был отмечен факт, что организация общества была возможна только через род. Без этого человечество ничего не смогло бы достичь в своем собственном развитии.

Таким образом, на протяжении более ранних эпох человеческого существования, во времена, когда человечество жило ближе к Природе и до того, как личное богатство и разжигание порочных страстей породили суеверия, эгоизм и недоверие, материнский элемент составлял не только связующий и сохраняющий принцип в человеческом обществе, но вместе с силой производить на свет составлял также идею бога, идея которого, как уже было отмечено, на

определенном этапе истории человечества изображалась женской фигурой с ребенком на руках.

Из всех имеющихся источников информации следует извлечь свидетельства того факта, что самая ранняя религия, о которой у нас есть какие-либо сведения, была чистым поклонением Природе, что независимо от того, что в любой момент времени могло быть объектом поклонения, будь то земля, дерево, вода или солнце, это было просто символом великой движущей силы Природы. Движущая или формирующая сила во Вселенной составляла идею бога. Фигура матери со своим ребенком означала не только силу производить на свет, но и Проницательную Мудрость, или Свет.

Подобно тому, как благодаря изучению сравнительной этнологии или исследованию обычаев, традиций и мифологем существующих рас на различных стадиях развития были обнаружены зачатки религиозной идеи и ментальных качеств, которые у примитивных рас побуждали к поклонению, так и благодаря вымершим языкам и символике, используемой в религиозных обрядах и церемониях, были обнаружены многие процессы, благодаря которым оригинальные и прекрасные представления о Божестве и поклонение, вдохновленное действиями Природы, и особенно творческими функциями человека, постепенно стали затемняться самыми грубыми проявлениями. идеи и самые гнусные практики. Символы, которые появляются в связи с ранними религиозными обрядами и церемониями и под которыми скрываются представления о еще более ранней и чистой эпохе, при сравнении с развитыми впоследствии представлениями относительно тех же объектов, ясно указывают на изменение, произошедшее в первоначальных идеях относительно творческих функций, и служат указателем направления, которое приняло человеческое развитие, или рост.

Подобно тому, как человеческая раса создает своих собственных богов, и поскольку по представлениям, связанным с божествами, которым поклонялись в любой данный момент истории человечества, мы можем составить правильную оценку характера, темперамента и устремлений верующих, так и история богов расы, открывшаяся нам посредством символов, монументальных записей и изучения вымерших языков, доказывает, что со стадии поклонения Природе и чистого и рационального представления о созидательных силах во вселенной, человечество со временем выродилось в простых приверженцев чувственных удовольствий. удовольствие. С разложением человеческой природы и упадком умственных способностей, последовавшим за преобладанием животных инстинктов, прежняя абстрактная идея Бога постепенно была упущена из виду, и сам человек в образе властелина или правителя, вместе с различными символами мужественности, стал почитаться как Творец. Из почитателей абстрактного творческого принципа человечество превратилось в почитателей символов, под которыми этот принцип был скрыт.

Хотя на определенных этапах истории человеческой расы зло, постигшее расу в результате господства более грубых элементов, развитых в человечестве, вызывало сожаление и оплакивание, оно не могло быть подавлено. Человек стал потерянным и разрушенным созданием. Золотой век миновал.

ГЛАВА II. ПОКЛОНЕНИЕ ДЕРЕВЬЯМ, РАСТЕНИЯМ И ПЛОДАМ.

Когда человечество впервые начало осознавать факт всепроникающего действия в Природе, посредством которого все создается, и когда оно начало размышлять о происхождении жизни, конечной причине и предназначении вещей, ни в малейшей степени не удивительно, что различные объекты и элементы, такие как огонь, воздух, вода, деревья и т.д., в свою очередь, почитались как неким особым образом воплощающие божественную сущность. И это не удивительно, хотя эта универсальная сила рассматривалась как единое целое или как двойственная сущность, они должны были признать ее многообразные выражения или манифестации.

Для первобытного человека видимые источники, из которых поступало его ежедневное пропитание, несомненно, были первыми объектами его внимания и обожания. Следовательно, в дополнение к почитанию земли, со временем должно было добавиться поклонение деревьям, от которых древняя раса напрямую зависела в плане пропитания. В то время, когда искусство земледелия еще не было достигнуто, все такие деревья, которые приносили свои плоды для поддержания человеческого рода и которые давали человечеству приятные напитки или прохладную тень, стали рассматриваться как воплощающие универсальный благотворный принцип — великую созидательную и сохраняющую силу Природы, и, следовательно, как надлежащие объекты почитания.

Согласно финикийской теогонии, "первыми богами, которым поклонялись посредством приношений и жертвоприношений, были плоды земли, на которой они и их потомки жили так, как жили их предки".

Хотя после того, как было развито искусство земледелия, человечество постепенно избавилось от своей прошлой зависимости от дерева как средства к существованию, оно, тем не менее, продолжало почитаться как символ творческой силы или производительной энергии.

Среди традиций и памятников почти каждой страны земного шара можно найти следы священного дерева - Древа Жизни. В разных странах появляются два традиционных дерева, одно из которых символизирует продолжение физической жизни, другое - духовную, или жизнь души. Однако после того, как эпоха чистого поклонения Природе прошла и появились змея, огонь и фаллическая вера, первоначальное значение дерева, как и всех других религиозных эмблем, значительно изменилось. Благодаря своей энергии, или животворящим свойствам, дерево долгое время поддерживалось, и по этой причине, как уже было замечено, оно стало объектом почитания; но после того, как репродуктивная способность человека возросла до достоинства верховного Бога, дерево для народных масс стало символом физической, животворящей энергии смертных и животных. Другими словами, он стал фаллической эмблемой, олицетворяющей продолжение существования или способность воспроизводить или продолжать жизнь на земле. Как религиозный символ оно стало традиционным Древом Жизни.

Дерево, как почти любой другой объект в природе, было и остается в различных частях света либо женским, либо мужским, и все идеи, связанные с ним, священны и тесно переплетены с сексом.

Степень почитания деревьев в прошлые века, по-видимому, мало изучена, и, несомненно, в настоящее время найдется мало людей, которые охотно поверили бы, что на всем протяжении религиозного течения, от его истоков до новейших развитых ветвей, можно наблюдать следы этого древнего культа, который на самых ранних стадиях был просто признанием щедрот Природы.

Барлоу в своей работе о символизме говорит, что "наиболее общепринятым символом жизни является дерево, а также наиболее подходящим".

Тот же автор снова замечает: "Помимо представленных таким образом монументальных свидетельств о священном дереве, или Древе Жизни, существуют исторические и традиционные свидетельства того же самого, встречающиеся в ранней литературе различных народов, в обычаях и народных обычаях".(6) Поскольку поклонение дереву и солнцу, или процессам Природы, в конце концов переплелось с фаллическими верованиями, его историю можно понять только после того, как будут рассмотрены эти более поздние изменения в религиозном потоке, или после того, как будет раскрыто истинное значение змеи как религиозной эмблемы и различных идей, связанных с традиционным Древом Жизни.

6) Очерки символизма, стр. 84.

Пальма, сосна, дуб, баньян, или бо, и многие другие виды деревьев в разное время и у разных народов удостоивались божественных почестей; но в восточных странах, безусловно, самым священным среди них является *Ficus Religiosa*, или священное дерево бо Индии. Кое-что об истинном значении традиционного Древа Жизни можно проследить в идеях, связанных с поклонением этой эмблеме. Инжир, посаженный вместе с пальмой, как это часто бывает на Востоке, рядом с храмами и святынями, считается особо священным объектом. Когда переплетаются мужские ладони, они всегда становятся женскими; от их объятий развивается кальпия, или страсть. Этот союз обуславливает продолжение существования и "перевороты времени". Целое составляет Древо Жизни.

На Цейлоне в настоящее время растет дерево, которому, как нам сказали, до сих пор поклоняются все последователи Будды. Это священное бо, или фикус религиозный, который стоит рядом с древним святилищем, известным как Медный монастырь, ныне находящийся в руинах. Об этом дереве долгие замечания:

"Хотя сейчас он находится среди руин и диких лесов и простоял таким образом в уединенном запустении около 1500 лет, все же там он все еще растет, и ему поклоняются и глубоко почитают больше миллионов представителей нашей расы, чем любому другому богу, пророку или идолу, которых когда-либо видел мир".(7)

7) Реки жизни, том i, стр. 35.

Это дерево является священным для Сакью Муни, ему 2200 лет, и говорят, что оно является побегом с дерева, посаженного Буд Гайей, одним из трех бывших Будд, которые, как и Сакью Муни, посещали Цейлон. Под кронами этого дерева великий пророк почивал после того, как достиг совершенного покоя, или после того, как он победил плоть и стал Буддой. Именно под деревом бо Май, царица Небес, произвела его на свет, и, на самом деле, очень многие из самых важных событий его жизни тесно связаны с этой священной эмблемой.

Намекая на цейлонское дерево бо, веточка которого, как говорят, была привезена из Индии на этот остров некой жрицей в 307 году до нашей эры, Форлонг замечает:

"Этот замечательный идол дал всходы половине Азии, и каждый побег воспитывается настолько, насколько это возможно, как родитель, а также огорожен и ухожен. Люди наблюдают и прислушиваются к знакам и звукам, исходящим от этого священного дерева, точно так же, как это делали жрецы Додоны под своими шелестящими дубами, и, как многие люди даже в эти несколько скептические дни все еще делают, под кафедрами своего папы, священника или другого оракула".(8)

8) Реки жизни, том i, стр. 36.

Священному фикусу поклоняются в Индии и на многих островах Полинезии.

Что касается ладони, Инман уверяет нас, что она символизирует активную мужскую энергию или продолжение существования.(9)

9) Древние веры, воплощенные в древних именах, том ii., стр. 448.

Следует помнить, что в легендах, лежащих в основе еврейской религии, дерево таинственным образом связано с началом жизни и переплетено с первыми представлениями о человеческих действиях и опыте. Однако буквальный смысл аллегории в Книге Бытия, касающейся женщины, дерева и змея, и ее значение, общепринятое среди мирян и необразованных представителей духовенства, имеет мало общего с ее истинным значением, понимаемым посвященными.

В ведические времена домашнему дереву поклонялись как богу, а бодрящим свойствам его сока приписывали то тонкое качество, которое считалось животворящей, или созидательной, энергией, которая, как предполагалось, содержится в тепле, и которая была тесно связана со страстью, или энергией продолжения рода. Этим качеством был их Вакх, Дионис, или идея бога - творца не только физического существования, но также добра и зла. Это был Разрушитель и в то же время Возрожденец жизни.

О зороастрийском доме, или священном дереве, которому персы поклонялись на протяжении тысячелетий, Лейард замечает: "Растение или его продукт называли мистическим телом Бога, живой водой или пищей вечной жизни, если их должным образом освящать и употреблять в соответствии с зороастрийскими обрядами". Было высказано предположение, и не без оснований, что к этой идее древних о священном характере свойств домашнего сока можно отнести "происхождение празднования еврейских святых или пасхальных ужинов и других евхаристических обрядов".

Хотя древние иногда рассматривали воду как изначальный принцип, позже вино или содержащееся в нем опьяняющее качество стали составлять идею бога. Это был дух, в то время как вода была материей; следовательно, в таинствах вода и вино смешивались, вино представляло сущность или кровь Бога; вода, в то же время, символизировала людей. Киприан, епископ-мученик, отстаивая употребление вина в Таинстве Вечери Господней, приводит следующий аргумент:

Святой Дух также не умалчивает в Псалмах о таинстве этого, когда упоминает Чашу Господню и говорит: "Как прекрасна Твоя опьяняющая чаша!" Теперь чаша, которая опьяняет, несомненно, смешана с вином, ибо вода никого не может опьянить. И Чаша Господня у таких мудрых опьянителей, как Ное, также была опьянена употреблением вина в Книге Бытия. ... Ибо, поскольку Христос понес всех нас, в том смысле, что он также понес наши грехи, мы видим, что под водой понимается народ, но в вине видна кровь Христа.... Таким образом, при освящении чаши Господней не может быть предложена только вода, точно так же, как не может быть предложено только вино. Ибо если кто предложит только вино, кровь Христова отделится от нас; но если будет одна вода, люди отделятся от Христа".(10)

10) Послания Киприана, т. i, стр. 215-217.

Таинство Вечери Господней, во время которой вино таинственным образом превращается в сущность Божества или в кровь Христа, без сомнения, является пережитком идеи, некогда существовавшей относительно дерева хома. Некоторые авторы придерживаются мнения, что из употребления священного сока хома возникли различные религиозные практики и обряды, такие, например, как приношение жертв богам, помазание священными камнями и возливание вина на священные холмы, а также обычай произносить клятвы над бокалами вина.

Майский шест, явно фаллическая эмблема, праздники которой до недавнего времени отмечались в Англии как стариками, так и молодежью, обычно, если не всегда, был сбрызнут вином. Из имеющихся у нас сведений об этой священной эмблеме и ее празднике складывается впечатление, что ни королевского эдикта, ни осуждения священнослужителей было недостаточно, чтобы изгнать ее из страны.

По словам доктора Стивенсона, фестиваль Холи, или поклонение Холике Девате, на острове Цейлон, "имеет большое сходство с английским праздником Майского поула, который возник из религиозной церемонии или празднества кушитов (называемых финикийцами), которые в древности населяли Западную Европу".(11)

11) Цитируется Болдуином, "Доисторические нации", стр. 223.

Ясень - скандинавское Древо Жизни и, подобно священным деревьям всех народов, символизирует продолжение существования. У этого дерева тройной корень, особенность которого, несомненно, объясняет его священный характер. Оно одновременно женское и мужское и, как говорят, рассматривается как "своего рода Логос, или Мудрость". Это первая эманация Божества, и все же это Троица в Единстве. Оскорбить или поранить это дерево было святотатством, срубить его - преступлением, караемым смертью.

В древнеегипетских и зороастрийских преданиях встречаются описания двух Деревьев Жизни, а также Древа Познания. В описаниях этих деревьев фикус, женское Древо Жизни, олицетворяет жизнь души, в то время как пальма, мужское Древо Жизни, дает физическую жизнь, что также является истинным значением слова "господь". Когда, однако, любое из этих деревьев стояло отдельно или без сопровождения своего двойника, под ним понимались оба творческих принципа. Эти идеи наводят на мысль, которая, по-видимому, набирает силу среди определенной школы психологов нынешнего столетия, а именно: что человек является двойственной сущностью, или, другими словами, что у него есть субъективный разум и объективное "я", которые, пока длится эта жизнь, должны сотрудничать.

В следующих описаниях египетских эмблем будут восприняты некоторые изменения, которые в конечном итоге произошли относительно идеи пола в идее бога.

В музее египетских древностей в Берлине находится могильная табличка, изображающая Древо Жизни. На этой эмблеме изображен ствол дерева, из вершины которого торчит бюст женщины—Нетпе. Она является богиней небесного существования и раздает умершему воду и хлеб жизни, последний из которых представлен веществом в виде пирожных или булочек. Время, когда была найдена эта табличка, неизвестно, но предполагается, что она относится к периоду XIX династии, или примерно ко времени правления Рамсеса II, за 1400 лет до нашей эры

В берлинском музее также есть другое изображение Египетского Древа Жизни, на котором ствол уступил место всему телу женщины. Это также Нетпе, которая по-прежнему является духовной мудростью или материнским принципом. Форлонг сообщил нам, что амазонки поклонялись Диане под священным деревом.(12) Из этого символа дерева, которое выросло сначала в фигуру божественной женщины, а позже приняло форму божественного мужчины, возникла эмблема креста.

12) Реки жизни, том I, стр. 70.

На ниневийских табличках изображено Древо Жизни, окруженное крылатыми духами, несущими в руках сосновую шишку, символ, обозначающий жизнь, и который, как говорят, имеет то же значение, что и крукс-ансата, или крест, у египтян.

В более поздние эпохи Древо Жизни, то есть божественный человек, или крест, или и то, и другое вместе, дают бессмертную пищу тем, кто ими овладевает, точно так же, как это делала Нетпе, богиня мудрости, или духовной жизни, в прежние времена. Согласно свидетельству Барлоу, это тема, "наиболее часто символизируемая на раннехристианских надгробных табличках и памятниках". (13) Тело Христа было "хлебом жизни", а его кровь - "вином с Древа Жизни", вкушение которого означало жизнь вечную. Крест, как и в более ранних религиях, олицетворял полноту жизни. Древо джамбу, буддийское божественное дерево, имеет форму креста.(14)

13) Очерки символизма, стр. 74.

14) Уилфорд, Азиатские исследования.

У кельти высокий дуб был не только символом Божества, но и самим Юпитером, в то время как земля, из которой он вырос, была Великой Матерью. По всей Европе, во все века, дуб удостоивался божественных почестей. Тот факт, что под его ветвями иудеи, язычники и христиане давали свои самые торжественные клятвы, показывает, что его почитание не ограничивалось какой-либо определенной нацией или местностью.

Священность дуба у друидов хорошо подтверждена всеми авторами, которые имели дело с этим интересным народом. В Риме его ветви служили символом победы, который носили герои-завоеватели, и эта эмблема была высшим знаком отличия, который мог быть им присвоен.

Форлонг уверяет нас, что на Западе дубу поклонялись даже больше, чем священному Фикусу на Востоке. Как и в случае с ним, необходимо использовать древесину дуба

"вызывать священный огонь с Небес и зажигать в святочном (Suiel или Seul) журнале рождественских праздников даже христианские костры, а также ежегодно обновлять огнем непосредственно из Баала, в день Бельтайна, священное пламя в каждом общественном и частном очаге, и это от храмов Мероэ на Ниле до самых дальних ледяных лесов и гор Славонии".(15)

15) Веры людей во всех странах, том i, стр. 68.

У друидов омела также была священной, особенно когда она обвивала дуб. Вместе они олицетворяли Древо Жизни или две порождающие силы в Природе. О разновидности омелы, растущей на дубе, Борлайз говорит, что они обожествляли омелу и должны были смотреть на нее только самым набожным и благоговейным образом: "Когда приближался конец года, они с большой торжественностью шли собирать омелу с дуба, чтобы преподнести ее Юпитеру, приглашая весь мир помочь в церемонии".(16)

16) Борлайз.

Согласно латинскому писателю Плинию, "у друидов нет ничего более священного, чем омела и дерево, на котором она растет, при условии, что это дуб". Это растение, которое называется "Всецеленное", хотя и разыскивается с величайшим религиозным рвением, встречается редко, но если людям, выходящим на Рождество в большом количестве, удастся его найти, они немедленно приступают к приготовлению пиршеств под деревом, на котором оно растет; в то же время самым торжественным образом выводят двух белых быков для принесения в жертву. После того, как праздник приготовлен и принесено жертвоприношение, священник взбирается на дерево и золотым секатором срезает священные ветви омелы, бросая их на белую ткань, приготовленную для этого случая. Затем быков приносят в жертву и возносят молитву о том, чтобы "Бог сделал свой дар процветающим для тех, кому он его даровал". Они верили, что зелье, добавленное в него, придаст плодовитость любому бесплодному животному и что это средство против всех видов яда. Затем ветви омелы были розданы верующим, каждый из которых хранил этот знак как самую священную эмблему своей веры. Считается, что рождественская елка - это пережиток этого обычая.

Хотя Кристбаум у немцев, Иггдрасиль у скандинавов и рождественская елка у англоговорящих народов по-прежнему считаются принадлежащими исключительно христианству, их родиной

был дальний Восток, а их происхождение задолго до нашей эры. К этому вопросу мы вернемся позже на этих страницах. Говорят, что пальма, которая со временем стала самым священным деревом Египта, пускала побеги каждый месяц в течение года. Во время рождественского прилива или в день зимнего солнцестояния ветка этого дерева использовалась как символ обновления времени или рождения Нового года.

На Дендерском зодиаке, хранящемся в Национальной библиотеке в Париже, изображены два дерева, одно из которых представляет Восток, или Индию и Китай, другое - Запад, или Египет. Первое из этих деревьев выпускает пару листьев и увенчано эмблемами Шивы, эмблемами, которые указывают на плодоносящие силы Природы, в то время как египетское священное дерево, увенчанное страусиным пером, эмблемой истины, указывает на Свет, Разум или жизнь души. В речи, произнесенной доктором Стакли в 1760 году, внимание было обращено на рошу Авраама как на "ту знаменитую дубовую рошу Вирсавии, посаженную прославленным пророком и первым друидом Авраамом; и от которой произошли наши знаменитые британские друиды, которые придерживались той же патриархальной реформированной религии и принесли использование священных рош в Британию".(17)

17) Барлоу, Символизм, стр. 98.

Был установлен факт, что в Аравии в очень древние времена жила богиня по имени Азра, которой поклонялись в виде дерева под названием Самурч, и что в Йемене поклонение дереву все еще преобладает. Дате приписываются божественные почести. Говорят, что у этого дерева есть свои постоянные священники, службы, обряды и фестивали, и ему поклоняются так же ревностно, как богам любой другой страны. Мы не знаем, было ли еврейское Древо Жизни заимствовано у халдеев или египтян, но, поскольку значение его одинаково во всех странах, не имеет большого значения, каким образом автор Книги Бытия получил его копию.

В книге доктора Инмана "Древние веры" есть заимствование из оригинала "Искушения" полковника Кумбса, или древнего мифа о дереве и змее в книге Бытия. Этот рисунок, на котором видно, что еврейское представление о женщине как искусительнице перевернуто, был скопирован с внутренних стен пещеры на Юге Индии. Говорят, что картина точно отражает версию этой истории, принятую на Востоке.

О мирте Пейн Найт говорит, что он "был символом Венеры и Нептуна, мужского и женского олицетворений производительной силы вод, которые, по-видимому, иногда использовались в том же смысле, что и фи́га и фи́говый лист".

Тот же автор ссылается на тот факт, что вместо бус на монетах изображены венки из листьев, обычно лавра, оливы, мирта, плюща или дуба; иногда они окружают символические фигуры, а иногда в виде венков на их головах. Согласно Страбону, каждое из них посвящено какому-то конкретному олицетворению Божества и "означает какой-то определенный атрибут, и в целом все вечнозеленые растения были дионисийскими растениями, то есть символами воспроизводящей силы, означающими вечную молодость и бодрость". Лавровые, оливковые и т. Д. короны, которыми чествовались победители римских триумфов и греческих игр, были эмблемами бессмертия, а не просто временными знаками отличия.(18)

18) Пэйн Найт, Символизм древнего искусства. Нам сообщили, что эта книга никогда не продавалась, а только раздавалась. Хотя его копия

ранее находилась в Британском музее, попечители позаботились о том, чтобы исключить ее из каталогов.

Дерево и змея, согласно Фергюсону, символизируются во всех религиозных системах, которые когда-либо знал мир. Оба вместе типичны для процессов воспроизводства или зарождения. Они также символизируют добро и зло и причину, лежащую в основе упадка добродетели.

Среди бесчисленных плодов, которые время от времени считались божественными символами, главными, возможно, являются инжир, гранат, мандрагора, миндаль и олива. Особый священный характер, который мы обнаруживаем у инжира, перестает быть загадкой, как только мы вспоминаем, что органы зачатия, мужские и женские, со временем стали объектами поклонения и что инжир был эмблемой последнего.

Говорят, что корзина с этим фруктом была самым приемлемым подношением богу Вакху, и поэтому его приверженцы считали ее самым священным символом. Излюбленным материалом для фаллических приспособлений была древесина священного инжира, поскольку предполагалось, что именно путем трения друг о друга его кусочков можно получить священный огонь с небес. Под священным огнем, однако, подразумевался не столько естественный видимый элемент, который был зажжен, сколько та тонкая субстанция, содержащаяся в огне или тепле, которая, как предполагалось, содержала жизненный принцип и которая была послана в ответ на тягу благочестивых приверженцев к энергии продолжения рода, благословение которой у различных народов, особенно у евреев, свидетельствовало об особой божественной милости.

Язычники, евреи и христиане издавна считали гранат священной эмблемой. Это символ репродуктивной энергии. Изображения этого фрукта были вышиты на Эфде, и, как сообщается, Храм Соломона был буквально покрыт украшениями, в которых среди замеченных приспособлений именно этот фрукт бросается в глаза. Его значение, раскрытое Инманом и другими авторами, слишком грубо, чтобы излагать его на этих страницах.

Среди самых священных растений или цветов были лотос и лилия, оба из которых почитались из-за какой-то реальной или воображаемой органической сексуальной особенности. Лотосу поклоняются как женскому началу во всей Природе, или как "чреву всего творения", и он священен во всех восточных странах. Говорят, что он андрогинен или гермафродит — отсюда его особый священный характер.

Долгое время считалось, что эта лилия образуется без помощи мужской пыльцы, поэтому она, по-видимому, является подходящей эмблемой для той древней секты, которая поклонялась женщине как более важной созидательной энергии.

Говоря о лотосе, Инман замечает: "Среди четырнадцати видов пищи и цветов, преподносимых санскритскому Богу Анате, незаменимым является только лотос". Эта эмблема, как мы видели, была символом Великой Матери, и нас заверяют, что она была "немногим менее священна, чем сама Царица Небесная".

Говоря о лотосе и его универсальном значении как религиозной эмблемы, Пейн Найт говорит:

"Лотос - это Нелюмбо Линнея. Это растение растет в воде, и среди его широких листьев распускается цветок, в центре которого образуется семенной сосуд, имеющий форму колокольчика или перевернутого конуса, а сверху испещренный небольшими углублениями или ячейками, в которых прорастают семена. Отверстия этих клеток слишком малы, чтобы позволить семенам выпасть при созревании, и они прорастают в новые растения в тех местах, где они были сформированы, причем луковица сосуда служит матрицей для их питания, пока они не приобретут такую величину, что разорвут ее и высвободятся, после чего, подобно другим водным сорнякам, они пускают корни везде, куда их заносит течением. Следовательно, это растение, производящее само себя и произрастающее из своей собственной матрицы, не будучи выращенным в земле, было естественным образом принято как символ производительной силы вод, на которые воздействовал созидательный дух Создателя, давая жизнь и растительность материи. Соответственно, мы находим его применяемым во всех частях Северного полушария, где преобладает символическая религия, неправильно называемая идолопоклонством. Почти все священные изображения татар, японцев и индийцев помещены на нем, многочисленные примеры чего встречаются в публикациях Кемпфера, Соннерата и др.: Брама из Индии изображен сидящим на троне из лотоса, а фигуры на исаевской таблице держат стебель этого растения, увенчанный сосудом для семян в одной руке, и крест, представляющий мужские органы, в другой: таким образом, обозначая универсальную силу, как активную, так и пассивную, приписываемую этой богине".(19)

19) Символизм древнего искусства.

Лотос - самый священный и значимый символ, связанный со священными мистериями Востока. По этому поводу Морис замечает, что ни одно растение не пользовалось таким почетом, как лотос. Это был освященный символ Великой Матери, которая породила оплодотворяющие энергии, женскую и мужскую. Не только во всем Северном полушарии он повсеместно пользовался глубоким почитанием, но и среди современных египтян ему до сих пор поклоняются как символу Великого Первопричины. Лотос был эмблемой, которой поклонялись при торжественном праздновании мистерий Элевсина в Греции и Фидиции в Карфагене.

Говоря о степени почитания лотоса древними, Хиггинс говорит: "И в дальнейшем мы обнаружим, что он по-прежнему пользуется уважением, если не обожанием, значительной части христианского мира, возможно, не сознающей первоначальной причины своего поведения". Знаменательным фактом является то, что почти на всех священных картинах христиан, выставленных в галереях по всей Европе, особенно на картинах, изображающих Благовещение, всегда можно увидеть лилию. В более поздние эпохи, когда первоначальное значение лотоса было утрачено, его заменили любой лилией. Годфри Хиггинс уверен, что, хотя священники Римской церкви в настоящее время не знают истинного значения лотоса или лилии, "это, как и многие другие очень странные вещи, вероятно, понимают в Ватикане или Крипте собора Святого Петра".(20)

20) Анакалипсис, книга vii, глава xi.

Об индийском лотосе Нимрод говорит:

"Лотос - хорошо известная аллегория, широкая чашечка которой представляет корабли богов, плавающие по поверхности воды, а поднимающийся из нее прямостоячий цветок - его мачту... но поскольку кораблем была Исида, или Великая Матер, женское начало, а мачтой - мужское божество, эти части цветка приобрели некоторые другие значения, которые, по-видимому, были так же хорошо известны в Самосате, как и в Бенаресе".(21)

21) Цитируется в "Анакалипсисе".

Другими словами, это была фаллическая эмблема, олицетворявшая творческие процессы во всей Природе. Сузы, название столицы кушитов, или древних эфиопов, означало "Город лилий". В Индии лотос часто появляется среди фаллических украшений вместо священной Йони. На предыдущих страницах будет замечен факт, что Бог древних воплощал две созидательные силы во всей вселенной, но поскольку ничто не могло существовать без матери, великий Ом, который был неделимым Богом и Создателем солнца, был матерью этих двух принципов, в то время как Древо Жизни было изначальной животворящей энергией на земле, представленной в мифах о сотворении мира первым мужчиной Адамом и первой женщиной Евой или Адамой.

На протяжении веков эта сила, или творческая инициатива, символизировалась различными способами, многие из которых были отмечены на предыдущих страницах. Мы заметили, что, несмотря на тот факт, что было установлено верховенство мужского начала, священные Йони и лотос все еще почитались как символы самого возвышенного Бога. Наконец, когда мужской энергии начали поклоняться как более важному средству размножения, женская, хотя и все еще необходимая для завершения идеи бога, была скрыта.

Среди секты, известной как лингаиты, те, кто поклонялся мужской созидательной силе, Мужчине, Фаллосу и Творцу в религиозной символике, означали одно и то же в умах людей. Каждый из них олицетворял Древо Жизни, начало и конец всего сущего.

Поклонение деревьям было осуждено советами Тура, Нанта и Осера, а в XI веке оно было запрещено в Англии законами Канута, но эти указы, похоже, не возымели особого эффекта. Касаясь этого предмета, Барлоу говорит: "В XVIII веке он существовал в Ливонии, и следы его все еще можно найти на Британских островах". (22) Обширная территория, на которой когда-то распространялся культ деревьев и растительности, и упорство, с которым он все еще остается в человеческой расе, указывают на то, какую власть в более ранний период истории человечества он имел над религиозными чувствами людей.

22) Очерки символизма, стр. 118.

Этот культ настолько тесно переплелся со змеиными и фаллическими верованиями, что невозможно рассмотреть его даже вкратце, не предвосхитив эти более поздние события; тем не менее, связанный с культом земли и солнца, он, несомненно, преобладал на протяжении многих веков, абсолютно не связанный с более грубыми идеями, с которыми он впоследствии стал ассоциироваться.

ГЛАВА III. ПОКЛОНЕНИЕ СОЛНЦУ -ЖЕНСКАЯ И МУЖСКАЯ ЭНЕРГИИ СОЛНЦА.

"Когда мы исследуем культ народов в самые ранние периоды, к которым у нас есть доступ из письменности или традиции, мы обнаруживаем, что повсеместно преобладало поклонение единому Богу без храмов или изображений".(23)

23) Годфри Хиггинс, Кельтские друиды.

В основе всех древних религий, о которых у нас есть какие-либо сведения, можно наблюдать великую энергетическую силу всей Природы, признаваемую и почитаемую как Божество. Эта сила охватывает не только созидательные энергии в людях, животных и растениях, но в более ранние эпохи человеческой истории она включала также Мудрость, или Закон — ту "силу, с помощью которой все вещи различаются или определяются и удерживаются на своих местах". Самые известные писатели, занимавшиеся этим вопросом, сходятся в выводе, что на протяжении тысячелетий среди всех народов земли поклонялись только одному Богу. Этим Богом были Свет и Жизнь, которые исходили от солнца, или, точнее говоря, символизировались солнцем.

В египетских гимнах Создатель упоминается как существо, "сокрытое в солнце"; а греческие авторы говорят об этом светиле как о "производителе и питателе всего сущего, правителе мира". Однако считается, что ни один из этих народов не поклонялся материальному солнцу. Это был "центр или тело, из которого продолжал исходить всепроникающий дух, изначальный производитель порядка, плодородия и организации, чтобы сохранить могущественную структуру, которую он сформировал".

Очевидно, что в раннем возрасте как в Египте, так и в Индии уже сформировались одухотворенные представления о поклонении солнцу.

Мы видели, что Нетпе, Богиня Света, или Небесной Мудрости, даровала духовную жизнь всем, кто ее принимал. Великая Мать Богов в Индии была не только источником, из которого истекают все благословения, но и Началом и Концом всего сущего.

Об "Адिति, безграничной, там, за пределами всего и вся" Макс Мюллер говорит, что в более поздние времена она, "возможно, стала отождествляться с небом, а также с землей, но первоначально она была далеко за пределами неба и земли".(24) Тот же автор цитирует следующее, также из гимна Ригведы:

24) Происхождение и развитие религии, стр. 221.

"О Митра и Варуна, вы садитесь на свою колесницу, которая на заре становится золотистой, а на закате солнца имеет железные шесты; оттуда вы видите Адити и Дити, то есть то, что там, и то, что здесь, что бесконечно и что конечно, что смертно и что бессмертно".(25)

25) Там же.

Адити - это Великая Она, которая Есть, Вечная. Мюллер ссылается на тот факт, что другой индуистский поэт "говорит о заре как о лице Адити; таким образом, указывая, что Адити здесь - это не сам рассвет, а нечто за пределами рассвета". Эту Богиню, которую называют "Старейшей", умоляют "не только прогнать тьму и врагов, которые скрываются в темноте, но также избавить человека от любого греха, который он, возможно, совершил". "Пусть Адити днем защищает наш скот, пусть она, которая никогда не обманывает, защитит нас от зла".

В египетской, как и в индийской и еврейской религиях, два порождающих принципа во всей Природе представляют Бесконечное, Святая Святых, Элохим или Алейм — Сущность. В записях самых ранних религий Эфиопии или Аравии, Халдеи, Ассирии и Вавилонии обнаруживается тот же монадный принцип в Божестве. Эта концепция монады, или двойственного единства, этот Бог Света и Жизни, или Мудрости и воспроизводящей силы, является тем же источником, из которого возникли все мифологии, и, как уже говорилось, у всех народов наблюдается тот факт, что религиозная идея следовала по существу одному и тому же пути развития, или роста. В священных писаниях индусов есть только одна Всемогущая Сила, обычно обозначаемая как Брахм или Брахме—Ом или Аум. К этому слову в Индии относились с той же степенью почитания, что и к священному слову евреев. В более поздние эпохи доказывается тот факт, что этот Бог, в которого превращаются все божества, которым поклонялись в определенный период человеческой истории, является солнцем, или если не настоящим телесным солнцем, то высшимдействующим лицом внутри него, которое признавалось великой созидательной или жизненной силой - тем двойным принципом, который ранние расы признавали как Элохим, Ом, Ормузд и т.д., и от которого, как считалось, исходит производительная сила в людях, растениях и животных.

До развития культа дерева или фаллического культа солнце как эмблема Божества, несомненно, стало главным объектом почитания. Вероятно, прошли бы века, прежде чем первобытный человек заметил бы, что вся жизнь зависит от тепла солнечных лучей, или прежде чем на собственном опыте он осознал бы тот факт, что его действию, так же как и действию земли, он обязан как пищей, так и способностью двигаться. Однако, как только это знание было получено, великое светило дня заняло бы самое видное место среди объектов его внимания и обожания. То, что это было так, что солнцу, либо как действительному Творцу, либо как эмблеме великой энергетической силы в Природе, поклонялись все нации земного шара, нет недостатка в доказательствах; нет недостатка и в доказательствах, подтверждающих тот факт, что с момента принятия солнца в качестве божественного объекта, или, возможно, я должен сказать, в качестве эмблемы Мудрости и созидательной силы, оно никогда полностью не исключалось из представления человечества о божестве.

Брайант приводит бесчисленные этимологические доказательства, подтверждающие тот факт, что все ранние имена Божества были производными или составными от какого-либо слова, которое первоначально означало солнце.

Макс Мюллер говорит, что Сурья была солнцем, сияющим в небе. Савитри была солнцем, несущим свет и жизнь. Вишну был солнцем, шагающим тремя шагами по небу и т.д.

Инман, чьи этимологические исследования принесли ему значительную известность как знатоку санскрита и иврита, говорит, что Ра, Илос, Хелос, Бил, Баал, Аль, Аллах и Элохим были именами, данными солнцу как представителю Творца.

Годфри Хиггинс заверил нас, что Брахме - это то же солнце, что и Сурья. Брахма произошел из пупка Брахме. Фабер в своем "Языческом идолопоклонстве" говорит, что все боги древних "незаметно сливаются в одно целое, все они в равной степени являются солнцем". Слово "Аполлон" означает создателя или генератор Света. В Ригведе Сурья, солнце, называется Адитья. "Воистину, Сурья, ты велик; воистину, Адитья, ты велик".

Селден отмечает, что независимо от того, называются ли боги Осирисом, или Омфидой, или Нилусом, или любым другим именем, все они сосредоточены на солнце.

Согласно Диодору Сицилийскому, древние верили, что Дионис, Осирис, Серапис, Пан, Юпитер и Плутон были единым целым. Они были солнцем.

Макс Мюллер говорит, что очень низкая раса в Индии по имени санталы называют солнце чандро, что означает "яркое". Эти люди заявили миссионерам, поселившимся среди них, что Чандро сотворил мир; и когда им сказали, что было бы абсурдно утверждать, что солнце сотворило мир, они ответили: "Мы имеем в виду не видимого Чандро, а невидимого".

Мало того, что Дионис и все остальные боги, которых в более поздние эпохи стали считать мужчинами, представляли солнце, но после разделения мужского и женского начал в изначальном неделимом Боге, Маут или Минерва, Деметра, Церера, Исида, Юнона и другие, менееважные в языческом мире, также были солнцем, или, другими словами, они представляли женскую силу во всей вселенной, которая, как предполагалось, находилась в солнце.

В большинстве групп вавилонских и ассирийских божественных эмблем встречаются два различных изображения солнца: "одно изображено с четырьмя лучами или делениями внутри шара, а другое - с восемью". Согласно Джорджу Роулинсону, эти фигуры представляют различие между мужской и женской силами, обитающими внутри солнца, диск с четвертью, обозначающий мужскую энергию, и восьмилучевой шар, являющийся эмблемой женского начала!(26)

26) Сочинение х.

В более раннюю эпоху истории человечества, до разногласий, возникших по поводу относительной важности полов в размножении, и в то время, когда мать и ее ребенок олицетворяли Божество, солнцу поклонялись как Юпитеру женского пола. Все во вселенной было частью этого великого Бога. В то время в идее бога не было разделения. Творец представлял собой двойственное, но неделимое единство. Дионис ранее представлял этого Бога, как и Ом, Юпитер, Митра и другие. Юпитер был "Великой Девой", от которой все происходит.

"Юпитер существует первым, чьи раскаты гремят над головой, Юпитер последним, Юпитер самым средним, все исходит от Юпитера;

Юпитер женского пола, Бессмертный Юпитер мужского пола;
Юпитер широкой Земли, небеса сияют бледным светом.

Юпитер - это безграничный Дух, Юпитер - Огонь,
Который согревает мир чувствами и желаниями".

В одной из предыдущих работ упоминался факт, что первым ключом, полученным герром Бахофеном, автором книги "Дас Муттеррехт", к прежнему состоянию общества, при котором преобладала гинекократия, или социальное и политическое превосходство женщин, было значение, придаваемое женскому началу в Божестве во всех древних мифологиях.

Согласно свидетельствам различных авторов, Ом, хотя и включал в себя оба элемента Божества, тем не менее, имел женское значение. Сэр Уильям Джонс отмечает, что Ом означает матрицу оракула или матку.(27) По этому поводу Годфри Хиггинс, цитируя Драммонда, замечает:

27) См. Анакалипсис, книга iii, глава ii.

"Слово Ом или Ам на иврите означает не только могущество, силу, мощь, незыблемость, солидность, истину, но оно также означает Мать, как в Книге Бытия ii., 24, и Любовь, откуда происходит латинское Амо, Мама. Если понимать это слово как означающее силу, то "Амон" будет означать (первый слог находится в "режиме") храм силы воспроизводящей или созидательной силы, или храм могущественной силы продолжения рода. Если слово "Ам" означает Мать, то подразумевается еще более непонятная идея, а именно: материнская воспроизводящая сила, или материнская порождающая сила: возможно, Урания из Персии, или Венера Афродита с Крита и Греции, или Юпитерианская Генетрикс мужского и женского рода, или Брахме Май из Индии, или Альма Венера Лукреция. И Город Он, или Гелиополис, будет Городом солнца, или Городом созидательных сил природы, эмблемой которых всегда было солнце".

Согласно профессору У. Р. Смиту, Ом означает объединяющий или связывающий, факт, который объясняется ранним значением материнского элемента в раннем обществе. Имя великого Божества Ом или Аум почти не сходит с уст его почитателей, и когда оно произносится, его всегда произносят благоговейным шепотом. Что касается мистического слова Ом, нам говорят, что это название, данное Дельфам, и что "Дельфы означают женские органы зачатия, называемые в Индии Os Minhoe".

Хотя великий Бог Индии был женским и мужским, Форлонг все же заверил нас, что о женской энергии Майе, Царице Небес, даже в настоящее время больше слышно, чем о мужском принципе.

Согласно Брайанту, поклонение Ветчине - самое древнее, а также самое универсальное из всех в мире. Этот автор отмечает, что Хам, вместо того чтобы представлять индивидуума, является всего лишь греческим искажением Ом или Аум, великого андрогинного Бога Индии, Бога, идентичного по значению Алейму, Весте и всем другим представителям ранней двойственной вселенской силы. "На старом языке Бога называли Ал, Эль, Алуэ и Алейм, чаще Алейм, чем любое другое имя". По свидетельству Хиггинса, Алейм обозначает множественное число женского рода. Языческих божеств Аштарота и Вельзевула звали Алейм, Аштарот - это просто Астарта, украшенная бараньими рогами. Иштар нередко появляется с коровьими рогами.

Инман сообщил нам, что всякий раз, когда богиню видят с рогами — эмблемами, которые, кстати, всегда указывают на мужскую силу, — это должно обозначать тот факт, что она андрогинна или что в ней воплощено полное Божество — двойная репродуктивная энергия всей Природы. "Фигура становится эмблемой божественности и силы".(28)

28) Древние веры, воплощенные в древних именах, том i, стр. 311.

Митра—Спаситель, великое персидское божество, которому поклонялись как "Хранителю", был как женщиной, так и мужчиной. Среди изображений этого божества, которые хранятся в коллекции Таунли в Британском музее, есть одно, на котором оно изображено в женском образе, в акте убийства быка. Божество Ваал было как женским, так и мужским. Бога евреев на ранней стадии их карьеры звали Ваал. Восточный Ормузд также был двойственным, или андрогинным.

Орфей учит, что божественная природа одновременно женская и мужская. Согласно Проклу, Юпитер был бессмертной девушкой, "царицей Небес и Матерью Богов". Все сущее содержалось в утробе Юпитера. Эта Дева, в которой был воплощен мужской принцип, "дала свет и жизнь Еве". Она была животворящей, заряжающей энергией силой в Природе и была идентична Алейму, Ому, Астарте и другим. Богиня Эста, или Веста, или Гестия, которую Платон называет "душой тела вселенной", по мнению Беверли и других, является Самосущей, Великой "Той, которая Есть" индусов, значение которой идентично кушитскому или финикийскому божеству Алейму.

Согласно Марко Поло, у китайцев был только один верховный Бог, изображения которого у них не было, и которому они молились только о двух вещах — "здравом уме в здоровом теле". Однако у них был меньший бог — вероятно, такой же, как "Господь" (мужского рода) евреев, к которому они обращались с мольбами о дожде, хорошей погоде и всех второстепенных благах существования. На стенах домов китайцев есть табличка, которой они поклоняются. На этой табличке написано имя "высокого, небесного и верховного Бога". Главное слово, содержащееся в этой табличке, - "Тянь". Об этом китайском божестве Барлоу говорит: "Китайцы узнают в Тяньхоу Царицу Небес, кормящую грудью своего младенца-сына". С этой фигурой связан бутон лотоса, символ нового рождения.

Первоначально в Халдее и Египте поклонялись только одному верховному Богу. Это Божество изображалось в виде матери и ее ребенка, как и великий китайский бог. Она охватывала вселенную и все атрибуты Божества. Ему поклонялись за тысячи лет до рождения Марии, Матери Христа, и изображения его до сих пор сохранились не только в восточных странах, но и во многих странах Европы. В древнейших храмах Египта все еще можно наблюдать священные помещения, которые содержат "Святая Святых" и в которые в прошлые века никто не мог получить доступа, кроме жрецов и жриц высшего порядка. В этих покоях изображены тайны рождения вместе с символами поколения - эмблемами продолжения рода.

На берегу реки Нил видны руины храма Филы, строение которого, как говорят, представляет самый древний стиль архитектуры. Внутри этих руин можно увидеть внутреннюю камеру, в которой изображены сцены рождения бога-младенца Гора, и, действительно, повсюду среди памятников и руин Египта ясно виден тот факт, что созидательная сила и функции в

человеческих существах, в животных и в растительной жизни, вместе с Мудростью, когда-то составляли идею бога.

Между руинами дворца Амунофа III. и берегом Нила находятся две колоссальные статуи, каждая высечена из цельного каменного блока. Эти фигуры, хотя и находятся в сидячем положении, имеют высоту шестьдесят футов. Считается, что когда-то они образовывали вход в аллею из подобных фигур, ведущую ко дворцу. Предполагалось, что самая северная статуя изображает Амона, а сопутствующая ей фигура - его Мать. Однако сейчас многие авторы полагают, что эти фигуры вообще не представляют двух человек, а что в отдаленную эпоху мировой истории им поклонялись как двум великим принципам, женскому и мужскому, которые одушевляют Природу. Был замечен факт, что Ам или Ом изначально были женским Божеством, внутри которого содержалось мужское начало; однако, когда в результате изменений, произведенных во взаимном расположении полов, мужской элемент в обожаемом Божестве стал представлен как мужчина, а не как ребенок, им стал Амон. Он был солнцем, но, несмотря на тот факт, что он привлек к себе силы солнца, он все еще был самим собой, всего лишь порождением или эманацией женского Божества Ом, Матери Богов и Царицы Небес. Это была та, кто сотворила или породила солнце.

Существует традиция, согласно которой каждое утро первая из этих двух колоссальных фигур издает мелодичный звук, приветствуя свою Мать с розовыми пальцами, которую он признает источником всего Света и Мудрости. Тела описываются как "неподвижные, лица без выражения, глаза смотрят прямо перед собой, и все же некая величественная простота вызывает всеобщее восхищение".

Богиню Севера Дису или Иса, изображенную на священных барабанах лапландцев, сопровождал ребенок, похожий на Гора египтян.(29) Замечено также, что древние москвиты поклонялись священной группе, состоящей из матери и ее детей, вероятно, представляющей египетскую Исиду и ее потомство или, по крайней мере, некогда универсальную идею Божества.

29) Дженнингс, фаллицизм.

Следующее взято из книги Пейна Найта:

"Женская пантеистическая фигура из серебра с позолоченными краями драпировки и отделкой в целом, превосходящей почти все сохранившееся, была среди вещей, найденных в Мейконе на Соне в 1764 году и опубликованных Кайлусом. Он изображает Кибелу, вселенскую мать, с фресковой короной на голове и крыльями всепроникающего, растущими из ее плеч, смешивающую продуктивные элементы тепла и влаги, совершая возлияние над пламенем алтаря. С каждой стороны ее головы изображено по Дискури, обозначающему попеременное влияние дневного и ночного Солнца; а на полумесяце, поддерживаемом кончиками ее крыльев, изображены семь планет, каждая из которых обозначена бюстом правящего божества, покоящегося на глобусе, и расположена в порядке названных в их честь дней недели.

"В левой руке она держит два рога изобилия, символизирующие результат ее работы над двумя полушариями Земли; на них изображены бюсты Аполлона и Дианы, главных божеств этих полушарий, с золотым диском, пересеченным двумя поперечными линиями, такими, какие можно увидеть на других произведениях древнего искусства, и такими, какие северные варвары

использовали для обозначения солнечного года, разделенного на четыре части, с обратной стороны каждой".(30)

30) Символика древнего искусства.

Несомненно, в то время, когда женщина была главой рода и когда женский элемент в солнце, в людях и в Природе в целом считался более важным, Латоне и ее сыну Аполлону поклонялись вместе. Латона, Аполлон и Диана составляли триединого Бога. Последние две были женской и мужской энергиями, первая была источником, из которого они возникли. Как только человек избавляется от веры в популярное, но ошибочное мнение о том, что боги ранних египтян и греков были обожествленными героями прошлых эпох, он готов осознать тот факт, что, хотя непосвященным эти боги кажутся бесчисленными, на самом деле все они представляют одну и ту же идею, а именно: двойственную движущую силу в Природе вместе со Светом или Мудростью.

Мы видели, что, когда у народов античности цивилизация достигла своего расцвета, идея бога была представлена фигурой женщины с ребенком; однако впоследствии, когда эти народы начали приходить в упадок, творческая энергия охватывала просто физическую жизнь, или способность к воспроизводству, и была представлена различными эмблемами, которые будут рассмотрены далее в этой работе. В еще более поздние эпохи, после того как мужская репродуктивная сила стала Богом, и когда из-за суеверий и чувственности массы людей опустились до положения рабов, монархи, представляя себя своим невежественным подданным источником всех благ, даже самой жизни, присвоили себе титулы солнца и потребовали для себя поклонения, которое раньше принадлежало ему. Из этого факта, несомненно, возникло мнение, столь упорно поддерживаемое в последнее время, что боги древних были всего лишь обожествленными героями прежних времен.

Если бы в ранние эпохи существования человечества все боги воплощались в солнце, и если бы Свет и Жизнь, или Мудрость и способность воспроизводить и поддерживать жизнь, составляли Божество, тогда, конечно, Бог или солнце были бы женщиной или мужчиной, или обоими сразу, в соответствии с преобладающей верой в сравнительные творческие и поддерживающие силы полов.

Из того, что изложено на предыдущих страницах, несомненно, следует, что поклонение Деве с Младенцем не принадлежит, как обычно предполагается, исключительно римско-христианской церкви, но, напротив, представляет собой самую отдаленную идею о существовании Творца. Как уже упоминалось, нет никаких сомнений в том, что самое раннее поклонение женщине и ребенку было намного проще, чем то, которое стало преобладать в более поздние эпохи, в то время, когда каждая религиозная концепция была плотно прикрыта смесью астрологии и мифологии. После того, как планеты стали рассматриваться как активные участники воспроизводства и могущественные управляющие всеми земными делами, Дева Сферы, хотя она и олицетворяла Природу, была также созвездием, появляющимся над горизонтом в день зимнего солнцестояния или в то время, когда солнце достигало своей самой низкой точки и начинало возвращаться. В это время, 25 декабря, как раз когда дни начали удлиняться, эта Девственница родила Бога Солнца. Говорят, что он появился с ее стороны, отсюда легенда о

том, что Готама Будда был произведен со стороны Майи, а также история, в которую верят гностики и другие христианские секты, что Иисус был взят со стороны Марии.(31)

31) Несомненно, следует помнить, что аналогичное поверье существовало и относительно рождения Юлия Цезаря.

В церквях и на улицах многих городов Германии можно увидеть фигуры этой традиционной Богородицы. Она стоит одной ногой на полумесяце, а другой на голове змеи, во рту которой веточка яблони, на которой яблоко. Хвост змеи обвивается вокруг земного шара, который частично окутан облаками. На одной руке Богородицы находится Младенец, а в руке другой она несет священный лотос. Ее голова окружена ореолом света, похожим на лучи солнца.

Часто возникает вопрос: считают ли посвященные Римской церкви эти изображения законными изображениями Марии, жены Иосифа и Матери Христа, или они осознают их истинное значение? Несомненно, различные аксессуары, прикрепленные к этой фигурке, выдают ее древнее происхождение и раскрывают ее идентичность с египетской, халдейской и финикийской Девой Сферы.

Уже отмечалось, что в первоначальном представлении "Искушения" в пещерном храме Индии искусителем является не женщина, а мужчина, и особая особенность, наблюдаемая в связи с этим древним женским Божеством, заключается в том, что именно ОНА, а НЕ ЕЕ СЕМЯ попирает змея, доказывая таким образом, что первоначально Спасителем почиталась женщина, а не мужчина. Еще одна важная особенность, замеченная в связи с этим предметом, заключается в том, что древнейшие фигуры, изображающие эту Богиню, черные, что доказывает, что она, должно быть, принадлежала к темнокожей расе.

Это изображение, хотя и было черным или со смуглой кожей, имело длинные волосы, следовательно, не было негритянкой. Самая древняя статуя Цереры была черной, и Павсаний говорит, что в местечке под названием Меланжа в Аркадии стояла черная Венера. Всего несколько лет назад в Нидерландах была церковь, посвященная черной богине. Дева Сферы, которая наступает на голову змеи, олицетворяет универсальную женственность. Она - Дева из первой книги Бытия и мать всей Земли. Она олицетворяет не только творческую силу, но и Проницательную Мудрость. Хотя эту Богиню обычно видят с лотосом в руке, иногда она несет спелую кукурузу или пшеницу.

Мать Готамы Будды звали Май, или Майя, в честь месяца, в течение которого Земля облачается в свои самые красивые одежды.

Майя - прародительница вселенской Природы. Согласно Дэвису, мать Меркурия "является универсальным гением Природы, который различал все вещи в соответствии с их различными видами", таким же, как Мут из Египта. Говорят, что Май означает "та, кто начинает озарять". На самом деле она была матерью солнца, откуда все исходит. Она была материей, внутри которой был скрыт дух.

На изображениях Монфокона изображена богиня Исида, сидящая на лотосе. Ее голова, на которой находится земной шар, окружена сияющим кругом, который, очевидно, представляет солнце. На обратной стороне - Ieu, слово, "которое является обычным способом прочтения церковными авторами еврейского слова Иегова". Ссылаясь на это из Монфокона, Годфри

Хиггинс замечает: "Здесь Исида, чье покрывало ни один смертный никогда не откинет, небесная Дева Сферы, восседает на самозарождающемся священном лотосе и называется Ieu или Юпитер". (32) У нее также есть мистическое число 608, обозначающее Божество. Ее грудь ясно показывает, что это женское изображение, хотя с фигурой связана мужская эмблема, указывающая на то, что в ней содержатся оба элемента или что вселенная воплощена в женщине.

32) Анакалипсис, книга v, глава iv.

Хиггинс считает, что нет предмета, по которому было бы допущено больше ошибок, чем в отношении богини Исиды, как древними, так и современными. Он обращает внимание на непоследовательность называть ее луной, когда во многих странах луна мужского рода. Он совершенно уверен, что если Исида - это луна, то Церера, Прозерпина, Венера и все другие женские богини были одними и теми же, что, принимая во внимание имеющиеся повсюду факты, не может быть правдой. Однако верно, что "планета, называемая луной, была посвящена ей в судебной астрологии точно так же, как планета была посвящена Венере или Марсу. Но Венера и Марс сами по себе не были этими планетами, хотя эти планеты были для них священными". (33) Затем Хиггинс обращает внимание на ее храм в Саисе в Египте и на надпись, которая гласит, что "она постигает все, что есть, и было, и будет", что она "прародительница солнца", и он справедливо заключает, что Исида не может быть луной.

33) Анакалипсис, книга vi, глава ii.

Апулей заставляет Изиду сказать:

"Я - прародитель всего сущего, повелитель стихий, первичное порождение времени, самое возвышенное из божеств, первое из небесных богов и богинь, чье единственное божествовоесь мир почитает во многих формах, с различными обрядами и различными именами. Египтяне поклоняются мне с подобающими церемониями и называют меня моим истинным именем, царицей Исидой".

Нам говорят, что Исиду зовут Мирионимус, или богиня с 10 000 именами. Она - персидский Митра, который то же самое, что Будда, Минерва, Венера и все остальные.

Фабер признает, что женское начало раньше считалось Душой Мира. Он говорит:

"Исида была тем же самым, что Нейт или Минерва; следовательно, надпись в Саисе также относилась к этой богине. Афинагор сообщает нам, что Нейт, или Афина греков, считалась Мудростью, проходящей и распространяющейся во всем сущем. Отсюда очевидно, что она считалась Душой Мира; ибо именно такой характер носил этот мифологический персонаж". (34)

34) Языческое идолопоклонство, книга i, стр. 170.

Тот же автор говорит далее:

"Овидий придает подобный характер Венере. Он представляет ее как управляющую всем миром; как дающую законы Небу, Земле и Океану, как общую родительницу как богов, так и

людей, и как производительную причину как кукурузы, так и деревьев. Таким же образом ее прославляет Лукреций, который приписывает ей тот идентичный атрибут универсальности, который индусы придают своей Богине Изи или Деви".(35)

35) Там же.

Похоже, что все авторы, целью которых является раскрытие, а не сокрытие древних тайн, придерживаются общего мнения, что до сравнительно недавнего времени луне никогда не поклонялись как Исиде. До тех пор, пока происхождение и значение древней религии не были забыты, а идеи, лежащие в основе поклонения Природе, не были утрачены, луна никогда не рассматривалась как олицетворяющая женское начало.

Когда человек начал считать себя единственным важным фактором в продолжении рода, и когда солнце приобрело мужской облик, а тепло или страсть составили идею бога, луну называли Исидой. Луна олицетворяла отсутствие тепла, поэтому в ней было мало признанного божественного элемента. Возможно, в данных обстоятельствах это была подходящая эмблема для женщины.

В священных писаниях индусов есть рассказ о луне, Соме, превратившейся в женщину по имени Чандра, "белую или серебристую".

Говоря о луне, Калиш говорит: "Весь ритуал финикийской богини Астарты, с которой эта Царица Небес идентична и которая была богиней плодородия, по-видимому, был перенесен на нее".(36)

36) Исторический и критический комментарий к Ветхому Завету.

В ранние века женщина считалась Создательницей до такой степени, что во многих странах, где ее поклонение впоследствии стало отождествляться с поклонением луне, Луне поклонялись как производительнице солнца. Согласно вавилонским таблицам сотворения мира, луна была самым важным небесным телом. В более поздние эпохи пол солнца и луны, по-видимому, чрезвычайно менялся. Ахты острова Ванкувер поклоняются солнцу и Луне - солнцу как женщине, луне как мужчине.(37) В некоторых странах Африки Луне поклоняются как женщине, а солнцепоклонство неизвестно. У разных народов солнце и луна считаются мужем и женой, а у других - братом и сестрой. В некоторых странах оба являются женщинами. Я не могу найти ни одного примера, когда оба были бы мужчинами. Как индусы, так и ацтеки в свое время говорили, что Луна мужского пола и часто, что солнце женского пола.

37) Тайлор, Первобытная культура, том ii., стр. 272.

Тот факт, что у персов луна, как и солнце, в определенный период рассматривались как источник энергии для продолжения рода и как влияющие на процессы воспроизводства, подтверждается различными отрывками из Авесты. В Хорда-Авесте восхваляется "Луна, содержащая семя крупного рогатого скота, единородный Бык, Быки многих видов".

Возможно, наиболее широко распространенным и повсеместно почитаемым изображением древнего женского божества в Египте была Дева Нейт или Нейтит, Афина у греков и Минерва у римлян. Ее имя означает "Я произошла от самой себя". Это Божество олицетворяет не только

творческую силу, но и абстрактный интеллект, Мудрость или Свет. Ее храм в Саисе был самым большим в Египте. Она была открыта сверху и содержала следующую надпись: "Я есмь все, что было, есть и будет; ни один смертный не приподнимал моего покрывала, и плодом, который я принес, было солнце". Ее также называли Мут, всеобщая мать. Короли особо почитались в титуле "Сын Нейт".

Чтобы выразить идею о том, что женская энергия в Божестве заключала в себе не только силу производить на свет, но и что она включала в себя все природные силы, атрибуты и возможности человеческой природы, она была изображена чистой Девой, которая также была матерью. Согласно Геродоту, поклонение Минерве было распространено в Ливии, откуда оно попало в Египет, а оттуда было перенесено в Грецию. Среди остатков египетской мифологии повсюду встречаются фигуры матери и ребенка. Различные авторы полагают, что поклонение черной деве с младенцем пришло в Италию из Египта.

Изменение, отмеченное в росте религиозной идеи, благодаря которой мужское начало занимает более важное положение в Божестве, может быть легко прослежено путем тщательного изучения имеющихся фактов, и, как уже было сказано, будет обнаружено, что это изменение соответствует тому, что в более раннюю эпоху мира имело место в относительном положении полов. Во всех самых ранних изображениях Божества наблюдается тот факт, что внутри материнского элемента содержится обожаемое божество, в то время как мужчина предстает как ребенок и зависит от заботы женщины в плане существования и поддержки. Постепенно, однако, по мере того, как важность мужчины начинает осознаваться в человеческих делах, мы обнаруживаем, что мужская энергия в Божестве, вместо того чтобы проявляться как ребенок на руках у своей матери, представлена как мужчина, и что он имеет равное значение с женщиной; позже он отождествляется с солнцем, женщиной, хотя все еще является необходимым фактором в идее бога, будучи скрытым или поглощенным в мужчине. Уже не женщина должна поразить змею в голову, но семя женщины, или сын. Он - Вакх в Греции, Адонис в Сирии, Кристина в Индии. Он действительно является новым солнцем, которое рождается 25 декабря, или в то время, когда солнечный шар достигает своего самого низкого положения и начинает восходить. Возможно, нет необходимости добавлять, что он также является Христом из Вифлеема, сыном Богородицы.

Пожалуй, нигде растущее значение мужского начала в идее бога не прослеживается так ясно, как в истории арабов. Среди этого народа все еще можно найти определенные пережитки матриархальной эпохи — эпохи, в которой женщины были признанными главами семей и одноименными лидерами родов или кланов. Что касается поклонения мужчине и женщине как богу у ранних арабов, профессор. Робертсон Смит замечает:

"За исключением сравнительно современных Исафа и Наилы в святилище в Мекке, где сохранились традиции сирийского влияния, я не знаю, чтобы у арабов были пары богов, представленные в виде мужа и жены. Во времена Мухаммеда женские божества, такие как Аль-лат, считались дочерьми верховного Бога-мужчины. Но более древняя концепция, как мы видим из набатейской надписи в De Vogue, стр. 119, заключается в том, что Ал-лат - мать богов. В Петре богине-матери и ее сыну поклонялись вместе, и в других местах сохранилось достаточно следов того же самого, чтобы мы могли считать это общим правилом, когда богу и богине поклонялись в одном святилище".(38)

Поскольку поклонение черной деве с младенцем связано с самой ранней религией, о которой мы можем мельком узнать, точное местоположение, в котором она впервые появилась, должно быть в некоторой степени предметом догадок, но то, что эта идея составляла Божество у эфиопской или ранней кушитской расы, народа, который, несомненно, принес цивилизацию в Египет, Индию и Халдею, вполне вероятно.

Если мы примем во внимание тот факт, что боги древних представляли принципы и силы, мы не удивимся, обнаружив, что Мут, Нейт или Исида, которые были создателями солнца, также были первой эманацией солнца. Минерва — это Мудрость, Логос, Слово. Она - Восприятие, Свет и т.д. На более позднем этапе истории религии все эманации Божества - это мужчины, которые являются "Спасителями".

То, что роль мужчины как творческой силы зависит от женщины, является фактом настолько очевидным, что на протяжении веков материнский принцип не мог быть исключен из концепции Божества, а почитание Афины или Минервы, даже после того, как женщины стали всего лишь сексуальными рабынями и инструментами домашнего обихода, показывает, до какой степени укоренилась идея женского превосходства в Природе и Божестве.

Несмотря на усилия, которые на протяжении бесчисленных веков предпринимались для свержения женского принципа в идее бога, Великая Мать, под одним из своих различных имен, продолжала, вплоть до позднего периода истории человечества, требовать почитания значительной части жителей земного шара. И так трудно было, даже после того, как мужской элемент провозгласил себя верховным, представить себе творческую силу, независимую от женского принципа, что часто, в более ранние эпохи их разделения, наблюдается большая путаница и неясность в определении положения мужских божеств. Зевс, которому в более поздние времена стали поклоняться как мужчине, раньше представлялся как "великая плотина, ужасная девственница, от которой веет преступлением, гневом и смертью". Грот ссылается на многочисленных авторов как на авторитет в утверждении, что Дионис, который обычно появляется в Греции как мужчина и который, несомненно, был Иеговой евреев, был коренным жителем Фракии, Фригии и Лидии как Великая Мать Кибела. Он был идентичен Бахусу, который, хотя и изображен на различных монетах как "бородатая почтенная фигура", выглядит с конечностями, чертами лица и характером красивой молодой женщины. Иногда это Божество изображают с прорастающими рогами, а иногда и с короной из плюща. Фригийский Аттис и сирийский Адонис, представленные в памятниках древнего искусства, являются андрогинными олицетворениями одних и тех же атрибутов. Согласно свидетельству географа Дионисия, поклонение Вакху некогда совершалось на Британских островах точно таким же образом, как это было в более раннюю эпоху во Фракии и на берегах Ганга.

Ссылаясь на идейского Зевса на Крите, Деметру в Элевсине, кабаири на Самофракии и Диониса в Дельфах и Фивах, Грот замечает: "То, что все они были в значительной степени аналогичны, доказывается тем, как они неизбежно сочетаются и путаются в умах различных авторов".

Относительно Сади, Садим или Шаддаи Хиггинс замечает:

Паркхерст говорит нам, что это означает "всеблагая" - "изливающая благословения"; у язычников — "Dea Multimammia"; фактически, "Диана Эфесская", "Урания Персидская", "Юпитер греческий", названная Орфеем Матерью Богов, как мужского, так и женского пола — "Венера Афродита"; короче говоря, "гениальные силы Природы".

На что Хиггинс добавляет: "И я утверждаю, что это означает фигуру, которая часто встречается в коллекциях древних статуй, прекрасно выполненную и называемую Гермафродитом".

Поскольку в древнем языке не было среднего рода, боги всегда должны были представлять либо в женском, либо в мужском обличье. По очевидным причинам во всех переводах с помощью используемых местоимений и прилагательных все наиболее важные древние божества представлены как мужчины.

По крайней мере, два древних автора называют Юпитера Матерью Богов. Ссылаясь на определенное греческое название, Брайант отмечает, что это мужское имя женского божества — имя, которое, как говорят, является искажением Май, индуистской царицы Небес.

Со временем, когда мир становился все более и более маскулинизированным, стало настолько важным, чтобы мужчина занимал более высокое место в Божестве, что даже Великая Мать Богов, как мы видели, представлена как мужчина.

Андрогинная форма древнего финикийского бога Алейма, Творца, упоминаемого в первой главе Книги Бытия, во множественном числе, совершенно очевидна. Этот Бог, обращаясь к своему двойнику, Мудрости, женской энергии, говорит: "Давайте сотворим человека по нашему собственному образу и подобию", и соответственно получают мужчины и женщины. Те, чьей обязанностью в прошлом было доказывать, что представленное здесь Божество состоит только из мужских атрибутов, дают нам понять, что Бог действительно "разговаривал сам с собой" и что в своих божественных размышлениях чрезмерная скромность диктовала "вежливую форму речи"; следовательно, он сказал не совсем то, что имел в виду, или, по крайней мере, имел в виду не совсем то, что сказал. Однако мы должны иметь в виду, что, поскольку мужчина в то время еще не был сотворен, если бы не присутствовал женский элемент, этот избыток вежливости со стороны "Господа" был бы полностью утрачен. Конечно, в деле, требующем такого огромного напряжения сил, как сотворение человека независимо от женской энергии, мы вряд ли ожидали бы увидеть высокого и могущественного властелина мужского пола, которому впоследствии поклонялись как Господу израильтян, отказавшегося от своего обычного "Я Господь" просто из уважения к животным.

В христианских странах в течение последних полутора тысяч лет прилагались величайшие усилия, чтобы скрыть тот факт, что поклонение солнцу лежит в основе всех форм религии, и при протестантском христианстве не жалели усилий для устранения женского элемента из идеи бога; отсюда невежество, преобладающее в настоящее время в отношении того факта, что Творец когда-то постигал силы Природы, которым более древняя раса поклонялась как женщинам.

ГЛАВА IV. ДВОЙСТВЕННЫЙ БОГ ДРЕВНИХ БЫЛ ТАКЖЕ ТРОИЦЕЙ.

Хотя Бог самых древних людей представлял собой двойственное Единство, в более поздние века ему стали поклоняться как Троице. Когда человечество начало размышлять о происхождении жизненного принципа, оно пришло к поклонению своему Божеству в его трех ипостасях: Создателя, Хранителя и Разрушителя, или Возрождающего, каждый из которых был женщиной и мужчиной. Мы заметили, что, согласно Хиггинсу, когда об этой Троице говорили собирательно, она называлась в женском роде множественного числа.

Различными авторами, которые рассматривали эту тему в течение последнего столетия, было высказано большое удивление по поводу того факта, что на протяжении неисчислимых веков люди земли поклонялись Троице. Форстер в своих "Очерках индуистской мифологии" говорит: "Одним обстоятельством, которое сильно привлекло мое внимание, была вера индусов в Троицу".

Морис в своих "Индийских древностях" отмечает, что идея трех лиц в Божестве была распространена среди всех народов земли, в таких отдаленных регионах, как Япония и Перу, что она получила всеобщее признание на всей территории Египта и Индии, "с одинаковой силой расцветая среди заснеженных гор Тибета и бескрайних пустынь Сибири". Предполагается, что идея Троицы была впервые разработана на берегах Инда, откуда она была перенесена к греческим и латинским народам. Астрологически триединое Божество древних изображало процессы Природы.

Эта загадочная доктрина, как ее понимали очень древние люди, которые ее создали, предполагала знание Природы, слишком глубокое, чтобы быть оцененным или понятым их дегенеративными потомками, за исключением, возможно, нескольких философов и ученых, которые впитали ее в измененной форме из оригинальных источников на Дальнем Востоке.

После установления Троицы творческая энергия, которая ранее была представлена матерью и ребенком, стала олицетворяться матерью, отцом и производной от них жизнью. Иногда Троица принимала форму двух созидательных сил, женской и мужской, и Великой Матери.

Всякий раз, когда два созидательных принципа рассматривались отдельно, всегда оказывалось, что над ними, как их Создатель, находится неделимое единство. Этим Творцом был "Запредельный", "всевышний Бог" — Ом или Алейм. Это была Мать Богов, в которой содержались все элементы Божества. Среди изображений идеи бога, которые можно наблюдать на памятниках и в храмах Египта, фигурируют триады, каждая из которых состоит из женщины, расположенной между мужской фигурой и фигурой ребенка. Она изображается как Свет солнца, или Мудрость, в то время как мужчина проявляется как Тепло дневного светила. Она коронована и всегда носит мужской символ жизни — крукс-ансату.

Позже было замечено, что поклонение Свету в определенной степени уступило место поклонению Теплу, другими словами, Свету больше не поклоняются как сущности Божества, а Тепло или Страсть стали наиболее важным элементом творческой силы.

После того, как древнее поклонение Деве с Младенцем было несколько изменено или модифицировано, чтобы лучше соответствовать растущему значению мужского начала, наиболее возвышенным представлением о Божестве в Египте, по-видимому, было представление о троице, состоящей из Маут -Матери, Аммона-Отца и Хонса - Младенческой Жизни, происходящей от двух других. Маут идентична Нейт, но она стала женой и матерью Амона. Непосредственно под этой концепцией Божества находится триада, представляющая менее возвышенные атрибуты, или более низкие степени мудрости, под названиями Сейт, Кнеф и дитя Анук; и, таким образом, вниз, через различные сферы небесного света и жизни, вовлеченные в их теогонию, наблюдаются божественные созидательные энергии, представленные фигурами Матери, Отца и истекающей из них Жизни, пока, наконец, когда достигается земля, Исида, Осирис и Гор не появляются как представление созидательных сил в человеческих существах и, следовательно, как воплощение божественного в человеческом теле. человек.

Божество, упоминаемое во всех ранних надписях, представляет собой триаду, и нас заверяют, что в Вавилонии, где Белтис ассоциируется с Белусом, "ни один бог не появляется без богини".

Верховным Божеством Ассирии был Ашшур, которому поклонялись иногда как женщине, иногда как мужчине. Этот Бог, несомненно, представляет двойной или тройной творческий принцип, наблюдавшийся во всех более ранних формах поклонения. У Ашшур не было отдельного храма, но поскольку она стояла во главе Пантеона, предполагалось, что все святилища по всей Ассирии были открыты для поклонения ей.

Согласно Бунзену, в сидонско-тирском округе первоначально было три великих бога, во главе которых стоит Астарта — женщина, олицетворяющая чистый разум; затем следуют Зевс, Демарий и Адорус. Без сомнения, эта триада представляет Божество-монаду, сходное по характеру с тем, которое наблюдается в Египте и других странах.

В умах всех хорошо информированных людей больше нет никаких сомнений в том, что во времена Авраама хананеи поклонялись тем же богам, что и персы и все другие окружающие их народы, а именно Элохиму, двойной или триединой созидательной силе в Природе. Поскольку Солнце было источником, из которого исходил весь свет и жизнь, а также репродуктивная или воспроизводящая сила, оно стало объектом поклонения, и как эмблеме Божества ему поклонялись всенароды земли в его трех ипостасях - Создателя, Хранителя и Разрушителя или Регенератора, как женского, так и мужского пола.

Мелхиседек, который был священником всевышнего Бога, благословил Авраама, который поклонялся тому же Божеству. По этому поводу доктор Шакфорд говорит:

"Очевидно, что Авраам и его потомки поклонялись не только истинному и живому Богу, но они призывали его во имя Господа, и они поклонялись Господу, имя которого они призывали, так что объектом их поклонения были два человека, Бог и этот Господь: и Священные Писания отличают этих двух людей друг от друга по тому обстоятельству, что Бога никто никогда не видел и не может увидеть, но Господь, которому поклонялись Авраам и его потомки, был человеком, который явился им".

Нам говорят, что при правильном переводе главы XXI, стиха 33 книги Бытия, Авраам представлен как воззавший к Иегове, вечному Богу.

В еврейском имени Йод-Хе-Вау (Иегова) был выражен триединый характер Творца; другими словами, это имя "охватывало основные совершенства великого Бога" и использовалось в их Священных Писаниях как "своего рода краткое изложение или откровение атрибутов Божества".

Хотя Авраам, находясь в Египте, поклонялся идолам, нас заверяют, что "особая привилегия, дарованная ему, заключалась в откровении святого имени Бога Йод-Хе-Вэу". Действительно, есть много свидетельств, подтверждающих, что народ, представленный Авраамом, понимал более раннюю концепцию Божества и что, хотя великий универсальный принцип, произносить имя которого было святотатством, все еще признавался, существовал другой Бог (Господь), такой же, как в Китае, поклонение которому они начинали перенимать. "И дал Иаков обет, говоря: если Бог будет со мной и сохранит меня на этом пути, по которому я иду, и даст мне есть хлеб и надеть одежду, так что я вернусь в дом Отца Моего с миром; тогда Господь будет моим Богом".

Затем он объявил, что столб или камень, который он установил и который был символом мужской энергии продолжения рода, должен быть домом Бога.

Поскольку во времена, представленные Иаковом, среди израильтян, очевидно, было мало духовности или ее вообще не было, этот Господь, которому они поклонялись, был просто жизнедателем в самом материальном или практическом смысле.

Репродуктивная энергия в человеке стала обожествленной. Другими словами, она стала обладать всеми атрибутами бога или могущественного человека, что на самом деле было одним и тем же. Именно этот олицетворенный бог представлен явившимся Аврааму и беседующим с ним лицом к лицу. С этим же богом боролся Иаков, в то время как настоящего Бога — двойственный или триединый принцип, Иегову или Иав, ни один человек не мог видеть и жить.

Чтобы скрыть тот факт, что Бог Авраама первоначально состоял из двойного или тройственного единства и что Божество было идентично по значению божеству современных народов, священники, как обычно, прибегли к уловке, чтобы обмануть невежественных или непосвященных. В связи с этим вопросом Годфри Хиггинс говорит:

"Во второй книге Бытия описывается, что творение было сотворено не Алеем или самими Алеймами, а Богом с двойным именем Иеуэ Алейм, которое священники перевели как "Господь" Бог. Используя слово "Господь", их цель, очевидно, состоит в том, чтобы скрыть от своих читателей некоторые трудности, которые впоследствии возникают в отношении имен Бога и этого слова и которые ясно показывают, что книги Пятикнижия являются сочинениями разных людей".(39)

39) Анакалипсис, книга ii, глава i.

По этому поводу епископ Коленсо замечает:

И особенно следует отметить, что когда все эллистические отрывки извлекаются и копируются один за другим, они образуют полное, связанное повествование; из чего мы делаем вывод, что они, должно быть, составили оригинальную историю, и что другие отрывки были впоследствии вставлены другим автором, который пожелал расширить или дополнить первичную запись. И

он, по-видимому, использовал составное "Иегова Алейм" в первой части своего труда, чтобы произвести впечатление на читателя, что Иегова, о котором он продолжает говорить в более поздних частях, является тем же самым Великим Существом, которое более старый автор называет просто Элохим, и особенно в первом рассказе о сотворении мира ".(40)

40) Лекции о Пятикнижии и Моавитском камне, стр. 7.

Бунзен сообщает нам, что Эл, или Элохим, понимает истинное значение Божества среди всех арамейских или ханаанских рас, Эл представляет абстрактный принцип, взятый в совокупности, Элохим относится к отдельным элементам как Создатель, Хранитель и Возрождающий. Каждая из этих ханаанских рас унаследовала эти идеи от своих отцов, и, хотя они стали вопиющими идолопоклонниками, "Моисей знал, а образованные израильтяне долгое время сохраняли осознание того, что они использовали их не только в их реальном, но и в самом древнем смысле". (41) Морис и другие авторы обращают внимание на тот факт, что сам Моисей использует это слово "Элохим" с глаголами и прилагательными во множественном числе. То, что Бог, которому поклонялись более древние народы, а именно Алейм, или Элохим, тот самый, который сказал: "Сотворим человека по образу нашему", не был Господом, которому евреи поклонялись в более поздние времена, является фактом, который в настоящее время кажется ясно доказанным; однако то, что он представлял собой двойственное или триединое единство, почитаемое всеми народами земного шара, о которых у нас есть какие-либо свидетельства, кажется хорошо установленным.

41) Бунзен, История Египта, том iv., стр. 421.

Мы видели, что, хотя два сексуальных принципа, лежащих в основе Природы, составляли Творца, древние думали о нем только как о едином и неделимом. Этим неделимым аспектом был священный Иав, Святая Святых. Когда его рассматривали в его индивидуальном аспекте, он был Создателем, Хранителем и Разрушителем, каждый из которых был женщиной и мужчиной.

Трудность древних в установлении Первопричины, по-видимому, была точно такой же, как и у нас в настоящее время. Когда мы говорим, что должен был существовать Бог, сотворивший все сущее, сразу возникает вопрос: кто сотворил Бога? Согласно их теориям, ничто не могло быть создано без взаимодействия двух созидательных принципов, женского и мужского; однако все, даже эти принципы, должны исходить из неделимой энергии — энергии, которую, по мере того как идея сексуальных функций становилась все более и более четко определенной, нельзя было рассматривать иначе, как в ее двойственном аспекте. Следовательно, так скоро, как Великая Первопричина была разделена на свои элементы, над ней немедленно была установлена еще более высокая сила в качестве ее Создателя. Этот Создатель был обозначен как женщина. Это была Материнская идея, что даже боги не могли быть созданы без матери.

Ссылаясь на доктрины, содержащиеся в Гите, одном из священных писаний индусов, Фабер замечает:

"В едином характере Брахмы объединены все три ипостаси Брахмы, Вишну и Шивы. Он одновременно и Творец, и Хранитель, и Разрушитель. Он - первобытный Гермафродит, или Великий Отец и Великая Мать, слившиеся в одном лице".

Тот факт, что троица в единстве, представляющая женскую и мужскую энергии, символизируемые органами зачатия, ранее являлась Божеством по всей Азии, признается всеми, кто изучал литературу или монументальные записи восточных стран. Преподобный мистер Морис свидетельствует о характере восточных религиозных идей следующим образом:

"Тот, кто внимательно прочтет Гиту, увидит в этом небольшом трактате очертания всех различных теологических систем Азии. Любопытная и древняя доктрина о том, что Творец является одновременно мужчиной и женщиной, упомянутая на предыдущей странице и обозначаемая в индийских храмах весьма неприличной демонстрацией мужских и женских органов зарождения в союзе, встречается в следующем отрывке: "Я - Отец и Мать этого мира; Я насаждаюсь на своей собственной природе и создаю снова и снова это собрание существ; Я - зарождение и растворение, место, где все вещи хранятся, и неисчерпаемое семя всей Природы. Я есмь начало, середина и конец всего сущего".(42)

42) Морис, "Индийские древности", том iv, стр. 705.

Согласно сэру У. Джонсу, Брахме, Вишну и Шива сливаются, образуя мистический Ом, что означает сущность жизни или божественный огонь. В Бхагават-гите верховный Бог так говорит о себе: "Я - святой, достойный того, чтобы его знали"; и сразу же добавляет: "Я - мистическая (трехсторонняя) фигура Ом; Рейг, Ягуш и Саман Веды". Это единство и в то же время троица. Этот Ом или Аум обозначает Создателя, Хранителя и Разрушителя, или Возрождающего, и представляет тройственный аспект силы внутри солнца. Доктрина, поддерживаемая на протяжении всей Гиты, заключается не только в том, что великая жизненная сила представляет собой троицу в единстве, но и в том, что она является одновременно женской и мужской. По этому поводу Морис в своих "Индийских древностях" говорит:

"Это представление о трех лицах Божества было распространено среди всех народов земли, сразу утвердилось в таких отдаленных регионах, как Япония и Перу, с незапамятных времен получило признание на всей территории Египта и Индии и с одинаковой силой расцвело среди заснеженных гор Тибета и бескрайних пустынь Сибири".

Мы заметили, что идея троицы, как она понималась так называемыми древними, хотя во все времена основывалась на одной и той же концепции, а именно концепции воспроизводительных сил Природы и особенно человечества, различалась по выражению в зависимости от ее применения. Хотя в человеческих существах эта триединая творческая идея была выражена матерью, отцом и ребенком, как указано в храмах и на памятниках Египта, когда она применяется непосредственно к солнцу и планетам, она предстает как Творец, Хранитель и Возрождающий, или Разрушитель.

Разрушение, или отсутствие солнечного тепла, представленное зимой, было необходимо для жизни, и поэтому Разрушитель был также Возрождающим и наравне с Создателем и Хранителем составлял благотворный фактор в идее бога. Фактически, поскольку этот третий элемент действительно воплощал сущность двух других, он в конце концов стал верховным Богом, и впоследствии о Создателе и Хранителе было мало что слышно. Возрождающим или Разрушителем было, конечно, солнце, которое зимой угасало и вновь восставало весной как милосердный Спаситель или обновитель жизни. Принцип, задействованный в этих процессах,

олицетворял Плодородие, Жизнь, репродуктивную энергию. Применительно к смертным он понимал силу созидания в сочетании с проницательной Мудростью или Знанием.

Эта идея, воплощенная матерью и ее ребенком, связывала женщину со звездами. Она произвела на свет "Деву Сферы", Царицу Небес, "Изиакскую Управительницу Зодиака", и в то же время сделала ее матерью всего человечества.

Каждый год эта Дева Сферы, появляясь над горизонтом в день зимнего солнцестояния, рождала солнце. С астрономической точки зрения это новое солнце было Регенератором, с помощью которого обновилась вся Природа. Мифологически, после того, как высшие истины, содержащиеся в этих доктринах, были утрачены, именно Спаситель, Сын Девы, семя женщины, должен был поразить змея в голову.

В том, что религия древней расы заключала в себе знание эволюционных процессов Природы, сомневаться не приходится. Дошедшие до нас мифы и даже древнейшие ассирийские надписи, которые удалось расшифровать, раскрывают тот факт, что семена видимой вселенной были скрыты в "великой пучине" — что животные возникли из земли и моря под воздействием солнечных лучей.

Теперь известно, что философия древней расы включала веру в Вечность Материи. Заумная доктрина о Перевоплощении и Обновлении Миров, по-видимому, легла в основу их философии. Согласно этим предположениям, часть земли разрушалась или распадалась на свои первичные элементы каждые шестьсот лет, в то время как в конце каждой кальпы, или великого Цикла продолжительностью в несколько тысяч лет, вся земля обновлялась или поглощалась двумя оплодотворяющими принципами вселенной. Эти две неразделимые силы, представленные Вишну, покоились в воде или размышляли на поверхности бездны. Движимые любовью друг к другу, они снова стали активными и из зародышей прежнего мира, которые были поглощены ими самими, заново создали землю и все, что на ней. Другими словами, "земля возникла из пупка Вишну или Брахме". Согласно буддистам Цейлона, вселенная погибала десять раз, и каждый раз она обновлялась благодаря действию Природы или сохранению микробов из прежнего мира. В их мифологии эти микробы представлены родителем и тройным потомством. Возможно, нет необходимости добавлять, что эта монадная триада является Создателем, Хранителем и Разрушителем вместе с их великой родительницей, Матерью Богов, которая со временем стала рассматриваться как мужская. Согласно Уилфорду, индуистская хронология представляет четырнадцать различных периодов, шесть из которых уже прошли; мы находимся в седьмом, который начался с потопа. Каждый из этих периодов называется Манвантарой, руководящим гением или Божеством которой является Мену. В конце каждой династии происходит полное разрушение мира, уничтожается все, кроме правителя, или Мену, который "спасается в лодке". Каждый новый мир является точной копией разрушенного, и каждое меню отражает все предыдущие. Таким образом, история одной династии служит для всех остальных. Это учение о тройственном Божестве, появляющемся в начале нового творения, можно проследить почти в каждой стране земного шара. Среди буддистов Китая Фо таинственным образом умножается на три личности таким же образом, как и Фо-хи, который, очевидно, является Ноем. У индусов наблюдается триада Брахма, Вишну и Шива, происходящая от монады Брахма или Брахме. Эта триада появляется на земле в начале каждой Манвантары в человеческой форме Мену и трех его сыновей. Мы уверены, что среди татар обнаружены явные следы подобного Бога, восседающего на лотосе. Он также изображен

на сибирской медали из императорской коллекции в Санкт-Петербурге. Татары-якуты, которые, как говорят, являются самым многочисленным народом Сибири, поклоняются тройственному божеству под тремя названиями Артугон и шуго - тангон и тангара. Фабер говорит нам, что этот татарский бог совпадает даже по названию с танга-танга перуанцев, которые, как и другие племена Америки, явно пришли сюда с северо-восточной оконечности Сибири. По этому поводу тот же автор замечает так:

Согласно мистическому представлению, столь знакомому индусам, что троичный Великий Отец все же остается по сути лишь одним, перуанцы полагали, что их Танга-танга - одно в трех и три в одном; и вследствие союза культа героев с астрономическими и материальными системами идолопоклонства они почитали солнце и воздух, каждый под тремя изображениями и тремя именами. Те же мнения в равной степени преобладали во всех странах, расположенных к западу от Индостана. Таким образом, у персов были свои Ормузд, Митра и Ариман, или, как иногда представляли этот вопрос, их самокопирующий Митра. У сирийцев были свои Монимус, Азиз и Арес. У египтян были свои Эмеф, Эйктон и Пхта. У греков и римлян были свои Юпитер, Нептун и Плутон; всего их было три, хотя по сути они были едины, и все происходили от Крона, четвертого, но более древнего Бога. У хананеев был свой Ваал-Спалиша, или самоутрощенный Ваал. У готов были свои Один, Вайл и Ве, которых описывают как трех сыновей Буры, потомков таинственной коровы, а у кельтов были свои три быка, почитаемых как живые символы тройного Ху или Мену. К тому же классу мы должны отнести триады орфической, пифагорейской и платоновской школ; каждую из которых снова следует отождествлять с имперской триадой древнехалдейской или вавилонской философии".(43)

43) Фабер, Языческое идолопоклонство, книга vi., глава ii., стр. 470.

История катастрофы, известной как всемирный потоп, которая, как утверждается, произошла либо в Армении, либо в Кашгаре, либо в каком-то другом месте на Востоке, как наблюдалось в более поздние века, послужила прикрытием, под которым были сокрыты мифические доктрины жрецов. О катастрофах, которые время от времени посещали нашу планету, и о распространенной среди духовенства вере в то, что земля будет уничтожена огнем, Цельс пишет:

"Из-за неправильного понимания описаний этих событий среди них распространилось убеждение, что после удлиненных циклов времени, возвращений и соединений планет обычно случаются пожары и наводнения, а также потому, что после последнего потопа, имевшего место во времена Девкалиона, течение времени, соответствующее изменчивости всего сущего, требует пожара; и это заставило их высказать ошибочное мнение, что Бог снизойдет, неся огонь, подобный мучителю".(44)

44) Ориген против Цельса, книга iv, гл. xi.

Мифологии всех народов в значительной степени основаны на "религиозной истории" всемирного потопа. Доктрина о тройственном Боге, спасенном от разрушения с помощью выброшенного бурей ковчега, который покоился на какой-то местной горе, аналогичной Арарату, и который был наполнен естественными элементами воспроизводства, встречается

среди традиций каждой страны земного шара. В Египте разрушительная сила загоняет Бога в ковчег — или во чрево рыбы, где он обязан оставаться до тех пор, пока не спадет наводнение. Другими словами, во время разрушения мира творческая сила вынуждена оставаться в чреве Природы до тех пор, пока она снова не выйдет наружу, чтобы воссоздать мир; на этом символизм не заканчивается, поскольку этот Бог—солнце или заключенная в нем репродуктивная сила, которая каждый год умирает от зимнего холода, должна какое-то время оставаться безжизненной, но в надлежащее время явится с исцелением на своих крыльях. Этот Бог должен проявиться к жизни через Женскую Природу.

Богочеловек Ной, который фигурирует под тем или иным именем во всех дошедших до нас мифологиях, был убит или заключен в ящик, ковчег или сундук, в котором он или его семья были сохранены от разрушительных последствий сильного потопа или от уничтожения бедствием, постигшим остальное человечество. В одном смысле он олицетворяет Спасителя, в другом смысле он сам спасенный, ибо он - семя прежнего мира и рожден свыше из лодки, символа, который всегда олицетворяет женскую энергию. Иногда его запирают в деревянной корове, из которой он выходит к новой жизни. И снова этот выброшенный штормом моряк рождается из пещеры или из двери скалистой пещеры, внутри которой он был спасен от какой-то ужасной катастрофы, вызванной либо водой, либо огнем.

Сэр У. Джонс, Фабер, Хиггинс и многие другие, исследовавшие этот предмет, уверены, что Ной из Книги Бытия идентичен Мену, законодателю Индии, и что оба они являются Адамом, человеком, который появляется со своими тремя сыновьями в конце каждого цикла, или шестисот лет, чтобы обновить мир. На шестисот первом году жизни Ноя, в первый месяц, в первый день месяца, вода на земле иссякла. Считается, что высыхание вод и их возобновление по истечении шестисот лет относятся к концу цикла Нероса. Год Мену, или Будды, истек, и должна была начаться новая династия, или Мамвантара.

По поводу этой троицы Фабер замечает:

Таким образом, Брахма во главе индийской триады - это Мену во главе трех своих сыновей. Но то, что под первым Меню мы должны понимать Адама, очевидно как из примечательного обстоятельства, когда он сам и его супруга носили титулы Адима и Ива, так и из не менее примечательного предания о том, что один из трех его сыновей был убит своим братом при жертвоприношении. Отсюда следует, что Брахма во главе индийской триады - это Адам во главе трех своих сыновей, Каина, Авеля и Сифа. Каждое Меню с его тройным потомством - это всего лишь повторное появление предыдущего Меню с его тройным потомством; ибо в каждом таком проявлении в начале каждой Мамвантары индуистская Тримурти, или триада, воплощается путем переселения из человеческих тел, занимаемых во время предыдущего воплощения; Брахма, или Единство, появляется как Меню отца новой эпохи, в то время как триада, Брахма, Вишну и Шива, проявляется в лице его трех сыновей.... Но сохранившийся в ковчеге Меню-Сатьяврата и его трое сыновей — это, безусловно, Ной и его трое сыновей: Сим, Хам и Иафет".

Гесиод учит, что после потопа впервые появились Хаос, Ночь и черный Эреб.⁽⁴⁵⁾ В то время, когда не было ни Земли, ни Неба, ни Воздуха, на поверхности бездны плавало яйцо, которое, раскрывшись, породило Любовь, или Купидона. Из Хаоса этот Бог сотворил или сформировал все сущее. Итак, Купидон - это то же самое, что греческий Фанес, а Фанес - это Ной, яйцо - это ковчег или женское начало, из которого он был произведен. Греческий бог Фанес - это то же самое, что египетский Осирис, которого загнал в ковчег "дующий ветер", или злой принцип.

45) Теогония.

"Поскольку безразлично говорят, что Купидон появился из яйца в то время, когда весь мир был в беспорядке, и из чрева морской богини Венеры, яйцо и чрево этой богини должны обозначать одно и то же. Соответственно, мы обнаружим, что, с одной стороны, Венера непосредственно связана с символическим яйцом; и, с другой стороны, что она идентична Дерцето и Исиде и объявлена тем общим вместилищем, из которого произошли все герои-боги. Теперь не может быть никаких сомнений в том, в каком смысле мы должны понимать это выражение, когда нам говорят, что своеобразным символом Исиды был корабль; и когда мы узнаем, что форма, принятая во время потопа индийской Изи или Бхавани, которая явно является тем же самым, что и египетская Исида, была кораблем "Аргха", в котором ее супруг Шива безопасно плавал по поверхности океана. Следовательно, Венера, или Великая Мать, прародительница Купидона, от которого произошло все человечество, должна быть Ковчегом; следовательно, яйцо, с которым она связана, также должно быть Ковчегом. Аристофан сообщает нам, что яйцо, из которого родилась Любовь, было произведено Ночью в недрах Эреба. Но богиня Ночь, как мы узнаем от орфического поэта, была той же личностью, что и Венера; и он прославляет ее как родительницу Вселенной и как общую мать как богов-героев, так и человека. Следовательно, яйцо, произведенное Ночью, было произведено Венерой; но Венера и яйцо означали одно и то же: даже ту огромную плавучую машину, которая считалась воплощением мира и из которой родилось то Божество, которое, как также буквально говорится, было спущено на воду в ковчеге. Иногда порядок производства менялся на противоположный; и вместо яйца, произведенного Ночью или Венерой, по легенде, сама Венера была произведена из яйца. Существует замечательная легенда такого рода, которая относит Венеру и ее яйцо к эпохе Тифона и Осириса, другими словами, к эпохе, в которую Ной был вынужден из-за потопа войти в ковчег".(46)

46) Происхождение языческого идолопоклонства, книга i, глава iv.

Хранителем персов, восседающим на радуге перед их скальными храмами, является Митра, который идентичен Ною. Иногда этого древнего мореплавателя изображают верхом на спине рыбы, а иногда - плывущим в лодке. Бог Индостана, подобно классическому Дионису, был заключен в ковчег и опущен в море. Согласно готским традициям, записанным в Эддах, когда-то существовал прекрасный мир, который был уничтожен пожаром. Был создан другой, который со всеми его обитателями, за исключением великана и трех его сыновей, спасшихся на корабле, был уничтожен водой. С этой триады, которая первоначально произошла от таинственной коровы, начался новый мир. Этот новый мир, представляющий нынешнюю систему, со временем будет пожран пламенем; но из океана поднимется другая земля, гораздо более прекрасная, чем эта, на которой все виды зерна и восхитительные фрукты будут расти без обработки. Веда и Вайл будут там, потому что пожар будет бессилен уничтожить их. Пока пламя пожирает все сущее, два человеческих существа, женщина и мужчина, будут скрыты под холмом, где они будут питаться росой и будут размножаться так обильно, что земля вскоре будет населена новой расой существ. Во время катастрофы солнце будет съедено волком, но перед смертью она родит дочь, такую же блистательную, как и она сама, которая пойдет тем же путем, которым раньше шла ее мать.

Доктрины готских философов в том виде, в каком они представлены в Эддах, касающиеся вечности материи, обновления или последовательности миров и перевоплощения, совпадают с теми, которым учили Пифагор, стоики и другие греческие школы мысли.

Брахме, или Вишну, покоящийся на дне моря — богиня, символом которой был самовоспроизводящийся лотос, - в более поздние века была таинственной Королевой готов.

После того, как естественные истины, скрытые под их религиозным символизмом, были полностью забыты, а человеческая природа из-за чрезмерной стимуляции животных инстинктов была испорчена, Адам и Ева, имена, которые, несомненно, на протяжении веков олицетворяли два оплодотворяющих принципа во всей Природе, вместе со своими сыновьями, Каином, Авелем и Сифом, постигли идею бога. Был замечен факт, что всего через шестьсот лет после сотворения Адама, или в конце цикла, появляется Ной со своими тремя сыновьями, чтобы спасти или увековечить расу.

В настоящее время считается, что это повествование о Ное и трех его сыновьях является аллегорией, за которой скрываются религиозные доктрины, или, возможно, мне следовало бы сказать, философские рассуждения древней расы. Бог древних отождествлялся с жизнью человека индивидуально и с жизнью человечества в целом. Поскольку люди умирают каждый день и поскольку каждый день рождаются люди, говорят, что это Божество умирает и обновляется каждый день; и поскольку он является солнцем, или воплощением солнца, восход и заход этого светила изображают постоянно умирающего и возрождающегося Бога Природы, так же как и смену времен года. Аналогичная идея вновь появляется в их системе обновления миров и реинкарнации.

Касаясь учения древних о вечности материи, Ориген упоминает веру египтян в то, что

"мир или его субстанция никогда не были созданы, но они существовали вечно. Также не существует такой вещи, как смерть. Те, кто погибает рядом с нами каждый день, просто меняются, либо они принимают другие формы, либо перемещаются в какое-то другое место. Бог не может быть уничтожен, и поскольку все вещи являются частями Божества, все живет и всегда жило, кажущаяся смерть - это просто изменение. Остатки этих доктрин можно найти во всех частях земного шара; как среди мексиканцев запада, так и среди грубых горцев Бирманской империи".

Размышляя о философских рассуждениях древней расы, Байи выразил убеждение, что "глубоко образованная раса людей существовала до формирования любой из наших систем". Наиболее мудрые из греческих философов, те, кто, как полагают, заимствовал свои философские доктрины с Востока, заявляют, что "нет создания чего-либо, чего не было раньше; нет создания новой субстанции, которой на самом деле не существовало ранее". Наравне с материей был неразрушим дух. "Наша душа, - говорит Платон, - была где-то до того, как началась существовать в этой нынешней форме; отсюда она кажется бессмертной.... Кто знает, не является ли то, что демонстрируется живым, на самом деле скорее умирающим, и не является ли то, что называется умирающим, скорее живым?"

Тому, кто обращал внимание на различные легенды о разрушении мира потопом и о моряке, спасшемся в ковчеге или лодке, выброшенном штормом, становится ясно, что все они имеют одинаковое значение, все они являются всего лишь разными версиями одного и того же мифа, который в ранние века использовался для сокрытия философских доктрин древнего народа.

Совершенно очевидно, что ранние исторические народы мало понимали происхождение и истинное значение легенд, которые они унаследовали от более древней расы. Невежество греков относительно значения этих легенд подтверждается следующим: когда Солон, желая познакомиться с историей древнейших времен, спросил египетского жреца о времени Всемирного потопа и эпохе Девкалиона, или Фрониуса, или Ноя, этот чиновник ответил:

"О Солон, Солон, вы, греки, всегда были детьми, и среди вас нет ни одного старика! Не имея ни древних традиций, ни какого-либо знакомства с хронологией, вы все еще находитесь в состоянии интеллектуального младенчества. Истинное происхождение таких искаженных басен, которыми вы располагаете, таково. В течение многих сменяющих друг друга эпох были и будут снова происходить многочисленные разрушения человеческой расы; величайшие из них были вызваны огнем и водой, но другие происходили в почти бесконечной последовательности с более короткими интервалами".(47)

47) Цитируется Платоном; также Климентом Александрийским.

Мы заметили, что символом вселенной было яйцо. Яйцо было также символом земли и ковчега, что означало универсальную женственность. Из земного яйца возникло тройственное Божество. В настоящее время не может быть никаких сомнений в том, что Адам, Ной, Мену, Осирис и Дионис - все они олицетворяют плодоносящую силу солнца. Со временем каждый из них стал олицетворять мужскую репродуктивную энергию, и в определенные периоды истории земли каждому из них, в свою очередь, поклонялись как Божеству. То, что не только ковчег был женским, но и что божественный элемент или репродуктивный принцип внутри ковчега был как женским, так и мужским, является фактом, который был упущен из виду в течение исторического периода или в те эпохи мира, когда предпринимались попытки доказать, что Природа не имеет матери.

Все микробы и живые существа, находившиеся внутри ковчега и которым предстояло оживить землю, были парами, самками и самцами; и, кроме того, присутствовал также Голубь (самка), эмблема мира. Даже сам Ной был произведен из яйца, которое, как мы видели, является символом Венеры, или всеобщей женственности. В последующие века женский принцип не упоминался, а, напротив, был скрыт под удобными символами; и по мере того, как философские идеи, лежащие в основе естественной религии, были утрачены или забыты, а человечество стало слишком невежественным, чтобы понять, что двойственная сила, женская и мужская, которая также была Троицей, пронизывает Природу, постепенно возобладало представление о том, что творческий агент, которым является дух, полностью мужской. Отсюда формулировка непостижимого учения о Троице, состоящей из Отца, Сына и Святого Духа.

ГЛАВА V. РАЗДЕЛЕНИЕ ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО НАЧАЛ В БОЖЕСТВЕ.

Проблемы древности, насколько это доступно человеческому пониманию, раскрывают тот факт, что на заре существования человеческого общества физиологический вопрос о сексе был темой первостепенной важности, в то время как имеются различные доказательства, показывающие, что на протяжении всего прошлого вопрос об относительной важности женского и мужского элементов в деторождении был плодотворным источником религиозных разногласий. Эта борьба, которая время от времени охватывала весь обитаемый земной шар, была продолжительной и утихла только после того, как приверженцы того или иного пола достигали достаточного господства над противоположной стороной, чтобы успешно воздвигать ей алтари и принуждать поклоняться своим особым богам, поклонение которым обычно включало в себя значительную долю мирской власти. Только с тех пор, как мужской пол приобрел достаточное влияние, чтобы контролировать не только человеческие действия, но и человеческую мысль, эти разногласия утихли. (48)

48) В настоящее время по причинам, которые нетрудно понять, вопрос об относительной важности двух полов снова приобретает степень важности, указывающую на изменения, которые происходят в человеческом мышлении, и по той причине, что мы только наблюдаем зарю интеллектуальной эры, проблемы, которые предстоит решить, не допускают иных ответов, кроме тех, которые основаны на научном фундаменте.

То, что религиозные войны не ограничивались более поздними временами и что у древней расы попытка возвеличить мужское начало встречала упорное сопротивление, которое вовлекло человечество в конфликт, жестокость которого никогда не была превышена, - это факты, которые кажутся вполне вероятными. Действительно, есть много свидетельств, свидетельствующих о том, что причиной первоначального рассеяния примитивной расы были разногласия, возникшие из-за их религиозной веры или относительно физиологического вопроса об относительной важности полов в функции воспроизводства; и что всеобщая война, указанная в Пуранах, которая началась в Индии и распространилась на весь обитаемый земной шар и которая была прославлена поэтами как "основа греческой мифологии", возникла из этого конфликта за приоритет того или иного полового принципа, содержащегося в Божестве. Хотя в дошедшей до нас истории нет записей об этих войнах, рассказы о них до сих пор сохранились в традициях и религиозных памятниках восточных стран. В Египте, в Индии и в большей или меньшей степени в других восточных странах эти физиологические состязания были замаскированы под завесу аллегорий, истинное значение которых теперь нетрудно понять. В свете, который более поздние исследования пролили на тему разделения первоначальных половых элементов, содержащихся в Божестве, значение следующей легенды в "Серварасе" сразу становится очевидным.

Когда Парвати (Девы) сочеталась браком с Махадевой (Шивой), у божественной пары однажды возник спор о сравнительном влиянии полов на создание одушевленных существ, и каждый по взаимному согласию решил создать новую расу людей. Раса, порожденная Махадевой, была очень многочисленной и посвятила себя исключительно поклонению мужскому Божеству, но их

интеллект был тупым, тела слабыми, конечности искаженными, а цвет лица имел множество различных оттенков. В то же время Парвати создала множество человеческих существ, которые обожали только женскую силу и были хорошо сложены, с приятными чертами лица. Между двумя народами завязалась яростная борьба, и лингаджи, или почитатели мужского начала, потерпели поражение в битве, но Махадева, разгневанный на йонигов (почитателей женского начала), уничтожил бы их огнем своего глаза, если бы Парвати не вмешалась и не успокоила его, но он пощадил бы их только при условии, что они немедленно покинут страну с обещанием больше ее не видеть, и от Йони, которому они поклонялись как единственной причине своего существования, они были названы Яванами.

В предыдущей работе (49) был отмечен факт, что, согласно Уилфорду, греки были потомками индийских яванов, и что когда ионийцы эмигрировали, они приняли это имя, чтобы отличить себя как почитателей женского пола, в противовес сильной секте почитателей мужского пола, которая была изгнана из метрополии. Пураны учат нас, что они частично поселились на границах Вараха-Дви́па, или Европы, где они стали прародителями греков; и частично в двух Дви́пах Куши, Азиатской и Африканской. В азиатском Кушадвипе они поддерживали себя насилием и грабежом. Однако Парвати, или их богиня-покровительница Йони, всегда защищала их; и в конце концов в прекрасной стране, которую они занимали, они стали процветающей нацией.(50) Уилфорд рассказывает, что существует секта индусов, которые, пытаясь примирить две системы, заявляют в своем аллегорическом стиле, что "Парвати и Махадева сочли свое согласие необходимым для совершенствования их потомства, и что Вишну, по просьбе богини, добился примирения между ними".(51)

49) См. "Эволюция женщин", стр. 303.

50) Азиатские исследования, том iii., стр. 125-132.

51) Азиатские исследования, "Египет и Нил", том iii., стр. 361-363.

Говорят, что люди, которые доминировали в Азии задолго до возникновения поздней ассирийской монархии, - это те, кого авторы Священных Писаний представляют как кушим, а индусов - как куша. Они были потомками Куша, или Кутха, и считались архитекторами Вавилонской башни. Епифаний, Евсевий и другие утверждают, что во времена строительства этой башни существовали два соперничающих верования, одно из которых называлось скутизмом, другое - ионизмом или эллинизмом, последнее из которых воплощало поклонение Великой Матери, или женскому началу, которому поклонялись в виде мистической "Ионы или Голубки". Скуты, с другой стороны, верили в превосходство Великого Отца или, возможно, я должен был бы сказать, в Божество, состоящее из триады, содержащей элементы родителя мужского пола. По этому поводу ученый Фабер замечает: "Я сильно ошибаюсь, если некоторые разногласия по этим вопросам непреобладали в самом Вавилоне; и я думаю, есть основания полагать, что ссора между соперничающими сектами способствовала смешению языков, вызвавшему рассеяние". (52)

52) Языческое идолопоклонство, книга vi, глава ii.

Те, кто верил в превосходство мужского начала в процессах размножения, поклонялись мужскому элементу в Божестве, в то время как те, кто считал, что женское начало важнее, поклонялись женской энергии во всей Природе под тем или иным ее символом, иногда в виде женщины с ребенком, иногда в виде голубки, но чаще в виде ковчега, шкатулки или сундука.

Из священных писаний индусов очевидно, что в Индии в течение нескольких тысяч лет существовали различные секты: те, кто поклонялся мужчине как единственной творческой силе, другие, которые обожали женщину как источник жизни, и те, кто отдавал дань уважения обоим, как одинаково важным в деле размножения.

Казалось бы, ожесточенные войны, опустошавшие землю, прекратились еще до начала строительства Вавилонской башни. Согласно свидетельству Моисея, сам Господь провозгласил: "Вот, народ един". Это единодушные веры, как ясно показано, длилось недолго, поскольку Башня возникла "вертикально и вызывающе", однако не как эмблема первобытного двойственного или триединого Бога, в котором преобладала женская энергия, а как символ мужской созидательной силы. Это был тот тип мужественности, который в последующей истории религии должен был занять положение "единого и истинного Бога".

Не исключено, что идолопоклонство началось с Вавилонской башни.

Действительно, некоторые авторы уверенно утверждали, что самыми ранними идолами, установленными в качестве эмблем Божества или как выражение особого поклонения лингадхам, были обелиски, колонны или башни, первой из которых, насколько мы знаем, была Вавилонская башня, воздвигнутая, вероятно, в Нипуре в Халдее. До сравнительно недавнего времени действительное значение этого памятника, по-видимому, было мало понято. Более поздние исследования, однако, указывают на тот факт, что это было фаллическое устройство, возведенное в противовес религии, которая признавала женское начало во всей Природе Богом. Продолжительность времени, в течение которого приверженцы этих двух доктрин боролись за господство, неизвестна, но благодаря расшифрованным памятникам древних народов, фактам, почерпнутым из их священных писаний, и общему голосу традиции, было установлено со значительной степенью уверенности, что этот великий переворот в обществе был кульминацией спора, который долгое время велся между двумя противоборствующими силами, и который в конечном итоге привел к разделению народа и окончательному успеху, на данный момент, секты, которая отказывалась больше признавать первостепенное значение женщины в обществе. идея бога.

В какое время в истории человечества была возведена Вавилонская башня, точно не установлено, но великая древность Халдеи больше не подвергается сомнению. Сэр Генри Роулинсон в "Королевском географическом журнале" пишет:

"Когда Халдея была впервые колонизирована или, во всяком случае, когда там впервые была основана резиденция империи, торговый центр, по-видимому, находился в Уре Халдейском, который сейчас находится в 150 милях от моря, причем Персидский залив отступил почти на это расстояние до того, как отложения нанесли Евфрат и Тигр".

К чему Болдуин добавляет:

"Небольшое размышление об огромном периоде времени, необходимом для осуществления столь значительных геологических изменений, позволит нам увидеть, в какую отдаленную эпоху

в глубинах древности мы должны погрузиться, чтобы найти начало цивилизации в Месопотамской долине".(53)

53) Доисторические народы, стр. 191.

Хотя во времена строительства Вавилонской башни поклонение Божеству, в котором преобладало мужское начало, еще не стало всеобщим, все же факты, по-видимому, указывают на то, что доктрина мужского превосходства, которая веками неуклонно развивалась, в конце концов возобладала над более старой религией. Новая вера и богослужение извратили старую, и из-за условий, которые были навязаны женщинам, и последующего стимулирования низшей природы в мужчине даже приверженцы старой веры теряли из виду те высшие принципы, которым в предыдущие века они поклонялись как Богу.

Мы видели, что в каждой стране на земле существует традиция, повествующая о разрушительных последствиях наводнения. Следует ли связывать эту легенду с реальным бедствием, в результате которого была затоплена значительная часть Азии, доподлинно неизвестно; но тот факт, что произошел потоп раздоров, возможно, превосходящий все, что когда-либо видел мир, кажется вполне вероятным.

Вскоре после катастрофы, названной потопом, эмблемы Божества, олицетворяющие мужское и женское начала, появляются в изобилии. Вавилон, на месте которого была возведена Башня Бела, и Мемфис, в котором находились Пирамиды, были одними из первых построенных городов. Как башня олицетворяла Божество, которому поклонялись те, кто претендовал на превосходство мужчины, так и пирамиды символизировали творческую свободу и особые качества женщины, или двойного Божества, которому поклонялись как женщине.

Хотя грубые элементы человеческой природы быстро принимали все более агрессивное отношение и хотя высшие принципы, заложенные в более ранней религии, были в какой-то мере забыты, очевидно, что в это время человечество не стало полностью чувственным и что низшие склонности и аппетиты не взяли верх над мыслительными способностями.

Великой Матери Кибеле, которая представлена Сфинксом, несомненно, поклонялись как чистой абстракции, поскольку она поклонялась универсальному женскому началу в Природе. Она изображается как "Старшая дочь Мифологий" и как "Великая Первопричина". Она олицетворяла прошлое и будущее. Она была источником, из которого исходило все, что было и есть.

На самых ранних изображениях Сфинкс изображен с головой женщины и телом льва. Различные авторы утверждают, что таким образом были изображены сфинксы, привезенные в качестве трофеев из Азии, самой колыбели религии. Лев, символизирующий царскую власть и интеллектуальную мощь, всегда прикреплен к колеснице Кибелы. Предполагается, что Сфинкс олицетворяет не только Кибелу, но и великого андрогинного Бога Африки. Однако, поскольку Кибела и Мут олицетворяли одну и ту же идею, а именно женскую силу и мудрость, мы не удивлены, что им следовало поклоняться под одной и той же эмблемой. Также не удивительно, если мы вспомним тот факт, что женщина, как предполагалось, понимала оба пола, что в некоторых случаях борода появляется как сопутствующий признак Сфинкса. Нам говорят, что четвертым аватаром Вишну был Сфинкс, но дальнейший поиск в истории этого Божества раскрывает тот факт, что ее девятым аватаром является Брахма (мужского рода).

Женское начало в конце концов уступило преобладанию мужской силы, и сам Вишну превратился в Бога мужского пола.

Хотя обряды, связанные с поклонением Кибеле, были фаллическими, они были абсолютно чистыми. Надеясь на это богослужение, Харгрейв Дженнингс признает, что "духовность, к которой женщины в ту эпоху были более склонны, чем мужчины, была особенно враждебна всем чувственным удовольствиям, и особенно удовольствиям полов".

Хотя созидательному принципу поклонялись его представители, Йони и Лингам, все же главной целью, по-видимому, при отправлении обрядов, относящихся к поклонению Кибеле, было игнорирование пола и обычных половых различий; следовательно, мы обнаруживаем, что для того, чтобы принять андрогинный облик, жрицы этой Богини совершали богослужения в мужских костюмах, в то время как жрецы появлялись в одежде, свойственной женщинам. Однако то, что чувственный элемент в определенной степени уже брал верх над высшей природой и что священники считались неспособными к самоконтролю, видно из того факта, что в более поздние эпохи поклонения женщинам одним из основных требований к жрецу Кибелы была кастрация.

Грот считает, что история о кастрации Сатурна и Урана их сыновьями серпами, выкованными матерью, которая встречается в "Теогонии Гесиода", была заимствована у фригийцев или из культа Великой Матери.

В Индии строжайшее целомудрие предписывалось жрецам Шивы, Бога, которому поклонялись как Разрушителю или Возрождающему и который в своих ранних представлениях был таким же, как Великая Мать Кибела. Этим священникам часто приходилось совершать богослужения в обнаженном виде, и во время церемонии, если оказывалось, что символы, с которыми они соприкасались, вызывали что-то иное, кроме их высших эмоций, люди немедленно забрасывали их камнями.(54)

54) Sonnerat, Voyage aux Indes, i., 311.

Идентичность религий Индии и Египта была отмечена в более ранней части этой работы. Уилфорд в своих диссертациях о Египте и Ниле говорит, что в беседе, которую он имел с некоторыми учеными браминами, после описания им формы и особенностей Великой пирамиды, они сказали ему, что "это был храм, предназначенный для поклонения Падме Деви". Истинное коптское название этих сооружений - Пире Хонк, что означает солнечный луч. Падма Деви означает лотос, или Божество зарождения.

Многие авторы считают, что эти гигантские сооружения были возведены кушитскими завоевателями Египта, которые вторглись в страну и цивилизовали ее, как эмблемы женского божества, которому они поклонялись. Несомненно, масштабность этих памятников и изобретательность, проявленная при их возведении, указывают на интеллект их строителей и возвышенный характер обожяемого Божества. Великая пирамида имеет форму квадрата, каждая сторона основания которого составляет семьсот пятьдесят пять футов, и занимает площадь почти в четырнадцать акров. Способный писатель, описывая пирамиды, говорит, что первое, что производит впечатление, - это единообразная точность и систематический дизайн, проявляющийся в их архитектуре. Все они имеют свои стороны, точно подогнанные под четыре стороны света.

"В шести из них, которые были открыты, главный проход сохраняет тот же наклон в 26 градусов к горизонту, будучи направленным к полярной звезде.... Их наклон был отрегулирован таким образом, чтобы северная сторона совпадала с наклоном солнечных лучей в день летнего солнцестояния, что в сочетании с предыдущими деталями привело некоторых к предположению, что они предназначались исключительно для астрономических целей; и, конечно, если это и не совсем верно, то, во всяком случае, свидетельствует о близком знакомстве с астрономическими правилами, а также о должном уважении к принципам геометрии. Другие полагали, что они предназначены для гробниц; и поскольку египтяне, наученные своими древними победителями-халдеями, связывали астрономию со своими погребальными и религиозными церемониями, они, по-видимому, в этом не так уж далеки от истины, если мы только распространим это понятие на их священных быков и других животных, а не только на их царей, как хотел бы заставить нас предположить Геродот".(55)

55) "Круглые башни Ирландии", стр. 159.

Согласно свидетельству Инмана, пирамида является эмблемой Троицы — три в одном. Треугольник символизирует пламя священного огня, исходящее из священного светильника. Своим основанием вверх он символизирует Дельту, или дверь, через которую все приходят в мир. С самой верхней вершиной это эмблема фаллической триады. Объединение этих треугольников символизирует объединение мужского и женского начал друг с другом, создавая таким образом новую фигуру, звезду, при этом каждый сохраняет свою собственную идентичность.(56)

56) Древние веры, том i, стр. 145.

Таким образом, первостепенное значение пирамиды было религиозным, и в ее своеобразном архитектурном сооружении проявилась преобладающая концепция Божества, которому поклонялись, а именно, плодоносящей энергии солнца. Нам сообщают, что "все народы в то или иное время проходили через жестокие стадии пиролатрии - слова, которое напоминает нам о том, что огонь и фаллический культ процветали вокруг пирамид.... В каждом городе Греции был Пиртано".(57)

57) Форлонг, Реки жизни, или Веры человека во всех странах, том i, стр. 325.

Поскольку не только солнце, но и звезды стали почитаться как средства размножения, поклонение этим объектам, как мы видели, было тесно переплетено с поклонением процессам размножения во всей Природе. Попытка решить великую проблему происхождения жизни на земле побудила этих людей с глубочайшим благоговением созерцать все видимые объекты, которые, как считалось, влияют на судьбу человека. Следовательно, и пирамида, и башня служили двоякой цели: во-первых, как эмблемы Божества, которому поклонялись, и, во-вторых, как памятники для изучения небесных тел, с которыми их религиозные представления были так тесно связаны.

Сравнивая ранние эмблемы, которые прообразовали примитивные элементы идеи бога, Харгрейв Дженнингс замечает:

"Передавая определенные идеи тем, кто ее созерцает, пирамида может похвастаться еще большей значимостью и производит впечатление намека на еще более непроницаемую тайну. Кажется, мы собираем смутные сверхъестественные представления о могущественной Матери Природы ... Об этом почти двуполом существе без имени - о Той Завесе, которую никогда не поднимут, возможно, даже ангелы, ибо их знания ограничены. Короче говоря, эта грандиозная абстракция, Кибела, Идея, Мать, управляющая Зодиаками, кем бы она ни была, имеет своего представителя в виде наполовину погребенного Сфинкса даже в наши дни, наблюдающего за звездами, хотя и почти поглощенного всепоглощающими песками ".(58)

58) Фаллицизм, стр. 25.

С того времени, как два религиозных элемента начали разделяться в умах людей, пророки, провидицы и жрицы старой религии, те, кто продолжал поклоняться Деве и Младенцу, пророчествовали, что смертная женщина, девственница, независимо от мужского принципа, родит ребенка, исполнение этого пророчества подтвердит древнюю веру и навсегда разрешит спор о превосходстве женщины в деле воспроизводства. Таким образом, женщина "поразила бы змею в голову". Со временем не только йониги, но и лингаджи пришли к принятию учения о воплощении солнца в телах земных девственниц. Однако, по лингаитам, именно семя женщины, а не сама женщина должна была победить зло. Наконец, с ростом значимости мужчины в человеческом обществе наблюдается примирение между поклоняющимися женщинами и поклоняющимися мужчинами. Сама Афина смирилась с доктриной мужского превосходства.

Талат, великое халдейское божество, правившее Хаосом до появления организованной материи, в конце концов превращается в Бога мужского пола. Индуистка Вишну, которая, когда она спала на дне моря, произвела на свет все творение, изменила свой пол. Брахма, Творец, мужского пола и предстает как тройственное Божество в виде трех сыновей, внутри которых заключена сущность Великого Отца, при этом женский созидательный принцип тщательно скрыт.

Отсюда мы видим, что Богу древних, универсальной двойной силе, пребывающей в солнце и создающей все сущее, больше не поклоняются в образе матери и ее ребенка. Хотя женское начало по-прежнему является необходимым фактором в творческих процессах и хотя оно способно производить богов, материнский элемент не обладает ни одним из основных качеств, составляющих Божество. Другими словами, женщина не является Творцом. От отца происходит душа ребенка, в то время как от матери, или из материи, формируется тело. Отсюда преобладание на определенном этапе человеческой истории божественных отцов и земных матерей; например, Александра Македонского, Юлия Цезаря, а позже мифического Христа, пришедшего на смену Иисусу, иудейскому философу и учителю человечества.

Отныне пещеры, колодцы, коровы, шкатулки и сундуки, ковчеги и т.д. обозначают женскую силу или символизируют ее. Однако нам дают понять, что на протяжении веков эти символы были такими же святыми, как сам Бог, а у многих народов даже более почитаемыми.

Мы видели, что древние знали, что материя и сила одинаково неразрушимы. Согласно их доктрине, вся Природа произошла от солнца. Следовательно, силой, стоящей за солнцем, которому они поклонялись как Разрушителю или Возрождающему, или, другими словами, как

матери солнца, был Великий Аум или Ом, Алейм или Элохим, который был неделимым Богом. Творческая сила, исходящая от солнца, была одновременно мужской и женской, но единой по сути. Позже мужчина появился как дух, женщина - как материя. Дух был чем-то высшим и независимым от Природы.

Он действительно создал материю из ничего. Следует помнить тот факт, что мужчина претендовал на превосходство над женщиной на том основании, что мужчина - это дух, в то время как женщина - это всего лишь материя; другими словами, что она была просто оболочкой для души, которая божественна.

Таким образом, идея бога была отделена от Природы, и мужское начало, находящееся вне материи и независимое от нее, было установлено как личный властитель или правитель вселенной.

Логика, с помощью которой было устранено великое женское начало в Божестве, и уловки, которые использовались и все еще используются для создания и поддержания Творца, который сам по себе бессилен творить, столь же забавны, сколь и наводят на размышления, и заставляют вспомнить *la souvade*, в которой у определенных племен отец, принимая на себя все обязанности по продолжению рода, ложится спать после рождения ребенка.(59)

59) Эволюция женщины, стр. 127.

Все мифологии убедительно доказывают, что прошли века, прежде чем люди стали достаточно опрометчивыми или достаточно ослепленными ложью и суевериями, чтобы попытаться создать творческую силу без помощи женского принципа. Именно здесь, возможно, будет уместно сослаться на тот факт, что в попытке отделить Бога от Природы возникли все суеверия и бессмысленные религиозные теории, которыми с самых ранних эпох метафизических спекуляций был переполнен человеческий разум.

С этого разделения двух первоначальных элементов в Божестве и последующего возвышения одного из факторов в творческих процессах следует проследить начало нашей нынешней ложной, неестественной и нефилософской мужской религиозной системы — системы, в соответствии с которой отец предстает единственным родителем вселенной.

Достаточно хорошо известен факт, что мистицизм и накопление суеверных идей являются результатом чрезмерной стимуляции низших животных инстинктов. Когда силы, которые до сих пор сдерживали низшую природу, перестали действовать — когда мужчина начал считать себя Творцом и, следовательно, выше женщины, — он достиг точки, на которой он в значительной степени находился под контролем сверхъестественных или мистических влияний.

Наблюдается факт, что с течением времени государственная власть больше не находится в руках народа; массы стали поработанными. Их правители — обожествленные священниками тираны, которые неспособны поддерживать свою власть иначе, как за счет невежества и доверчивости масс. Поэтому нет ничего удивительного в том, что изменение, произошедшее на определенной стадии человеческого роста в отношении способа исчисления происхождения, было спровоцировано и навязано религией. Аполлон объявил, что женщина - всего лишь кормилица для своего собственного потомства. Нет ничего примечательного и в том, что на данном этапе человеческой карьеры, поскольку женщины утратили свое положение глав семей

и поскольку они больше не признавались родственниками своих детей, мужчине следовало попытаться уменьшить важность женского элемента в идее бога.

Где бы в истории человечества мы ни наблюдали изменения в отношениях полов, влекущие за собой более серьезные ограничения естественных прав женщин, такие изменения, независимо от того, принимают ли они правовую, социальную или религиозную форму, если проследить до их источника, всегда обнаружат, что они глубоко укоренились в кознях священнослужителей. С момента упадка самой ранней формы религии, а именно поклонения природе, боги никогда не оказывались на стороне женщин.

Более поздние исследования доказывают, что первобытное представление о Божестве имело свою основу в реальных физических фактах и переживаниях; и поскольку материнский принцип составлял самый важный и очевидный из фактов, вошедших в концепцию Творца, и поскольку это была единственная естественная связь, способная объединить человеческое общество, до тех пор, пока разум не был полностью затуманен суевериями и извращен чувственностью, его нельзя было устранить. Другими словами, Творец, в котором отсутствовал более существенный элемент творческой силы, противоречил всему человеческому опыту и наблюдениям. Действительно, ничто не могло быть яснее, чем то, что обожествленное мужское начало само по себе ничего не могло создать и что само его существование зависело от женского элемента.

Этой попыткой сконструировать Божество мужского рода человеческому суждению и пониманию были представлены абсурды, которые веками не могли быть преодолены, и из-за этого возникли противоречия, которые не могли быть согласованы с человеческим разумом и с представлениями о Природе, которых до сих пор придерживалось человечество. Следовательно, только после того, как во всех вопросах, относящихся к религии, вмешался разум и утвердилась слепая вера в махинации жрецов, Бог мужского пола был провозглашен единственным Творцом вселенной.

Когда женщины, ставшие законной добычей не только отдельных людей, но и банд воинов, чьей общепризнанной целью был захват женщин в жены, выродились в простые инструменты для убажания и наслаждения мужчин, Проницательная Мудрость или Свет и Материнская Привязанность, Сохраняющие расу, постепенно исчезли из представления человечества о боге. Страсть стала Богом. Она была Творцом в самом узком и ограниченном смысле этого слова.

Хотя в эпоху чистого поклонения Природе идеи, связанные с размножением, как и идеи, связанные со всеми другими природными функциями, были совершенно не связаны с нечистотой ни в мыслях, ни в поступках, все же, когда наступила эпоха, в которой были сняты все ограничения на человеческие страсти, и низшие склонности получили преобладание над высшими способностями, влияние плодородия или страстопоклонничества на развитие или рост человека можно до некоторой степени представить.

Следует иметь в виду тот факт, что в более поздние эпохи поклонения страстям творческие процессы и репродуктивные органы обожествлялись не как выражение или символ действий Природы, а как средство стимуляции низших животных инстинктов в человеке.

Когда религия была осквернена, а управление ею полностью регулировалось идеей удовлетворения чувственных желаний человека, религиозные храмы под надзором духовенства превратились в публичные дома, в которых открыто практиковались как неотъемлемая часть

религиозных обрядов и церемоний самое беспричинное распутство и самое бесстыдное самоотречение. Поклонение Афродите или Венере, а также Бахусу первоначально заключалось в почитании репродуктивных принципов, содержащихся в земле, воде и солнце, но, как хорошо известно, это чистое и прекрасное поклонение в более поздние времена, и особенно после того, как оно было перенесено в Грецию, стало синонимом самых грубых практик и самого незаконного пренебрежения человеческой порядочностью.

В свете, который в эти более поздние века наука и этнологические исследования бросают на физиологические и религиозные споры древних, доказываются правильность первобытных доктрин, разработанных в более чистых условиях в эпоху, когда люди жили ближе к Природе, а именно, что материя, как и дух, вечна и неразрушима, и поэтому одно так же трудно понять, как и другое, и что Природа, вместо того, чтобы быть отделенной от духа, наполнена им и не может быть отделена от него; также что женщина является первоначальной органической единицей творения, без которой ничто не создано и не может быть создано. .

ГЛАВА VI. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ РАСЫ.

Глубокие доктрины об абстракциях или эманациях; о поглощении индивидуальной души божественным эфиром или сущностью; об обновлении миров и перевоплощении, несомненно, были разработаны после отделения в человеческом разуме Духа от материи, но до того, как человечество утратило способность рассуждать абстрактно.

Хотя Пифагор понимал эти доктрины и верил в них, он, как хорошо известно, не получил их от своих выродившихся соотечественников, а, напротив, впитал их из частных источников среди жителей Востока, где фрагменты их замечательных знаний все еще сохранились. Он сказал, что религия заключается в познании истины и творении добра, и его идеи показывают величие и красоту более ранних представлений о Божестве. Он заявил, что есть только один Бог, который не восседает, "как некоторые склонны воображать, над миром, за пределами сферы Вселенной", но что эта великая сила распространена по всей Природе. Это "причина, жизнь и движение всех вещей".

Платон верил, что люди обладают двумя душами: одна смертная, которая погибает вместе с телом, другая бессмертная, которая продолжает существовать либо в состоянии счастья, либо в страдании; что праведная душа, освобожденная от ограничений материи, возвращается после смерти к источнику, из которого она пришла, и что нечестивые, пробыв некоторое время в месте, подготовленном для их приема, отправляются обратно на землю, чтобы оживить другие тела.

Аристотель придерживался мнения, что души людей - это искры божественного пламени, в то время как Зенон, основатель философии стоиков, учил, что дух, воздействуя на материю, произвел стихии и землю. Существует множество свидетельств того, что первые Отцы христианской церкви верили в доктрины перевоплощения и обновления миров. Нет никаких сомнений и в том, что эта философия пришла с Востока, где она зародилась. Считается, что древние философы, разработавшие эти доктрины, были неспособны объяснить существование зла без веры в бессмертие души. Дух был вечен, как и материя.

Душа, покинув тело, со временем находит свой путь обратно на землю, окруженную условиями, соответствующими ее стадии роста. Здесь ему придется пожинать все последствия своей прежней жизни. Оно также должно во время своего пребывания на земле создать условия для своего следующего появления на земном плане. Как только благодаря череде рождений и смертей оно достигло совершенства, оно вошло в состояние Нирваны. Это было поглощено великой Вселенской Душой. Ничто никогда не теряется.

"Многие дома жизни

Удерживал меня, вечно ищущего Того, кто сотворил
Эти тюрьмы чувств, чреватые печалью;

Тяжела была моя непрестанная борьба!

Но теперь,

Ты, строитель этой скинии — Ты!

Я знаю Тебя.

Никогда больше Ты не построишь

Эти стены боли,

Не воздвигнешь дерево обмана на крыше, не положишь

Новые стропила на глину;

Разрушен Твой дом, и хребтовая жердь расколота!

Его сотворило заблуждение!

Благополучно пройду я оттуда — обрету избавление".(60)

60) Эдвин Арнольд, "Свет Азии".

Что касается мнений древних о вечности материи, Хиггинс в своей ученой работе о кельтских друидах говорит:

"Вечность материи - хорошо известный догмат пифагорейцев, и независимо от того, прав он или нет, не может быть сомнений в том, что это было учение восточной школы, откуда Пифагор черпал свои знания. Это был принцип, взятый или ошибочный, или найденный среди обломков той могучей массы знаний и наукообразия прежнего периода, от которого, оглядываясь назад, насколько это доступно человеческому пониманию, самые образованные люди думали, что они могли видеть слабый отблеск. Действительно, я думаю, что могу сказать нечто большее, чем слабый проблеск. Несмотря на все действительно ценные моральные и философские доктрины, которыми мы обладаем, Дютенс, как показал опыт, существовал именно там ".

Из того, что известно относительно рассуждений древней расы, следует тот факт, что сотворение мира было всего лишь переформированием материи. Мудрость, или Минерва, сформировала землю и планеты; она не создавала небеса и землю, как это сделал более поздний еврейский Бог.

Из семи принципов вселенной материя была первым, а из семи принципов человека физическое тело было самым ранним. В ходе эволюционных процессов или циклических периодов, длящихся миллионы лет, был развит разум, и со временем, наконец, проявился дух.

Май, Мать Готамы Будды, была просто материей, или иллюзией, из которой возникло его высшее проявление, разум или дух. Она также была матерью Меркурия. Более ясное знакомство с философскими доктринами, которые были разработаны в то время, когда поклонение Природе начинало приходить в упадок, показывает тот факт, что идея бога заключала в себе глубокое знание Природы и ее законов; что, хотя этот народ не претендовал на объяснение существования материи, они признавали силу, действующую через нее, законы которой были неизменны.

Учитывая эти факты относительно интеллекта более древней расы до нас, естественно возникает вопрос: какова была степень цивилизации, достигнутая в то время, когда Божество, которому поклонялись, было абстрактным принципом, включающим реальные творческие процессы во всей Природе? и, несмотря на наши предубеждения, мы вынуждены признать, что эти ранние концепции едва ли совместимы с варварством, которое нас учили рассматривать как состояние всех народов, существовавших до первой греческой олимпиады. Напротив, происхождение философских взглядов, которых придерживались самые древние восточные философы и которые, должно быть, возникли из глубокого знания или понимания Природы и ее действий, указывают на расу, намного превосходящую любой из тех народов, которые появлялись в ранние исторические времена. По поводу этих мнений Годфри Хиггинс замечает:

Исходя из их философской истинности и универсального восприятия, я сильно склонен отнести их к авторам "Нероса" или к той просвещенной расе, которая, по предположению Байи, существовала когда-то и была спасена от великой катастрофы в Гималаях. Это подтверждается наблюдением, которое читатель сделает в дальнейшем, а именно тем, что эти доктрины, как и все другие доктрины древности, постепенно искажались — воплощались, если мне будет позволено подобрать подходящее к случаю слово".

Об этом цикле Байи говорит: "Ни один человек не смог бы изобрести Нероса, если бы не достиг гораздо большего совершенства в астрономии, чем, как мы знаем, было у древнейших ассирийцев, египтян и греков".

Ближе к концу восемнадцатого века знаменитый астроном Байи опубликовал работу под названием "История древней астрономии", в которой он пытался доказать, что нация, обладавшая глубокой мудростью и великим гением и древностью, намного превосходящей индусов или египтян, "населяла страну к северу от Индии, или около пятидесяти градусов северной широты". Этот автор показал, что "самые знаменитые астрономические наблюдения и изобретения, в силу их особого характера, могли иметь место только в этих широтах, и что искусства и усовершенствования постепенно распространились оттуда к экватору".

Колония брахманов обосновалась недалеко от Иманов и в Северном Тибете, где в древние времена они основали знаменитые колледжи, особенно в Награнте и Кашемире.

Предполагалось, что в этих учреждениях будут храниться сокровища санскритской литературы. Преподобный мистер Морис был проинформирован о том, что в Бенаресе с незапамятных времен господствовала традиция, согласно которой все знания Индии пришли из страны, расположенной на сорока градусах северной широты. Другие авторы придерживаются мнения, что цивилизация зародилась в Аравии; что древняя раса кушитов несла торговлю, письменность и законы всем народам Востока. Какая из этих теорий верна, если любая из них верна, в настоящее время невозможно с уверенностью доказать; однако то, что в далеком прошлом существовала раса людей, достижения которых превосходили достижения любой из исторических наций, не подлежит сомнению.

То, что продолжительность года была рассчитана древним и забытым народом с большей точностью, чем это было у ранних исторических наций, доказывается циклом Нероса. Этот цикл, состоящий из 7421 оборота Луны продолжительностью 29 дней, 12 часов, 44 минуты и 3 секунды, или 219 146 с половиной дней, равнялся 600 солнечным годам продолжительностью 365 дней, 5 часов, 51 минута и 36 секунд, что менее чем на три минуты отличается от нынешних наблюдений продолжительности года. Продолжительность года, рассчитанная египтянами и другими ранними историческими народами, составляла 360 дней, и этот факт, по-видимому, указывает на то, что наука астрономия была развита в более раннюю эпоху, которая у самых древних народов, о которых у нас есть какие-либо исторические записи, была утеряна или забыта. Было сказано, что если бы этот цикл Нероса "был верен до секунды, если бы первого января в полдень произошло новолуние, оно повторилось бы ровно через 600 лет, в тот же момент дня и при тех же обстоятельствах".(61)

61) Годфри Хиггинс, "Кельтские друиды", глава ii, раздел 14.

Продолжительность Вараха Кальпы составляет 4 320 000 000 лет. Эта система отсчитывает Кали-Юг от 3098 года до н.э. Додекан состоял из 5 дней, а 72 додекана образовывали естественный год в 360 дней. Согласно более ранним расчетам, 360 оборотов Солнца за сутки составляли естественный год. Учение древних об этих циклах таким образом изложено Годфри Хиггинсом:

"Считалось, что солнце, или, скорее, тот высший принцип, эмблемой которого было солнце, или шекина, воплощается каждые шестьсот лет. Пока солнце находилось в Тельце, различные воплощения, под какими бы именами они ни появлялись, все рассматривались не иначе, как воплощения Будды или Тельца. Когда он попал в Овен, они рассматривались подобным образом, но как воплощения Кристны или Овна, и даже Будда и Кристна изначально считались одним и тем же, и имели тысячу общих имен, постоянно повторяющихся в их литаниях — поразительное доказательство идентичности происхождения. Из этих зодиакальных подразделений индусы образовали другой период, состоявший из десяти эпох, или кальп, или югов, которые они считали продолжительностью существования мира, в конце которого должно было произойти всеобщее обновление всего сущего. Они также насчитали десять Неросов, образующих период, каждый из которых находился в определенном относительном положении по отношению к другому, а вместе они образовывали цикл. Чтобы добиться этого, они удвоили период прецессии для одного знака, а именно: 2160 лет, — таким образом, получилось 4320, что составляло десятую часть от 43 200 солнечных лет, аналогично 360 естественным дням, и получилось таким же образом, путем умножения 600 дней на 72 додекана = 43 200. Затем они составили еще один великий год из 432 000, снова умножив его на 10,

который они называли Кали Юг, который измерялся как числом 2160, годами, предшествующими равноденствию в знаке, так и числом 600. Затем у них была следующая схема:

Кали Юг, или 600 (или Нерос) 432 000
Двапар, или Эпоха двойственности....864,000
Трета, или эпоха древовидности... 1,296,000
Сатья, или Эпоха Сатис1,728,000

4,320,000

всего 10 Возрастов, что составляет Маха Юг, или Великий Возраст. Все они были равновозрастными циклами 600-го Нероса и 2160 года, двенадцатой части равноденственного прецессионного цикла, и в общей сложности образовали десять эпох по 432 000 лет каждая".(62)

62) Анакалипсис, том i, стр. 232.

Два великих религиозных праздника древних приходились: один весной, на Пасху, когда вся Природа обновлялась, другой осенью, после того, как земля давала свои дары и плоды были собраны. Именно на этих собраниях Великая Мать-Земля удостоивалась благоговейного поклонения всех своих детей.

Предполагается, что Нерос, или цикл 600 лет, тесно связан с этим культом и что он был изобретен для регулирования сезона проведения этих фестивалей. Со временем было обнаружено, что этот цикл больше не соответствует действительности, что праздник, который первоначально приходился на первое мая, теперь приходится на первое апреля. Это, как нам говорят,

"в конечном итоге привело к открытию, что равноденствию предшествует примерно 2160 лет в каждом знаке или 25 920 лет в 12 знаках, и это побудило их попытаться, не смогут ли они сформировать цикл из этих двух. При исследовании они обнаружили, что 600 не будут соответствовать 2160 годам в знаке или любому количеству сумм 2160 меньше десяти, но что это будет с десятью, или что через десять раз по 2160, или через 21 600 лет, два цикла совпадут; однако этого искусственного цикла было бы недостаточно, чтобы включить цикл в 25 920. Следовательно, они взяли два периода из 21 600, или 43 200; и, умножив оба на десять, а именно: $600 \times 10 = 6000$ и $43\,200 \times 10 = 432\,000$, они сформировали период, с которым 600-летний период и 6000-летний период завершатся и образуют цикл. Каждые 432 000 лет три периода начинались заново; таким образом, эти три периода образовывали год, или цикл, 72 раза по 6000 равный 432 000, и 720 раз по 600 равный 432 000".(63)

63) Хиггинс, "Анакалипсис", стр. 235.

Чтобы составить великий год, который включал бы в себя все циклические движения солнца и Луны, а возможно, и планет, они умножили 432 000 на десять; таким образом, у них было десять периодов, соответствующих десяти знакам. Относительно этих циклов Годфри Хиггинс замечает:

Люди с ограниченным умом будут поражены такими чудовищными циклами; но совершенно очевидно, что ни один период не может быть должным образом назван великим годом, если он не включает в свой цикл каждое периодическое движение или кажущуюся аберрацию. Но их вульгарное изумление, возможно, прекратится, когда им скажут, что Ла Плейс доказал, что, если периодические отклонения Луны правильно рассчитаны, великий год должен быть растянут на большую продолжительность, чем даже 4 320 000 лет индийского маха Юга, и, конечно, ни один период в нашей планетной системе нельзя назвать годом, который не охватывает все периодические движения планетных тел".

Считается, что как только эти древние астрономы замечали предшествующие равноденствия, они сразу же пытались определить скорость прецессии за данное время; однако прецессия за один год была настолько мала, что они были вынуждены растягивать свои наблюдения на огромные периоды. Джонс сообщает нам, что индусы впервые предположили, что прецессия происходит со скоростью 60 лет в градусе, или 1800 в зодиакальном знаке, и 21 600 в обороте по всей окружности. Впоследствии они пришли к выводу, что прецессия составляла 60 лет с долей года, и, таким образом, прецессия для знака составила 1824 года, а для круга - 21 888 лет. Впоследствии они обнаружили, или думали, что обнаружили, солнечно-лунный период продолжительностью 608 лет, следовательно, они попытались объединить эти два периода. Однако и то, и другое оказалось ошибочным.

Ссылаясь на тот факт, что у древних римлян существовала история о двенадцати стервятниках и двенадцати возрастах по 120 лет каждый, Хиггинс замечает:

Это возникло по следующей причине: они пришли с Востока до того, как предположение о том, что прецессия произошла на градус примерно за 60 лет, и было обнаружено, что 1824 года в знаке были ошибочными; и поскольку они предположили, что нерос совершили правильный цикл за 608 лет, и полагали, что прецессионный цикл завершится в 21 888 году, они, конечно, определили свой возраст в двенадцать. Поскольку оба числа были ошибочными, они недолго отвечали своему назначению, и вскоре их значение было утрачено, хотя священные периоды двенадцати эпох и 608 года сохранились".

Согласно Гиппарху и Птолемею, равноденствия предшествовали со скоростью градус в 100 лет, или 36 000 сотен лет в 360 градусах. Это был великий год, в конце которого происходит возрождение всего сущего. Считается, что это пережиток древнейших индуистских спекуляций, а не результат наблюдений греков. Через некоторое время после захода солнца в Овне,

"в день весеннего равноденствия индейцы, вероятно, обнаружили свою ошибку, дав около 60 лет градусу; что они должны были дать 50" году, около 72 лет градусу и около 2160 лет знаку; и что лунно-солнечному циклу, называемому Нерос, потребовалось не 608 лет, а всего 600 лет, чтобы завершить свой период. Отсюда возник более совершенный Нерос".

Различные авторы полагают, что знания древних индусов о движении солнца и луны в их циклах продолжительностью девятнадцать и шестьсот лет - метоновом цикле и Неросском — доказывают, что задолго до рождения Гиппарха продолжительность года была известна с такой степенью точности, которую этот астроном не имел средств определить. Астрономы положительно утверждают, что потребовалось по меньшей мере тысяча двести лет, "в течение которых наблюдения должны были проводиться с величайшей осторожностью и регулярно

регистрироваться", чтобы получить знания, необходимые для изобретения Нероса, и что такие наблюдения были бы невозможны без помощи телескопа.

По поводу великой учености древней расы сэр У. Драммонд говорит:

"Дело в том, однако, уверен, что в какой-то отдаленный период были математиками и астрономами, знали, что именно Солнце находится в центре планетной системы, и что земля, сама планета, вращается вокруг центрального огня;—кто вычислил, или как мы пытались вычислить, возвращение кометы, и кто знал, что эти тела двигаются по эллиптическим орбитам, безмерно вытянутые, имеющие солнце в одном из фокусов;—кто указал число солнечных лет содержат в цикле, путем умножения периода (по-разному называют в Zend, санскрит и китайский вэн, фургон, и phen) 180 лет на другой срок из 144 лет;—кто считал Солнца расстояние от Земли на 800,000,000 олимпийских стадионов, и которые, следовательно, имели параллакс, что светило способом, не только гораздо более совершенное, чем то, что придумали на Гиппарх, но немного уступает в точности, что сейчас в употреблении среди современных;—едва добились лишь угадать, когда они фиксированные Луны, расстояние от основной планеты в пятьдесят девять полу-диаметры от земли;—кто измерил окружность земного шара с такой точностью, что их расчета отличались только в нескольких футах от сделанных нашими современными геометрами;—кто постановил, что Луна и другие небесные тела, миры, как наши собственные, и что Луна была диверсифицирована по горам и долинам и морям,—которые утверждали, что там была еще такая планета, которая вращалась вокруг Солнца, за орбитой Сатурна,—кто считал планет будет шестнадцать в ряд; и кто считал, продолжительность тропического года в течение трех минут истинного времени; ни, собственно, они не так вообще, если традиция упоминается Плутархом быть правильным."(64)

64) Драммонд, "О зодиаках", стр. 36.

Байи, сэр У. Джонс, Хиггинс и Ледвич, а также многие современные авторы сходятся во мнении, что индийцы, египтяне, ассирийцы и китайцы были просто хранителями, а не изобретателями науки. Дух исследования, который в более поздние времена направляет внимание к почти похороненному прошлому, раскрывает тот факт, что не только зачатки, на основе которых развилась наша нынешняя цивилизация, пришли к нам из темных веков древности, но и то, что огромное количество реальных благ, составляющих наше нынешнее состояние материального прогресса, пришло к нам из доисторических времен. Искусство письма, навигации (включая использование компаса), обработки металлов, астрономии, телескопа, пороха, математики, демократии, строительства, ткачества, крашения и многих других приспособлений цивилизованной жизни были присвоены более поздними эпохами без указания источника, из которого они были получены. Когда Пифагор показал грекам несколько прекрасных образцов древней архитектуры, которые он привез из Египта и Вавилона, они просто объявили их своими, не отдавая должное людям, создавшим их; и последующие эпохи, подражая их примеру, отказывались признавать, что до первой греческой олимпиады было достигнуто что-либо ценное.

Когда Филипп Македонский открыл золотые рудники Фракии, страны, в которой, как помнят, поклонение Великой Матери Кибеле было исконным, он обнаружил, что ранее они разрабатывались "с большими затратами и с большой изобретательностью людьми, хорошо разбирающимися в механике, от которых не сохранилось никаких памятников".

Украшения на груди некоторых из древнейших мумий показывают, что древние египтяне владели искусством изготовления стекла. Теперь известно, что линза использовалась у них в качестве увеличительного прибора. Было обращено внимание на тот факт, что астрономические наблюдения древних были бы невозможны без помощи телескопа. Диодор Сицилийский говорит, что к западу от кельтов был остров, на который друиды перенесли солнце и луну поближе к себе. Недавно в песках Нила был найден инструмент, конструкция которого ясно показывает, что 6000 лет назад египтяне были знакомы с нашими современными представлениями об астрономии.

Уильям Хантингтон, много путешествовавший по Индии, Борнео, Малайскому полуострову и Египту, говорит:

"Я думаю, в целом, самый интересный опыт, который я когда-либо получал, был в древнем городе на берегу Нила в Египте.... Когда я был там год назад, и люди копали среди разрушенных храмов, были обнаружены некоторые любопытные вещи, и я считаю их самыми странными вещами, виденными за все мои странствия. В старой гробнице был найден любопытный предмет из железа и стекла, который при исследовании оказался фотокамерой. Это была не такая камера, какой пользуются сейчас или с тех пор, как была изобретена наша фотография, а нечто аналогичное ей, показывающее, что искусство, которое, как мы думали, мы открыли, на самом деле было известно 6000 лет назад".

Тот же автор утверждает, что также был найден плуг, построенный по современному плану. "Он был не из стали, а из железа, и у него была та же форма, тот же острый и изгиб формовочной доски, что и у нас сейчас".

Сообщается, что темный континент обладает средствами связи, совершенно неизвестными Европе. По этому поводу корреспондент New York Tribune пишет:

"Когда в 1885 году пал Хартум, я был в Египте и хорошо помню, что арабы, поселившиеся по соседству с пирамидами, знали все об этом, а также о генерале. Смерть Гордона произошла за много дней до того, как новость достигла Каира по телеграфу с суданской границы. Однако Хартум находится в тысячах миль от Каира, и телеграфные провода, идущие от границы, были монополизированы правительством".

Тот же корреспондент отмечает, что эти арабы несколькими месяцами ранее сообщили ему о поражении египетской армии под командованием Бейкер-паши при Токаре - что они не только сообщили ему эту новость, но и несколько подробностей, касающихся этого вопроса, за целых два дня до того, как были получены разведданные с побережья Красного моря. В ответ на предположение, что такая информация могла быть передана с помощью сигнальных костров, этот автор говорит, что такие костры привлекли бы внимание английских и местных разведчиков, и что вся страна не одобряет такие методы; кроме того, никакая система сигнальных костров, какой бы сложной она ни была, не смогла бы передать новости так быстро и в таких деталях. Весь этот вопрос резюмируется следующим образом:

Таким образом, очевидно, что в распоряжении арабов есть какие-то другие средства быстрой связи. Можно предположить, что они, подобно ученым мужам Северной Индии, обладают знаниями о силах природы, которые все еще скрыты от наших самых выдающихся ученых".

Может ли быть так, что арабы знакомы с совсем недавно открытым научным принципом, согласно которому возможно передавать телеграфные сообщения без проводов, а просто с помощью магнитных токов в земле и воде?

И это замечательное умение присуще не только "варварам Старого Света". Корреспондент "Нью-Йорк Пресс" с дальнего Запада написал, что задолго до того, как известие о резне в Кастере достигло форта Авраам Линкольн, сиу сообщили об этом своим собратьям. Разведчики в колонне Крука на юге узнали об этом почти сразу, как и те, кто был с Гиббоном дальше на северо-запад. Тот же автор сообщает, что несколько лет назад у лейтенанта военно-морского флота закончилась провизия. Он как можно быстрее направился к поселению и, прибыв туда, обнаружил, что жители подготовились к его приезду и приготовили для него щедрые припасы. Люди в деревне принадлежали к другому племени, чем те, чьи владения он миновал, и, насколько удалось выяснить, не поддерживали с ними связи.

Самые ранние имеющиеся у нас сведения о Египте и Халдее раскрывают тот факт, что в очень отдаленный период они были древними и могущественными цивилизациями, что у них было стабильное правительство, чистая и философская религия и глубокое знание науки и искусства; и все же, несмотря на великую древность этих цивилизаций, древность людей, которые их создали, должна была быть бесконечно более отдаленной.

Самые ранние исторические нации признавали величие этого древнего народа и масштабы его владычества. В древнейших географических трудах санскритского народа ясно описана древняя Эфиопия, или земля Куш греческой и древнееврейской древности. Стефан Византийский, который, как говорят, представляет взгляды самых древних греков, говорит: "Эфиопия была первой образованной страной на земле, и эфиопы были первыми, кто ввел поклонение богам и установил законы".(65)

65) Цитируется Джоном Д. Болдуином, "Доисторические нации", стр. 62.

Херен в своих исследованиях говорит:

"С самых незапамятных времен и по настоящее время эфиопы были одним из самых знаменитых и в то же время самых загадочных народов. В самых ранних преданиях почти всех наиболее цивилизованных народов древности встречается название этого далекого народа. Летописи египетских жрецов полны ими, а народы внутренней Азии, на Евфрате и Тигре, переплели вымыслы эфиопов со своими преданиями о войнах и завоеваниях своих героев; и в столь же отдаленный период они мелькают в греческой мифологии. Когда греки едва знали Италию и Сицилию по именам, эфиопы прославлялись в стихах своих поэтов, и когда слабый отблеск традиций и басен уступает место ясному свету истории, блеск эфиопов не уменьшается".

Гомер говорит о них, что они были "разделенным народом, обитавшим на концах земли по направлению к заходящему и восходящему Солнцу". Хотя в настоящее время возможно обнаружить очень много фактов, имеющих отношение к цивилизации этого древнего народа, при нынешнем состоянии человеческих знаний невозможно установить, когда на земле зародилась цивилизованная жизнь. Были ли древние арабы или эфиопы, принадлежавшие к древней расе кушитов и которых многие считают самым древним народом, о котором у нас есть какие-либо сведения, первыми колонизаторами, или им предшествовала еще более древняя цивилизация, история и традиция в равной степени умалчивают; однако факт, по-видимому,

достаточно достоверен, что эта просвещенная раса, ныне почти вымершая, принесла цивилизацию в Халдею более чем за семь тысяч лет до нашей эры, что она колонизировала Египет, внедрила свои собственные институты в Индии, колонизировала Финикию и благодаря своей морской и коммерческой предприимчивости создала цивилизованные условия в каждую четверть земного шара. Даже в Перу, Мексике, Центральной Америке и Соединенных Штатах есть свидетельства древней кушитской религии и предприимчивости.

Болдуин, комментируя величие этого замечательного народа, говорит, что в начале периода своей колониционной предприимчивости, коммерческого величия и обширной империи он основал колонии в долинах Нила и Евфрата, которые в более поздние века превратились в Берберию, Египет и Халдею. Древний кушитский народ оккупировал Аравию и другие обширные регионы Африки, Индии и Западной Азии до Средиземноморья. Отмечая обширность и древность этой древней кушитской расы, Роулинсон говорит, что они основали большинство городов Западной Азии. Обширная торговая система, которая служила связующим звеном между различными странами земного шара, была создана этим народом, а огромное производственное мастерство и непревзойденная морская активность финикийцев, которые простирались вплоть до времен эллинов и римлян, были результатом иржения. Несомненно, именно во времена господства древней кушитской расы были развиты знания астрономии и доведены до высокой степени совершенства жизненные искусства. Однако из-за особого влияния, оказанного на человеческий опыт, это знание, которое было завещано их потомкам или созданным ими нациям, впоследствии было утрачено или практически затемнено, и от всеобщего разорения сохранились лишь его фрагменты.

В этих фрагментах в Индии сохранились определенные свидетельства глубокого знания Природы или неизвестных в настоящее время сил во Вселенной, демонстрация которых в наше время, вероятно, была бы расценена как чудесное вмешательство сверхъестественных сил.

Что касается изысканности и роскоши этого древнего народа, Диодор Сицилийский заявляет, что они купались в потоках золота и серебра, что "портики их храмов были покрыты золотом, и что украшения их зданий были в одних частях из серебра и позолоты, а в других - из слоновой кости, драгоценных камней и других вещей большой ценности".

Из различных наблюдений ясно, что этрурийцы представляли собой стадию цивилизации, намного опережавшую пеласгов, основавших Рим, — расу, которая, хотя и превосходила их численностью, вооружением и влиянием, была, по сравнению с этим более древним народом, немногим лучше варваров.(66)

66) Считается, что еще в девятнадцатом веке до нашей эры пеласги или пеларги отправились в Энонию, или Ионию. Это был отряд этого народа, который, согласно Геродоту, захватил в плен несколько афинских женщин на побережье Африки, жил с ними как с женами и растил с ними семьи, но, "поскольку они отличались манерами от них самих", они убили их, что сопровождалось "ужасной эпидемией". Некоторые авторы придерживаются мнения, что эти женщины исповедовали иную религию, чем их похитители, и что столь сильным и горьким было ощущение сравнительной важности функций пола в процессе созидания, что их мужья, неспособные изменить свои

взгляды, положили конец их существованию.

Пожалуй, ничто так ясно не свидетельствует о степени цивилизации, достигнутой древними жителями Этрурии, как изысканное совершенство, которое наблюдается в образцах искусства, найденных в их курганах. В гробницах этрусков, похороненных задолго до основания Рима или зарождения изобразительного искусства в Греции, были найдены безошибочные свидетельства развитого состояния этого народа. Изысканная расцветка и группировка фигурок на их элегантных вазах, одна из которых, выставленная в Британском музее, изображает рождение Минервы, или Мудрости, свидетельствуют об утонченности их вкуса, чистоте их концепций и истинном художественном мастерстве.

Среди их механических искусств, несколько образцов которых сохранилось, есть гончарный круг, изобретение, которое с точки зрения его полезности объявлено абсолютно совершенным — самым совершенным из всех инструментов мира. "Он никогда не совершенствовался и не допускает никаких улучшений". Фактически, все, что можно собрать о древних этрурийцах, народе, который, как полагают наиболее способные авторы по этому предмету, был одним из первых, покинувших азиатский улей, полностью согласуется с фактами, уже изложенными относительно этого могущественного народа, возможно, из верхней Азии, который довел изучение астрономии до уровня совершенства, достигнутого только после открытия системы Коперника, который изобрел цикл Нероса и Метонова, который колонизировал Египет и Халдею и который принес цивилизацию в самые отдаленные концы земли.

Философия этруров соответствует философии самой древней индуистской системы и демонстрирует степень мудрости, не имеющую аналогов ни у одного из народов, относящихся к ранним историческим эпохам. Согласно их космогонии, эволюционные или созидательные процессы включали двенадцать обширных периодов времени. В конце первого периода появились планеты и земля, во втором был сотворен небесный свод, в третьем появились воды, в четвертом на небесах появились солнце, луна и звезды, в пятом на земле появились живые существа, а в шестом был произведен человек. Эти шесть периодов составляли половину продолжительности цикла. По истечении еще шести периодов или по истечении всего цикла из двенадцати периодов все творение растворялось или притягивалось к источнику всей жизни. Впоследствии было создано новое творение, при котором будет происходить тот же порядок событий. Инволюция жизни, или ее возвращение к великому источнику, из которого она возникла, однако, не влекла за собой разрушения материи. Семена возвращающейся жизни хранились в ковчеге или лодке - женском принципе, внутри которого содержится все сущее. Это проникновение жизни составляло "ночь Брахме". Он был представлен Вишну, спящим на дне моря.

Из фактов, приведенных в отношении жителей Этрурии, мы не удивляемся, обнаружив, что их религией были древние поклонники Природы и что мать со своим ребенком олицетворяли их идею бога. Говоря о религии этого народа и о глубокой древности поклонения Деве и Младенцу, Хиггинс замечает: "Среди галлов, более чем за сто лет до христианской эры, в районе Шартра отмечался праздник в честь Девы Марии", а в 1747 году был найден митраистский памятник, "на котором изображена женщина, кормящая младенца грудью — Богиня года, кормящая день Бога". К чему он добавляет: "Протестанту следует помнить, что его способ празднования Рождества - это лишь малая часть старого праздника, поскольку он все еще существует среди

последователей Римской церкви. Это пережиток древнего этрусского культа девы с младенцем. В доказательство вышесказанного Хиггинс цитирует "Тосканские древности" Гориуса, где можно увидеть фигуру древней богини с ребенком на руках, надпись сделана этрусскими буквами. "Без сомнения, Римская церковь назвала бы ее Мадонной, но, к величайшему несчастью, у нее на руке написано ее имя, Нуртия, этрусскими буквами, по этрусскому обычаю".

Из памятников Этрурии видно, что происхождение и права наследования происходили по женской линии, а это состояние общества указывает на высокое положение, которое, должно быть, занимали женщины этой страны.

Говорят, что в Омане существует фрагмент правительства старой эфиопской, или кушитской, расы. Если это правда, то в настоящее время мы, возможно, сможем понять кое-что о характере политических институтов этой древней нации. Поскольку ни один народ не остается неподвижным, и поскольку вырождение было правилом в окружающих странах, мы не можем ожидать найти среди народа Омана истинное отражение древних условий, тем не менее, как было замечено, мы все еще можем отметить некоторые факты, относящиеся к организации общества и их государственным институтам.

В описании, предоставленном Пэлгрейвом, Оман назван королевством, однако из наблюдений этого автора ясно, что существующая форма правления представляет собой конфедерацию наций в рамках демократической системы, идентичной той, которая сложилась в период более позднего состояния варварства. Этот автор сам признает, что Оман - это не столько королевство, сколько совокупность муниципалитетов, и что каждый из этих муниципалитетов или городов существует отдельно и контролируется своим собственным местным вождем; но что все они объединены в одну конфедерацию и подчиняются руководству великого вождя, которого автору угодно назвать "короной", но почему, как видно из приведенного описания, не имеет никакого сходства с современным монархом. Вожди, которые руководят советами муниципалитетов, ограничены в своих полномочиях "традиционными иммунитетами вассалов", решение всех уголовных дел и отправление правосудия находятся в руках местных судей. В приведенных описаниях их правительственных процедур указывается, что весь ход права рассматривается отдельно от юрисдикции суверена, который не имеет права ни изменять, ни отменять постановления народа.

Здесь, как отмечается, существует почти идентичная форма правления, которая использовалась у ранних исторических народов, до того, как правительства стали основываться на богатстве или на территориальной основе (67); или, другими словами, до того, как богатые и аристократические классы привлекли к себе всю власть, которая ранее принадлежала народу.

67) См. "Эволюция женщины", стр. 238.

Мы должны иметь в виду тот факт, что в рамках этих ранних демократических институтов термин "народ" включал не только мужчин, но и женщин, и поскольку великий вождь, местные правители и судьи занимали свои должности в силу своего происхождения от какого-либо реального или традиционного лидера рода, которым на протяжении всех предыдущих эпох была женщина, мы можем полагать, что право женщин смещать своих политических лидеров, как только их поведение становилось для них неприемлемым, было абсолютным и неоспоримым.

Несомненно, как мы видели, правительство Омана претерпело значительные изменения со времен кушитского великолетия и превосходства; подобно всем другим нациям, которые соприкасались с арийскими и семитскими расами, оно имело тенденцию к монархическому правлению; тем не менее, с его практически свободными институтами, представляющими, как они, в определенной степени политическую систему величайших и древнейших цивилизаций, о которых мы имеем какие-либо сведения, оно представляет собой иллюстрацию степени прогресса, возможного при нееврейской организации, в то же время указывая на источник отсюда и проистекал яростный демократический дух, наблюдаемый среди последующих наций, особенно у греков.

Современные авторы сходятся во мнении, что туарики, народ, населяющий пустыню Сахара, достигли значительного уровня цивилизации. Нам сообщают, что в Сахаре, которая, кстати, гораздо менее бесплодна, чем нас учили представлять, "у туариков есть большие города и превосходное состояние сельского хозяйства"; что у них фрукты выращиваются с большим успехом и мастерством. Их метод политической организации демократичен и схож по устройству и управлению со старыми кушитскими муниципалитетами. Болдуин, цитируя Ричардсона, говорит: "Гат, как и все страны Туарика, является республикой; правят все люди. Женщина туариков - это не женщина мавров и мусульман в целом. Здесь она пользуется большой свободой и принимает активное участие в жизненных делах".(68)

68) Доисторические народы, стр. 341.

Тот, кто склонен искать это, не найдет недостатка в доказательствах того, что в более раннюю эпоху мира, до появления письменных свидетельств существующей истории, человеческая раса достигла уровня цивилизации, равного во всех отношениях и превосходящего во многих отношениях нынешний.

То, что эта замечательная стадия прогресса, фактические масштабы которой еще не полностью осознаны, была достигнута в период чистого поклонения Природе, или когда земля и солнце почитались как символы великой созидательной энергии во всей Вселенной, является предположением, которое, если рассматривать его в свете более недавно полученных фактов, является совершенно разумным и именно таким, какого можно было ожидать.

То, что эта высокая стадия цивилизации была достигнута, когда женщины были признанными главами семей и родов, и в то время, когда Проницательной Мудрости, или женской энергии в Божестве, поклонялись как верховному Богу, является фактом, который со временем будет неоспоримо доказан. В самом деле, если бы суждения человека не были искажены предрассудками, а его разум не был засорен суевериями и чувственностью, тот факт, столь ясно очевидный во всех древних мифологиях, что в ранней идее бога содержались два принципа, причем преобладало женское существо, был бы признан задолго до того, как это было признано, и наши нынешние религиозные системы, которые являются всего лишь порождением этих мифологий, с частичным возвращением цивилизованных условий были бы настолько изменены, чтобы принять некоторые фундаментальные истины, которые составляли основу ранней религии.

Что касается религии древней расы, которую мы рассматривали, нам говорят, что они поклонялись двойственному Божеству под именами Аштарот и Баал, и что этот Бог "постигал

воспроизводящие силы в человеческих существах и в солнце вместе с Мудростью или Светом". Другими словами, они обожали великую движущую силу всей Природы, силу, которую они почитали как Великую Мать.

До того, как зендская и санскритская ветви арийской расы разделились, их религией, несомненно, была та, которую дали им кушитские цивилизаторы. Поклонение солнцу и планетам, с которыми были неразрывно связаны плодоносящие силы Природы, объясняет их преданность изучению небесных тел и их передовые познания в астрономии. Типы возрождения или репродукции, которым они поклонялись, были символами абстрактных принципов, и, исходя из фактов, связанных с их религиозными церемониями, практикуемыми их непосредственными преемниками, и из чистого значения, придаваемого их эмблемам, мы вправе прийти к выводу, о котором говорилось ранее, что чувственный элемент, ставший столь заметным в более позднем религиозном развитии, не составлял части их культа.

Невозможно установить количество эпох, в течение которых самая примитивная религия, а именно религия чистого поклонения Природе, преобладала среди жителей земли, и точный период времени, в течение которого сохранялось поклонение земле и солнцу, не омраченное змеиной и фаллической верой, неизвестен. Вероятно, однако, что его продолжительность должна измеряться превосходством альтруистического, или материнского, элемента в человеческих делах и что постепенное привитие позже развитых чувственных верований к их более ранней идее бога знаменует переход от женского к мужскому превосходству.

Мы заметили, что всякий раз, когда появляются остатки цивилизации древних кушитов, именно так, как и следовало ожидать, женщины занимают высокое положение в человеческих делах, в то же время женское начало составляет существенный элемент Божества.

О древних персах, которые получили свою религию и свою цивилизацию от этой более древней расы, Малкольм замечает:

"Огромное уважение, с которым относились к женскому полу, было, без сомнения, главной причиной прогресса, которого они достигли в цивилизации.... По-видимому, в прежние времена женщины Персии занимали определенное и почетное место в обществе; и мы должны заключить, что равное положение с мужчинами, закрепленное за ними предписаниями Зороастра, существовало задолго до времен этого реформатора, который уделял слишком большое внимание привычкам и предрассудкам своих соотечественников, чтобы вносить какие-либо серьезные изменения в столь важный обычай. Квинт Курций сообщает нам, что Александр не стал бы сидеть в присутствии Сизигамбис, пока ему не сказала бы об этом эта матрона, потому что в Персии не принято, чтобы сыновья сидели в присутствии своих матерей. Не может быть более веского доказательства, чем этот анекдот, того огромного уважения, с которым относились к женскому полу в этой стране во время этого вторжения". (69)

69) См. Историю Персии.

Я думаю, что никто не может изучать священные книги персов, не замечая того акцента, который там делается на чистоте характера и правильном образе жизни. Действительно, ни в одном из дошедших до нас писаний антитеза между добром и злом не выражена так сильно, в

то же время их ненависть к идолопоклонству ясно очевидна. То же самое наблюдается в ранних писаниях индусов. В Ведах, хотя они и были искажены более поздними авторами, все еще можно проследить чистоту мысли и жизни, которой нет в писаниях более поздних эпох. Не так давно один ученый уроженец Индии сообщил мне, что первоначальное написание Вед было в значительной степени делом рук женщин.

То, что ранние представления о Божестве, в котором женщины составляли центральную и верховную фигуру, были в Египте связаны с осуществлением огромной светской власти, не может, с учетом имеющихся фактов, более подвергаться сомнению. Благодаря записям, обнаруженным на древних памятниках, мы узнаем, что в эпоху Амунофа I. значительная часть суверенной власти в Египте осуществлялась женщиной, Эймнофре-аре, которая делила трон с Эймсом. Она также занимала это место вместе с Амунофом, и, несмотря на утверждение Геродота, что женщины не служили в качестве жрецов, эта царица представлена совершающей возлияния Амону - должность, которая, несомненно, была высшей, связанной со священством.

Менее чем через сорок лет отмечается, что другая женщина, Амон-ноу-хет, разделила трон с Тутмосом I и II. и что "она, кажется, пользовалась гораздо большим уважением, чем любой из них". Не только памятники воздвигнуты в ее честь, но она появляется в мужской одежде и "одна приносит подношения богам". Она была настолько важной персоной, что многие считают ее принцессой, завоевавшей страну, возможно, даже самой Семирамидой. Ее титул был "Сияющее солнце".(70)

70) Роулинсон, "История Геродота", приложение, книга ii, глава viii.

Поскольку эти женщины, несомненно, принадлежали к древней арабской, эфиопской или кушитской расе, народу, принесшему цивилизацию в Египет, мы не удивлены, обнаружив, что они занимали должности, связанные с высшими гражданскими и религиозными постами. Древние авторы описывают Лабиринт в стране Нила как состоящий из трех тысяч комнат. Страбон говорит об этом, что в ограде было столько дворцов, сколько раньше было жилых домов, и что там обычно собирались священники и жрицы каждого ведомства для обсуждения сложных и важных вопросов права.

Согласно грекам, египетский бог Осирис соответствует их Юпитеру; а Сейт, спутница Кнефа, идентична Юноне. Однако совершенно очевидно, что греки мало понимали истинное значение богов, которых они позаимствовали или унаследовали от более древних народов. Казалось бы, как народ, их тщеславие мешало им признавать достоинство даже своих богов, следовательно, они наделяли их атрибутами, наиболее соответствующими их собственному порочному вкусу или удовольствию, а затем поклонялись им как существам, подобным им самим.

О египтянах было замечено, что они имели обыкновение высмеивать греков за то, что те считали своих богов реальными существами, в то время как на самом деле "они были всего лишь отображениями атрибутов и принципов Природы". В отличие от религий, пришедших ей на смену, египетская мифология в понимании ученых была по сути философской и имела дело скорее с абстракциями и принципами, чем с личностями.

Несмотря на важность, на которую со временем стали претендовать мужчины, и на последующее стимулирование животных наклонностей, из определенных исторических и неоспоримых доказательств, связанных с этим предметом, очевидно, что, хотя власть женщины

в Египте, как и во всех других странах, постепенно ослабевала, эффект ее влияния на манеры и общественные обычаи никогда полностью не угасал.

Относительно существования полигамии было сказано, что высокое положение, занимаемое в древнем Египте матерью семейства, хозяйкой домашнего хозяйства, абсолютно несовместимо с существованием полигамии как общей практики или такого института, как гарем. Хотя множественность жен, по-видимому, не противоречила закону, это "определенно было необычно", и хотя египетские цари часто имели много жен, "они следовали скорее иностранным, чем местным обычаям".(71)

71) Ренуф, Религия Древнего Египта, стр. 81.

Геродот говорит о женщинах Египта: "Они ходят на рынки и торгуют, в то время как мужчины сидят дома за ткацким станком" (72); а Диодор сообщает нам, что в Египте "женщины управляют мужчинами".

72) Книга ii, глава xxxv.

Если бы у нас не было прямых исторических свидетельств того, что вплоть до позднего периода истории Египта женщины не теряли своего престижа, достаточным доказательством был бы тот факт, что, несмотря на растущую тенденцию человечества во всех странах земного шара подавлять женские инстинкты и отвергать, скрывать или принижать женский элемент в Божестве, все же Исида, милосердная мать, сохраняла видное место в идее бога этой страны.

Я не обращая внимания на замечания, ссылка на прошлую эпоху интеллектуального и нравственного величия вызовут; в самом деле, я почти слышу, как некоторые преданные в настоящее время замечание: "поэтому мы попросили расцениваю как трезвые факты о существовании в прошлом золотого века; также полагать, что человек был создан чистым и святым, и что он с тех пор упала со своего высокого имущества; иными словами, мы должны иметь веру в древних традициях 'грехопадения'". Если из-за падения человека, мы должны понять, что многие и универсальных людей, кто в отдаленной эпохи мировой истории достиг высокой ступени цивилизации, постепенно перешел от человеческого существования, и то, что ниже рода, который был не способен постичь их имущества, и которая, к чрезмерной стимуляции низших наклонностей, погрузился в состояние варварства, в котором первоначально возвышенных представлений о Божестве были скрыты и великого познания прошлого было потеряно, Я не вижу никаких оснований, чтобы не верить ему, тем более что все факты, как традиции и истории, затрагивающие эту тему объединить в провозглашая свою истину.

Заявив, что в Халдее были найдены скорее обломки науки, чем ее элементы, Байи спрашивает:

"Когда вы видите дом, построенный из старинных капителей, колонн и других фрагментов прекрасной архитектуры, разве вы не приходите к выводу, что когда-то существовало прекрасное здание?... Если человеческий разум когда-либо и может льстить себя надеждой на успех в открытии истины, то только тогда, когда множество фактов, и эти факты разного рода, объединяются и приводят к одним и тем же результатам".

То, что потомки некогда могущественного народа впали в варварство, забыв глубокие познания в науках, которыми обладали их предки, является фактом, слишком хорошо засвидетельствованным в настоящее время, чтобы подвергаться сомнению теми, кто взял на себя труд ознакомиться с имеющимися доказательствами.

Относительно того, каким образом была достигнута эта древняя цивилизация, или относительно способа, которым она была достигнута, история и традиция одинаково умалчивают, хотя считается, что современные методы исследования позволяют, по крайней мере в некоторой степени, разгадать тайну. В настоящее время мы знаем только, что в самом отдаленном прошлом, насколько может охватить человеческий разум, существуют свидетельства высокой стадии цивилизации, на достижение которой, должно быть, потребовались тысячи и тысячи лет.

ГЛАВА VII. СОКРЫТИЕ РАННИХ ДОКТРИН.

После упадка поклонения природе и когда из-за постоянно растущего могущества более грубых элементов человеческого общества знание научных принципов, лежащих в основе древней религии, было частично утрачено или забыто, философам стало необходимо скрывать первоначальную концепцию Божества и облекать свои священные писания в аллегорическую форму. Отсюда следует, что каждая древняя форма религии имеет каббалу, содержащую свои тайные доктрины — доктрины, внутренний смысл которых был известен лишь немногим. Чтобы эти истины могли быть сохранены, они были начертаны на листьях деревьев письменами или символами, понятными только посвященным. Аллегии, под которыми скрывались эти высшие истины, передавались как традиции последующим поколениям — традиции, в которых странным образом сочетаются история, астрология и мифология.

По прошествии долгих периодов, в результате войн, завоеваний и различных изменений, связанных с изменением окружающей среды, эти традиции были в основном забыты. Однако время от времени их фрагменты собирались вместе и, смешиваясь с более поздними доктринами, использовались священниками как средство усиления самовозвеличивания и власти.

В настоящее время считается, что "Илиада" (Рапсодии) Гомера - это всего лишь ряд "отдельных песен", которые, возможно, веками передавались устно, и что они содержат тайные доктрины жрецов. Порфирий говорит, что "мы не должны сомневаться в том, что Гомер тайно изобразил божественные явления под прикрытием басни". О Платоне говорили, что он изгнал поэмы Гомера из своей воображаемой республики по той причине, что люди, возможно, не смогут отличить аллегорическое от неаллегорического. Ипполит сообщает нам, что симонисты заявили, что в Елене заложен принцип разума; "и таким образом, когда все державы были за то, чтобы присвоить ее себе, начались мятежи и войны, во время которых эта главная сила была

явлена народам". Эти песни, собранные вместе Писистратом и переработанные Аристотелем для использования Александром, обычно рассматривались просто как фрагмент истории, повествующий о тяжелой и затяжной борьбе между греками и троянцами.

В самых ранних исторических свидетельствах о египтянах, которые у нас есть, мы замечаем, что их церемонии и символы уже стали многочисленными, при этом истинное значение последних скрыто. Массы людей, которые стали слишком чувственными и невежественными, чтобы воспринимать высшие божественные "тайны", и слишком грубыми, чтобы им было доверено их истинное значение, стали идолопоклонниками.

Не только египетские и халдейские священники, но и Моисей и еврейские врачи были хорошо осведомлены о религиозной символике. Также отмечается тот факт, что даже в эпоху средневекового христианства отцы Церкви, христианские художники, скульпторы и архитекторы, все еще использовали знаки и символы для изложения своих религиозных доктрин. Даже в настоящее время многие эмблемы, представляющие определенные идеи, связанные с созидательными принципами, и которые были неотъемлемой частью языческого богослужения, все еще используются. Однако массы людей не имеют представления ни об их происхождении, ни о раннем значении.

Повсюду, на протяжении всей истории народов, поклонялись символам атрибутов или функций двойственного или триединого Бога. Каждый символ олицетворял отличительные женские или мужские качества. Животные, деревья, море, растения, луна и небеса на определенной стадии религиозного развития символизировались как части Божества и почитались как обладающие определенными женскими или мужскими характеристиками или атрибутами.

Очевидно, что с упадком женской силы и последующей стимуляцией животных инстинктов в мужчинах чистые созидательные принципы, задействованные в поклонении Природе, постепенно становились непригодными для чувственных способностей и вкусов масс; но в дополнение к этому были и другие причины, по которым женское начало в Божестве следовало скрывать. Женщины уже были свергнуты с их прежнего высокого положения глав семей и лидеров кровнородственных сообществ. Все их законные prerogatives были узурпированы. Высочайшее развитие Природы стало рабом человеческих appetites, и материнство, которое до сих пор считалось самой возвышенной функцией ни на небесах, ни на земле, обратилось в прах.

В этих условиях, возможно, нет ничего удивительного в том, что способности рожать и качествам и атрибутам женщин, которые с ней связаны, а именно сочувствию — желанию благополучия других вне себя, или альтруизму, — больше не поклонялись как божественным, или что на их место должны были быть заменены ведущие черты характера, развитые в мужчине. Из имеющихся фактов ясно, что на определенном этапе роста человека физическая мощь и мужская репродуктивная энергия, или мужественность, стали признанным Богом. Когда страсть была высшим идеалом Творца, женское начало проявлялось только в чувственной форме и просто как придаток к богу, который зависел от ее служения. При вышеизложенных условиях нисколько не примечательно, что священники сочли необходимым скрывать от женщин факты, связанные с их природой. Важность женщины как творческой силы и как главного и наиболее существенного фактора во Вселенной должна быть скрыта. "Исида должна быть скрыта".

Присвоение титулов изначального двойственного Бога правящими монархами воспринимается по крайней мере как один из процессов, посредством которых великое универсальное женское Божество древних было преобразовано в бога-мужчину. Нас заверяют, что "избыточная номенклатура божеств Вавилона делает невозможным их толкование. У каждого божества есть много различных имен, которыми его безразлично обозначают". Замечено, что у каждого Божества есть целых сорок или пятьдесят титулов, каждый из которых представляет определенный атрибут.

С момента изобретения клинописного алфавита, с помощью которого изображения были сведены к фонетическим знакам, предпринимались попытки расположить или классифицировать этих богов в соответствии с их надлежащим порядком в Пантеоне, но до сих пор их история, похоже, полна неясностей и сомнений.

В ассирийской, вавилонской и египетской мифологиях наблюдается большая путаница и немалая степень таинственности, окружающие положение, занимаемое определенными богами. "Дети нередко меняются местами с родителями", но чаще, как нам говорят, "женщины меняются местами с мужчинами", или, точнее говоря, титулы, атрибуты и качества, приписываемые Великому Вселенскому женскому Богу, теперь передаются правящему монарху. Таким образом, нередко наблюдается божество, состоящее из мужской триады, центральной фигурой которой является царь или военный вождь, и к которому обычно добавляется отставший четвертый член, женщина, которая, лишенная своей власти и с сомнительным и таинственным титулом, предстает как жена или любовница его величия, в то время как на ней отражается, через него, легкий намек на то достоинство и честь, которые первоначально считались принадлежащими исключительно признанному Божеству.

Богиню Вишну, из пупка которой, когда она спала на дне моря, возникло все творение, после ее превращения в Бога мужского пола дополняет жена—Лаксмир. Лаксмир означает мудрость; но она стала лишь придатком своего "господа", на котором отразилась вся ее прежняя слава.

Правители стали настолько жадными до великолепных титулов, принадлежащих женским божествам, что нам говорят, что "имя Великой богини Астарты нередко встречается как имя мужчины".

Хотя мужчина узурпировал титулы женского Бога и отрицал ее признание в качестве активного творческого агента, тем не менее, поскольку без нее ничто не могло быть создано, ей было позволено, как мы видели, оставаться женой или любовницей правящего монарха, в котором пребывали бесконечная мудрость и могущество. Ее символом был ковчег, сундук, лодка, шкатулка или пещера. Эта женщина, хотя и удостоена титула "Матери богов" и даже "Царицы Небесной", совершенно лишена власти.

Очевидно не только то, что титулы и атрибуты женских богов были присвоены мужчинами, но и то, что более древние божества, которые, как теперь известно, были женскими, более поздними исследователями были представлены как мужские.

Интерпретации, которые до сих пор давались вавилонским и ассирийским божествам многими из тех, кто пытался разгадать тайны более ранней стадии религиозного поклонения, несомненно, связаны с тем фактом, что с начала так называемого исторического периода все качества, которые считались богоподобными, были мужскими; поэтому этим авторам никогда не приходило в голову, что древние могли иметь совершенно отличные от их собственных

представления об атрибутах Божества; следовательно, всякий раз, когда пол бога казался сомнительным, особенно если это было в малейшей степени в степени мощи или важности оно сразу же было обозначено как мужское, и это тоже, несмотря на тот факт, что такое толкование часто сопровождалось непоследовательностью, противоречиями и абсурдностью, которые невозможно согласовать ни с установленными фактами, ни со здравым смыслом.

Если символы, представляющие религиозные верования и богослужения, не рассматривать в свете более поздних фактов мифологии, археологии и филологии, возникает множество кажущихся абсурдными и бесчисленными фактов, которые трудно согласовать друг с другом; особенно это верно в отношении некоторых символов, используемых для выражения отличительных женских и мужских качеств. Например, змей, хотя и является мужским символом, в определенные периоды мировой истории предстает в образе прекрасной женщины.

Это объясняется тем фактом, что женщина и змей когда-то олицетворяли идею бога. Вместе они составляли неделимую сущность — созидательную силу во вселенной. Поэтому они стали взаимозаменяемыми терминами. Женщина, появляясь одна, олицетворяла и то, и другое, как и змей.

"В большинстве древних языков, вероятно, во всех, название змеи означает Жизнь, и корни этих слов обычно также обозначают мужские и женские органы, а иногда и соединенные вместе. В нижнефранцузском языке слова, обозначающие фаллос и жизнь, имеют одинаковое звучание, хотя, как это иногда бывает, написание и пол различаются"; но считается, что этот факт не имеет существенного значения, поскольку "Юпитер, Иегова, солнце и луна по очереди были мужчинами и женщинами".

Несомненно, многие из несоответствий, наблюдавшихся до сих пор в религии древних, исчезнут, как только мы получим более четкое представление об их хронологии; и события, которые сейчас кажутся противоречивыми, получают удовлетворительное объяснение, если расположить их в надлежащем порядке с точки зрения даты. Религия, как и все остальное, постоянно меняет свое положение, чтобы приспособиться к изменившемуся ментальному состоянию своих приверженцев; следовательно, идеи, которые в любой данный момент в прошлом идеально подходили народу, в течение пятисот или тысячи лет изменились бы или значительно модифицировались.

На определенном этапе истории человечества "все великие женщины и мифические леди были змеями"; но когда их изображали монументально или живописно, они появлялись "с головой женщины, в то время как тело было телом рептилии". Эта фигура олицетворяла Мудрость и Страсть, или духовный и материальный планы человеческого существования. Мифическая женщина, которую Геракл встретил в Скифии и которая, несомненно, была первоначальным одноименным вождем скифского народа, имела голову женщины и тело змеи.(73) Даже мексиканцы заявляют, что "он, змей, - это солнце, Тонакатль-Коатль, которое всегда сопровождает их первую женщину". По их словам, их первобытной матерью была Кихуа-Кохуатль, что означает змея. Ссылаясь на эту мексиканскую традицию, Форлонг замечает: "Таким образом, змей здесь был представлен и как Адам, и как Адамама; а их Эдем, как и в еврейской истории, был садом любви и наслаждений".(74)

73) Геродот, книга iv, глава 9.

74) Реки жизни, том i, стр. 143.

Традиции, существующие среди всех народов, по-видимому, связывают введение змеи в религиозную символику с тем периодом в истории человечества, когда они впервые начали признавать тот факт, что из-за злоупотребления репродуктивными функциями зло или человеческая убогость получили власть над высшими силами. Божество, представленное женщиной и змеей, заключало в себе идею не только добра, но и зла в сочетании. Вместе они олицетворяли не только Мудрость и воспроизводящую силу, но и зло. Мифологически они олицетворяли зимний холод и тепло солнечных лучей, которые были необходимы для размножения. Из этой концепции возникли персидские Ормузд и Ариман, история Адама, Евы и змея в Книге Бытия и легенда о Кихуа-Коуатле и Тонакатль-Коатле в Мексике.

"Змеем остался в памяти и привязанности большинства древних людей как мудрость, жизнь, доброта и источник знаний и науки под различными именами, такими как Тот, Гермес, Фемиды, Кнеф или София египтян и гностиков, а также Сет, Шет или Шем у евреев".(75)

75) Форлонг, Реки жизни и др., том i, стр. 143.

Богиня-Змея, хотя и воспринимала зло так же, как и добро, все же была "Подательницей Жизни" и "Учительницей человечества". Это были титулы, которых в более поздние эпохи стали желать монархи, и именно тогда атрибуты, принадлежащие этому Божеству, начали появляться в связи с королевской властью.

Нет ни одного древнего божества, с которым, по-видимому, было бы связано столько тайн, как ассирийский бог. Говоря о "великой неизвестности", окружающей этого Бога, мы уверены, что в настоящее время "нет средств определить точное значение клинописи Неа, которая является скорее вавилонской, чем ассирийской", но что она, несомненно, связана с арабским Нуа, которое, как говорят, означает "жизнь", или женское начало в творении. Это Божество является Богом "славы" и "даяния" - титулов, которые в ранние эпохи человеческого существования принадлежали Царице Небесной, Небесной Матери.

Предполагается, что изображение бога Амона или Амон-ра, которое заменило триединое Божество Кнефа, Сате и Анук в Фивах и от которого в Ассирии, несомненно, произошла троица Амон, Бел-Нимрод и Хеа, идентично греческому Зевсу, что означает солнце. Этот Бог представлен женской фигурой, сидящей на троне. Он увенчан двумя длинными перьями, а в правой руке изображен крест, эмблема жизни. Манефон, знаменитый египетский историк, заявляет, что имя этого Бога означает "скрытый".

Не может быть никаких сомнений в том, что титулы древнего Божества — Разрушителя или Возрождающего, или, другими словами, титулы Бога жизни, которые заключали в себе идею движущей силы всей Природы, со временем были присвоены правителями народа. Утверждается, что имя некоего египетского Бога впервые появляется в связи с королевской властью, что "его имя было заменено каким-то более ранним божеством, чьи иероглифы были вырезаны из памятников, чтобы освободить место для него".

Согласно свидетельству Роулинсона, Бог Хеа представлен великим змеем, который занимает видное место среди символов богов на черных камнях, запечатлевших вавилонские

благодаяния. Говорят, что эти плоские черные камни сами по себе символизируют женское начало в Божестве, в отличие от обелисков, которые изображают мужское начало, в то время как змея, по причинам, которые уже были объяснены, издавна появлялась в связи с фигурой женщины. В более поздних надписях "царь" повсюду присоединяется к имени Бога Хеа, и этот факт показывает, что титулы, приписываемые ей, были особенно желанными для членов королевской семьи. Поэтому мы не удивлены, обнаружив, что в надписи Сарданапала в Британском музее "встречается замечательная фраза, в которой царь принимает титулы Неа".

Среди ассирийских надписей фигурируют Бел-Нимрод, Хеа и Нин, или Бар. Принимая во внимание факты, которые стали известны относительно Неа, вполне вероятно, что триада Бел-Нимрод, Неа и Нин представляют троицу в виде отца, матери и ребенка. В надписях постоянно утверждается, что Нин был сыном или отпрыском Бел-Нимрода". Он появляется также как сын Хеа, однако тот факт, что Хеа должна быть представлена как женщина или как мать Нин и центральная фигура в троице, по-видимому, не был замечен теми, кто до сих пор занимался расшифровкой этих надписей. Представляя Хеа мужчиной, Нин предстает отпрыском двух отцов, в то время как он остается абсолютно без матери. Чтобы устранить эту трудность, была предпринята остроумная попытка объяснить его существование, заменив его собственную жену автором его существования. Хотя в многочисленных рассказах о Хи, которые я читал в поисках информации о ней, она всегда обозначалась как мужчина, все же из приведенных описаний я убедился, что первоначально это Божество было женщиной. Поэтому, получив экземпляр книги Форлонга "Реки жизни и веры человека во всех странах", я не был удивлен, обнаружив следующее:

"Хоа или Хеа, Ху наших кельтских предков, символом которой были щит и змея, почиталась вблизи рек и озер и, по возможности, на морском берегу, где ей предлагались такие эмблемы, как золотой сосуд, лодка, сундук или рыба, и тогда ее называли Белат Или (госпожа богов)".(76)

76) Том ii., с. 94.

Она была Богиней Воды. Об этом Форлонг говорит: "Вода, возможно, в большей степени, чем огонь, всегда использовалась как очиститель... Христиане всего лишь подражали древним в использовании Очищающей воды, которая в наши дни называется Святой водой и в которую следует свободно класть соль".

По словам Фрэнсиса Васкеса, племена сибола в Нью-Мексико не поклоняются ничему, кроме воды, считая ее главной опорой всего живого. Индуистская вера и греческая христианская церковь предписывают "поклонения, жертвоприношения и другие водные обряды, и поэтому мы обнаруживаем, что все православные священнослужители и преданные имеют много общего с реками, морями и колодцами, особенно в определенные годовые солнечные периоды".

Степень, в которой эти древние обряды все еще практикуются как неотъемлемая часть современных религиозных обрядов, не осознается теми, кто не уделял этому предмету особого внимания. С наступлением весны все слои россиян, от царя до самого простого крестьянина, отправляются со своим духовенством к Неве, где с торжественной помпой разбивают лед и водой, которая считается девственно чистой, окропляют головы царя, вельмож и других

высокопоставленных лиц. Ниже приводится отчет о поклонении Хеа, опубликованный не так давно в публичной прессе:

Была сформирована императорская и архиепископская процессия, состоящая, во-первых, из Верховного жреца империи во всех его самых роскошных одеяниях, двух церемониймейстеров, идущих задом наперед (вероятно, потому, что они не принадлежат к достаточно святому ордену), длинных двойных рядов облаченных в белые и золотые мантии людей, несущих священные факелы или свечи, поскольку Огонь должен присутствовать на каждой церемонии, будь то мужская или женская энергия, которой поклоняются. Вслед за этими религиозными обрядами прибыли все священные реликвии и фетиши Церкви, такие как священная чаша Майи для воды, все священные книги, кресты, знамена со священными эмблемами в определенном порядке, и, наконец, царь, смиренно и, как весь его народ, пешком, сопровождаемый толпами придворных. Все они направились к красивому павильону или киоску, воздвигнутому недалеко от кромки воды, когда митрополит Церкви благоговейно сделал надрез во льду и набрал немного воды в священную золотую чашу со странными приспособлениями. Стрельба из пушек сопровождала эти торжественные действия на всех их этапах, и куда бы ни двигалась похоронная процессия, она всегда делала это размеренной поступью, распевая священные стихи древнему Божеству нашей расы и окруженная всей военной помпой; в то время как в промежутках перезвон христианских колоколов и грохот ближних и отдаленных орудий добавляли торжественности этому водному зрелищу. После наполнения золотой чаши, которая, конечно же, олицетворяет землю и ее полноту, а в это время года - ожидаемый рост, Первосвященник возложил золотое распятие на девственную воду и благословил ее возвращение после зимней смерти, призывая драгоценную жидкость к весенней жизни и продуктивности, когда - о чудо! внезапно на сцене появляется святое дитя, напоминающее нам, что это повсюду результат "облатки жизни" во всем животном и растительном мире. Будха в саду Лувим, через который протекал святой ручей, и Христос у ручья в Вифлееме, более того, первая пара в саду четырех рек, — все это одна и та же идея - плодородия и созидания. Верховный русский Понтифик теперь медленно и торжественно наклонился и, взяв немного святой воды, приступил к окроплению весеннего младенца — Иисуса, шептали эти толпы, но древние говорили Гора. Затем священной жидкостью окропляли духовенство, царя и всех сановников и, наконец, священные эмблемы, знамена, оружие и т. Д. Мужчины и женщины, да, как мудрые, так и глупые, всех рангов, теперь вышли вперед и, преклонив колена, умоляли своего Патриарха окропить и благословить их. Наконец, великий царь смиренно и благоговейно поднес чашу к губам, а затем наполнил ее до краев множеством золотых монет, поскольку она все еще является живым представителем в девятнадцатом веке нашей эры "золотой ладьи" Хеа девятнадцатого века до нашей эры"(77)

77) Форлонг, Реки жизни, том ii., стр. 95.

Символом Нейт или Мут, Афины или Минервы, великого универсального женского принципа египтян, греков и римлян, были щит и змея. У кельтских друидов я нахожу, что Натх, египетская Нейт, "богиня мудрости и науки, символом которой были щит и змея, которой поклонялись древние ирландцы". Мужским богом, ассоциировавшимся с ней, был Нейт, и, по словам Хиггинса, он представлял "противоположность Нейт".

В "Реках жизни" наблюдается отсылка Лукиана к ассирийской богине Хеа. В примечании Форлонга говорится, что, без сомнения, Хеа - это то же самое, что Хайя или Науа. Другими словами, она представляет универсального гермафродита — творческий принцип всей Природы, которому первоначально поклонялись как женщине. Фактическое значение слова Хайя - "жизнь". В Древней Аравии оно применялось к группе родственников.

Преподобный мистер Дэвис придерживается мнения, что Ноз или Ной был тем же самым, что и Деон, и что оба были Ху или Хеа могущественными, чья колесница была запряжена солнечными лучами. Этот Бог на самом деле был таким же, как Зевс, Бахус и все остальные божества солнца и воды. Было замечено, что, согласно древним космогониям, в воде содержался жизненный принцип, и поскольку женщина руководила ею или была единственным присутствующим существом, она, должно быть, была самосущим Творцом. От этой женщины произошло все творение. Согласно рассказу в Книге Бытия, Дух Божий сошел с лица бездны и началось творение.

У всех народов вода использовалась как символ возрождения, и поскольку в ней содержалось начало всего сущего, она была женского рода. Индусы считают его священным, и в одной из их самых торжественных молитв к нему взывают так: Воды, матери миров, очисти нас!(78)

78) Цитируется Инманом из Colbrook, vol. i., стр. 85.

Несомненно, именно из этих древних рассуждений о начале вещей Фалес, милетский философ, почерпнул свое учение о том, что вода является изначальным принципом. У древних египтян и евреев по сей день существует обычай выливать всю воду, содержащуюся в любом сосуде в доме, где произошла смерть, из-за идеи, что как живое существо происходит из воды, так и оно выходит через воду. Следовательно, "пить или каким-либо образом использовать жидкость, в которой заключена жизнь человека, было бы тяжким преступлением".

Инман отмечает тот факт, что во всей ассирийской мифологии Бог воды Хеа ассоциируется с жизнью и со змеей. Хотя Роулинсон заявляет, что она скорее вавилонянка, чем ассирийка, не может ли она, принимая во внимание факты, касающиеся ее, быть не только вавилонянкой, но и египтянкой, индианкой, фригийкой, мексиканкой и всеми остальными?

Кажется, что в этом Божестве, которое изображается в сочетании со щитом и змеей, как Минерва, и которому поклоняются у воды — эмблема, которая является священной для нее, — и чьи титулы в точности соответствуют титулам Нейт или Кибелы, можно проследить остатки некогда универсального культа — культа, в котором женская энергия представляла Создателя.

Хотя и провозглашается, что "великая темнота окружает Бога Хеа", я думаю, никто, чей разум свободен от предрассудков и кто понимает значение ранней идеи бога и истинное значение символов, использовавшихся в более поздние эпохи для ее выражения, не может изучать мифы, связанные с этим Божеством, без немедленного признания ее тождества с великим женским Богом Природы, которому когда-то поклонялись все люди на земном шаре, но поклонение которому стало чувственным, чтобы удовлетворить извращенный вкус еще более развращенной эпохи — эпохи, в которой страсть составляла высшую идею Бога. .

Хотя змеиное Божество первоначально изображалось с головой женщины и телом змеи или рыбы, после завершения смены пола в идее бога, которая была отмечена на предыдущих

страницах, замечено, что эта фигура представлена головой мужчины и телом змеи. Хеа, великая богиня, для которой вода, изначальный принцип, священна и которая подозрительно связана с Ноем, жизненным принципом, появляющимся в конце цикла, изменила свой пол. Этот бог теперь является "Правителем морей", "Хозяином Спасательной лодки" (ковчега) и "Господом Земли". Ему принадлежит земля и вся ее полнота. Он - "Податель жизни", "Господь Саваоф", который впоследствии становится творцом неба и земли.

У Минервы, которая была первой эманацией Божества и дочерью Великой Матери Богов, теперь есть отец, но нет матери. Юпитер, которого со временем стали представлять как мужчину-Творца, произвел ее на свет из своей головы. Позже женщина возникает со стороны мужчины. Мужское начало, символизируемое змеей, стало "единственным и истинным Богом". Это Страсть — "Целительница народов" — великое "Я Есмь".

Ни один непредвзятый человек, внимательно следящий за результатами более поздних исследований и пытающийся разгадать тайны, окружающие древних богов, и значение символов поклонения, относящихся к древнейшим историческим временам, не упустит из виду попытки, которые предпринимались в более поздние эпохи, скрыть тот факт, что Божество, которому поклонялись в очень древние времена, было женского пола. Он также не преминет понаблюдать за способом действия, с помощью которого атрибуты прерогативы этого Божества были перенесены на мужчин — обычно обожествляемых монархов. После того как жречество и его аналог монархическое правление лишили людей всех их естественных прав, короли не только взяли на себя руководящие функции, но и присвоили себе символы, титулы и атрибуты двойного Божества. Правящий монарх становился не только светским правителем и священником, но фактически был самим Богом, женское начало скрывалось под удобными символами.

ГЛАВА VIII. ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ИДЕЯ ИЗРАИЛЯ О БОГЕ.

Под аллегориями и удобными символами скрывались не только религиозные доктрины, но и имена, имевшие религиозное значение.

Нам дают понять, что в Халдее и Ассирии каждому ребенку давал имя оракул или жрец, и что никому не приходило в голову менять имя, которое пришло к нему из этого небесного источника.⁽⁷⁹⁾

79) Инман, Древние веры, том i, стр. 3.

Инман в своей книге "Древние религии" обращает внимание на тот факт, что в Ветхом Завете царям, священникам, военачальникам и другим великим людям давались имена, каждое из

которых имело какое-либо религиозное значение; что это имя давалось человеку "при обрезании или вскоре после рождения".

В древних названиях так называемых шемитских рас детей называли только в честь бога, а иногда и в связи с каким-либо атрибутом. В особенности эти имена применялись к членам королевской семьи или выдающимся личностям; например, были даны имена, обозначающие Бога доброго, Бога справедливого или милосердного, Бога сильного, Бога-Воина и т.д.

Поскольку высшая концепция Творца была забыта, и поскольку человеческие существа, или, возможно, я должен сказать, их способность контролировать обстоятельства в сочетании со способностью воспроизводить или созидать, стали богом, они приняли титулы или имена Божества; следовательно, возможно, нет ничего удивительного в том, что в более поздние времена короли и герои были наделены всеми атрибутами богов.

Мы видели, что, согласно различным авторам, Ом или Амм был святым, произносить имя которого в Индии считалось святотатством. Это было вечное солнце, или Великая Мать. Поскольку это слово также означает "племя или народ", оно, по-видимому, также означает то, что связывает, удерживает или долговечно.

Как Ом или Амм означает Великую Мать, так и Ан или Он означает Великого Отца. Относительно слова Am-mon Инман пишет следующее:

"Ассоциация слов, обозначающих мать и отца, указывает на то, что именно к такому сочетанию мы должны отнести творческую силу. С таким андрогинным элементом древние мифологи ассоциировали солнце. Сам Юпитер иногда изображался как существо женского пола; и слово гермафродит само по себе означает союз Гермеса и Афродиты, мужской и женской созидательных сил. Из существования названий, подобных приведенным выше, мы можем справедливо заключить, что когда-то в Западной, как и в Восточной Азии, существовала сильная вражда между почитателями Он и Ам, лингачитами и йониджами, и что в конце концов они были частично объединены под властью Амона, как это было в других местах под властью Нево или Набхи Вишну".(80)

80) Древние веры, воплощенные в древних именах, том i, стр. 237.

Инман рассказывает, что однажды, когда его друг разговаривал с индусом очень высокой касты, тот случайно произнес это слово "Амм" или "Ом", после чего человек был поражен таким благоговейным страхом, что едва мог говорить, и голосом, почти полным ужаса, спросил, где его друг выучил это слово. Об этом слове Инман говорит:

"Для индусов это было непередаваемое имя Всемогущего, которое никто не осмеливался произносить иначе, как с величайшей религиозной торжественностью. И здесь позвольте мне сделать паузу, чтобы отметить, что евреи в равной степени благоговели перед именем, принадлежащим Всевышнему, и что третья заповедь была очень буквальной в своем значении".

Тот же автор отмечает, что и в Тибете, где среди лам существует культ, почти идентичный по церемонии и доктрине культу римских папистов, имя Ом все еще свято.

Иав евреев почитался в равной степени, но на более позднем этапе своей карьеры они, похоже, потеряли из виду его истинное значение.

Согласно свидетельству Инмана и других исследователей-этимологов, истинное значение псевдонима Джейкоб - это женское начало.

Различные авторы полагают, что история Иакова и Исав, рассказанная в Книге Бытия, имеет как эзотерическое, так и экзотерическое значение — что Иаков имеет отношение к женской созидательной энергии во всей Природе, или, скорее, к огромной массе людей, которые на заре человеческой расы верили в первостепенную важность женщины в процессе воспроизводства, и что Исав означает мужчину. Обращает на себя внимание тот факт, что Исав представлен как "волосатый" мужчина с грубым голосом и легко поддающийся обольщению, в то время как Иаков, с другой стороны, гладколицый, с мягким голосом и любимец своей матери.

В этом мифе действительно много такого, что, по-видимому, указывает на то, что это аллегория, под которой скрываются определенные факты, связанные с борьбой между двумя ранними соперничающими сектами по поводу относительной важности полов в размножении. Об этом Инман говорит:

"У меня сложилось впечатление, что Исав, или Эдом, Иаков - мистические имена для мужчины и женщины, и что вокруг них историки сплели паутину фантазии; что в конечном итоге было признано прозвище Иаков, и что для того, чтобы позволить еврейскому народу вести свое происхождение от мужчины, а не от женщины, название Израиль было заменено в более поздних произведениях".(81)

81) Древние веры, том i, стр. 607.

Поскольку большинство мифов или аллегорий в Книге Бытия в настоящее время восходят к источнику, гораздо более отдаленному, чем начало подлинной еврейской истории, вполне разумно предположить, что и эта история была скопирована евреями из традиций более ранних рас; также, когда мы вспоминаем истинное значение псевдонима Иаков, что всю историю следует рассматривать как попытку изложить определенные факты, связанные с великим физиологическим или религиозным конфликтом между полами.

Значение идов, которым поклонялись Иаков и его семья, доподлинно неизвестно, но некоторые авторы полагают, что Серафимы и Терафимы были обычными образами, которые использовались для представления мужской и женской энергий. "Тогда Иаков сказал своим домочадцам и всем, кто был с ним: уберите чужих богов, которые среди вас". Ссылаясь на этот отрывок, Инман в примечании говорит:

"Критик мог бы справедливо сказать, глядя на Бытие xxxv., 2: "Отбросьте странных богов, которые среди вас", что были изображения Бога, которые не были странными, и что в те ранние времена в образах были ортодоксальность и неортодоксальность, как и сейчас. В древние времена эмблема животворящей энергии была ортодоксальной эмблемой; теперь это ужас, и его место занимает образ смерти. Из контекста мы делаем вывод, что боги Лавана были ортодоксальными".

Таким же, должно быть, был и каменный столб, установленный Иаковом в Вефиле (месте солнца). Из изучения подобных камней, примеры которых можно найти почти в каждой стране земного шара, известно, что они представляют мужскую энергию, и из всех фактов, связанных с историей о богах Лавана, вероятно, что они были символами этой силы. Тогда мы можем предположить, что "странные боги", неортодоксальные боги, которых Иаков приказал убрать, были теми, кто представлял женскую энергию.

Кажется странным, что любой человек может изучать историю Исхода израильтян в свете более поздних достижений библейских исследований, не признавая того факта, что "Господом", который вывел детей Израиля из египетского рабства, была мужская сила, которая определенной сектой была провозглашена единственной реальной творческой силой и, следовательно, "единственным и истинным Богом".

Хотя во времена, когда, как говорят, жил Авраам, знание об абстрактном двойственном или триедином Боге все еще сохранялось, тем не менее, в течение пятисот лет, прошедших до времен Моисея, возобладало самое грубое идолопоклонство. Несмотря на тот факт, что Моисей многому научился у египтян, он, по-видимому, не поднялся выше очень грубого представления о божестве. Его бог поочередно был злым, ревнивым, мстительным, колеблющимся и слабым. Фактически он был воплощением человеческих страстей и желаний. Мы видели, что третье лицо в древней Троице было признано в Египте, Индии и Персии вместо трех принципов, которым первоначально поклонялись, — что, поскольку оно действительно воплощало сущность двух других, о Создателе и Хранителе было мало слышно. Несомненно, именно этому Богу Моисей хотел, чтобы израильтяне поклонялись, но поскольку они были неспособны постичь абстрактный принцип, он наделил его личностью, которая, как мы видели, была отягощена слабостями, общими для них самих.

Как Возрождающий или Разрушитель олицетворял процессы Природы — угасание солнечных лучей ночью только для того, чтобы вновь появиться на следующий день, и лишение их тепла зимой только для того, чтобы обновиться весной, — так и этот Бог изображал также благодетельного Создателя и Хранителя всего сущего, в то же время он был Разрушителем. Она воплощала фундаментальную идею всех религий, а именно жизнь и плодородие. Точно так же "Господь" израильтян олицетворял репродуктивную энергию, но поскольку мужчина, будучи духом, стал Создателем потомства, в то время как женщина была всего лишь материей, обеспечивающей тело, этот "Господь" был мужчиной. С ним не было связано ни малейшего намека на женскую природу или принцип, за исключением ковчега или сундука, в котором его носили. Для тех, кто знаком со значением древних религиозных символов, очевиден тот факт, что "Господь" израильтян, которого они несли в своем путешествии в Ханаан в ковчеге или сундуке и который символизировался вертикально стоящим камнем, был не кем иным, как "Жизнедателем" в самом практическом смысле. Это был символ мужественности, и, судя по имеющимся в настоящее время фактам, почти нет сомнений в том, что вся духовность, которой мы наделили этого "Господа", была запоздалой и не входила в веру евреев до их контакта с персами во время вавилонского пленения.

Несомненно, история, в которой излагается их путешествие в Ханаан, имеет как эзотерическое, так и экзотерическое значение для веков, известных только священникам, и что в ней воплощена не только часть истинной истории этого народа, но и рассказ об их борьбе против более древней религии. В это время израильтяне практически приступили к исключению

женского начала из своей идеи бога и начали поклоняться мужскому элементу, женское начало было представлено ковчегом, сундуком или шкатулкой. Этот ковчег, как вместилище бога, все еще был святыней.

Не только среди израильтян, но и среди других народов Востока мы обнаруживаем, что почитатели бога мужского пола начинают занимать позицию, совершенно независимую от верований их отцов. В это время начинают возводиться огромные башни или колонны в честь этого божества, которое изображается как "Бог Жизни" или как "Господь Саваоф". Несмотря на тот факт, что история Исхода содержит много исторической правды, вполне вероятно, что священники использовали ее, как и историю о потопе, чтобы скрыть свои религиозные доктрины.

Во времена Исхода израильтяне были невежественными племенами без законов и письменности, а в Египте были слугами самого низкого пошиба. Следовательно, законы, записанные на двух каменных скрижалях и которые, как утверждается, были разработаны во время их странствий по Синайской пустыне для руководства этими неграмотными рабами, показывают желание священников более поздних времен наделить "избранный народ" знаками просвещения.

Относительно характера бога, которому они поклонялись, у нас есть достаточно доказательств в Ветхом Завете. Очевидно, что во времена своего египетского рабства евреи стали самыми грубыми поклонниками фаллиса, преклоняясь перед символами зарождения, не задумываясь об их прежнем значении как чистых символов созидательной силы смертных.

Несомненно, следует помнить тот факт, что среди евреев быть бесплодным было величайшим проклятием, и что главной наградой, обещанной верующим, была плодovitость тела. Сутью этого божества был жар или страсть, а его эмблемой была змея или стоящий вертикально камень. Было замечено, что когда этот "Господь" был наделен личностью, он был подвержен всем слабостям своих последователей. Его главной и наиболее выразительной чертой, однако, была ревность к другим богам, и большинство проклятий, обрушившихся на избранный народ, были направлены против поклонения богам окружающих народов, тем, которым изначально поклонялись израильтяне.

Считается, что та часть Десятисловия, которая относится к ревнивому богу, полностью принадлежит евреям, или израильтянам, которые были потомками Иакова. Более древние народы, среди которых был древний род евреев, ничего не знали о ревнивом боге. Несмотря на то, что Бог евреев явился и разговаривал лицом к лицу с Моисеем, что он показал ему части своего тела и что он прогремел свой закон перед этим народом с горы Синай, они все равно постоянно впадали в поклонение Ваалу и Аштароту, и этот факт показывает, насколько глубоко укоренилась вера в двойственного или триединого Бога. Очевидно, что этот "Господь", яростный гнев которого возгорелся из-за их отступлений, был не кем иным, как ревновым богом мужского пола, который лишь недавно был возведен в достоинство верховного Творца.

Хотя ангел Господень, когда он спустился из Галгала, повелел своим последователям "разрушить жертвенники народа Бохима", они, тем не менее, продолжали творить зло в очах Господа, и

"последовали за другими богами, за богами людей, которые были вокруг них, и привязались к ним, и вызвали гнев Господа.

"И они оставили Господа и служили Ваалу и Аштароф. И возгорелся гнев Господень на Израиля".(82)

82) Судьи ii., 12, 13.

"И обратился Самуил ко всему дому Израилеву, говоря: если вы обратитесь к Господу всем сердцем вашим, то отвергните чужеземных богов и Аштароф из среды вас и приготовьте сердца ваши к Господу и служите только Ему; и Он избавит вас от руки филистимлян.

"Тогда сыны Израилевы изгнали Ваалим и Аштарот и служили только Господу".(83)

83) Первая Царств vii., 3,4.

Крайняя ненависть раскольнической фракции к противоположному богослужению и наказания, которым подвергались те, кто осмеливался восстать против избранной веры, проявляются в формулировках, которые на протяжении всего Ветхого Завета вкладываются в уста их Господа — Божества, которое наслаждается титулом ревнивого Бога.

"Если брат твой, сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, или жена груди твоей, или друг твой, который подобен душе твоей, соблазняет тебя тайно, говоря: пойдем и будем служить другим богам, которых не знали ни ты, ни отцы твои,

А именно, о богах людей, которые вокруг тебя, близко к тебе или далеко от тебя, от одного конца земли даже до другого конца земли;

"Не соглашайся с ним и не внимай Ему; и око твое не пожалеет его, и ты не пощадишь и не скроешь его;

"Но ты непременно убьешь его; сначала твоя рука будет на нем, чтобы предать его смерти, а потом рука всего народа.

"И побей его камнями, чтобы он умер; за то, что он искал оттолкнуть тебя от Господа, Бога твоего, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства.

"И услышит весь Израиль, и убоится, и не будет больше делать такого нечестия, какое есть среди вас".(84)

84) Второзаконие xiii.

Постоянно повторяющееся неверие евреев, их неугомонность и склонность отходить от своего единого принципа божества, которому они поклонялись их священниками, несомненно, были бессознательной попыткой со стороны народа смягчить оскорбление, совершенное против их Создателя. Это было всего лишь обращение к тому утраченному или непризнанному элементу, который заключает в себе более существенную силу как в человеческих существах, так и в концепции божества. Другими словами, это была попытка распознать в объектах поклонения

тот недостающий женский элемент, которому всегда поклонялись и без которого Создатель становится неправильным названием — бессмысленным, необъяснимым чудовищем.

Когда евреи впервые появляются в истории, они поклоняются солнцу, как и все народы, которые их окружают. Они поклоняются Сету Разрушителю и Возрождающему; но когда философские истины, лежащие в основе древней универсальной религии, были забыты, или когда по незнанию язык, излагающий эти тайны, был понят буквально, Сет стал отождествляться с Разрушителем, или Злым Принципом. Тем временем мужчина стал считать себя единственным творцом потомства. Он - дух, который вечен; женщина - материя, которая не только разрушаема, но и вообще зла. Он - тепло или страсть — принцип, благодаря которому возникает жизнь. Она олицетворяет отсутствие тепла. Она - дух пустыни и холодный ветер, который разрушает.

То, что в их планы не входило менять свою первоначальную форму поклонения на духовную концепцию Творца, очевидно из их истории. Напротив, ясно, что они хотели просто исключить из существовавшей до сих пор двойственной концепции божества женское начало, которое из-за их высокомерия и из-за перемен, произошедших в отношениях полов, они больше не признавали важным в деле воспроизводства.

Совершенно верно, что они поклонялись только одному богу — "Господу", — но этот господь был, как мы видели, божеством физической силы и мужественной мощи, "Господом Саваофа", богом, которому следовало поклоняться под символом вертикального камня — предмета, который у всех народов земного шара вплоть до сравнительно недавнего времени олицетворял мужскую созидательную энергию. То, что массы людей, даже во времена Иеремии, не имели более высокого представления о Боге, чем то, на которое указывает прямой камень, показано этим пророком, когда он обвиняет весь дом Израилев, "царей их, князей их, священников их и пророков их", в том, что они "сказали стаду: Ты отец мой; и камню: Ты произвел меня на свет".

То, что людей нельзя было или не захотели убедить отречься от Царицы Небесной, Небесной Матери, видно из Иер. vii., 17, 18:

"Разве ты не видишь, что они делают в городах Иудеи и на улицах Иерусалима? Дети собирают дрова, отцы разжигают огонь, а женщины месят тесто, чтобы испечь лепешки царице небесной и совершить возлияния другим богам".

Также у Иеремии xlv:

"Тогда все мужчины, которые знали, что их жены кадили другим богам, и все женщины, стоявшие рядом, великое множество, даже весь народ, живший в земле Египетской, в Патросе, отвечали Иеремии, говоря: что касается слова, которое ты сказал нам во имя Господа, мы не послушаем тебя.

"Но мы непременно будем делать все, что исходит из наших собственных уст, воскуривать благовония царице небесной и возливать ей возлияния, как мы делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши, в городах Иудеи и на улицах Иерусалима; ибо тогда у нас было вдоволь пищи, и мы были здоровы, и не видели зла.

"Но с тех пор, как мы перестали воскуривать благовония царице небесной и возливать ей возлияния, мы нуждались во всем и были истреблены мечом и голодом.

"И когда мы воскуривали благовония царице небесной и возносили ей возлияния, делали ли мы ей лепешки, чтобы поклоняться ей, и возносили ли ей возлияния без наших людей?"

То, что вышесказанное представляет собой ссору, в ходе которой женщины Иудеи открыто восстали против поклонения "Господу", в то же время заявляя о своей верности женскому Божеству, Небесной Матери, Царице Небесной, слишком очевидно, проклятие, произнесенное над ними Иеремией во имя Господа, мало повлияло на них, чтобы изменить их намерения.

"Итак, слушайте слово Господне, все Иудеи, живущие в земле Египетской; вот, я поклялся моим великим именем, говорит Господь, что Мое имя больше не будет произноситься устами ни одного человека из Иудеи во всей земле Египетской, говорящего: "Жив Господь Бог".

"Вот, Я буду охранять их от зла, а не от добра; и все мужи Иудины, которые в земле Египетской, будут истреблены мечом и голодом, доколе не будет им конца".

ГЛАВА IX. ФИНИКИЙСКИЙ И ЕВРЕЙСКИЙ БОГ СЕТ ИЛИ СИФ.

Имя одного из древнейших божеств, о котором у нас есть какие-либо записи, - Сет (финикийский) или Сет (ивритский). Следы этого Бога встречаются во всех восточных странах; и в самых примитивных религиях, традиции которых все еще сохранились, он (или она) предстает как верховный Бог. После покорения Египта чужеземными царями и последующего введения в стране сабианства двойная творческая сила, пребывающая в солнце, представлена Сетом. Нам говорят, что Сет означает "назначенный или посаженный на место убитого Авеля".

Что с этим предметом связана какая-то глубокая тайна, никто из тех, кто внимательно его изучал, не может не заметить.

Согласно истории сотворения мира, изложенной в иеговистском повествовании, в субботу вечером, после того как Бог закончил свою работу и сразу же после того, как он повелел Адаму "плодиться", он вручает ему посох, который, как мы видим, был передан Еноху и всем патриархам. Здесь тайна становится еще более загадочной, поскольку утверждается, что этот посох был подарен Сету и что это была ветвь Древа Жизни.

То, что за этой аллегорией скрывается соперничество или, возможно, компромисс между приверженцами двух различных сект, кажется вполне вероятным. То, что Алейм передал эту ветвь Древа Жизни сначала Адаму, или человеку, и ее последующая передача Сету, Богу Природы, Разрушителю или Возрождающему, по-видимому, указывает на победу приверженцев более чистой религии. Переводчик Каллимаха говорит: "Образованному читателю хорошо известно, что потомки Каина названы в Писании сынами человеческими, или Адамом; потомки Сифа - сынами Божьими". Быт. vi., 2.(85) У Юлия Африканского говорится, что

все праведники и патриархи вплоть до самого Спасителя произошли от Сифа и были названы сынами Божиими в отличие от сынов человеческих.

85) Форлонг, Реки жизни, том i, стр. 527.

Несомненно, в то время, на которое указывает передача творческой воли от Алейма к Адаму, поклонение абстрактному принципу или Троице, состоящей из сил Природы, теряло свою власть над умами людей, и творческая сила, или репродуктивная энергия в человеческих существах, быстро занимала место более древнего Божества. Забыв об этих высших принципах, Адам, или человек, стал Творцом.

Не исключено, что термины Адам, Каин, Авель и Сиф имеют эзотерическое значение, которое веками было известно только священникам. Исходя из различных фактов, которые в более поздние времена выдвигаются относительно древних мифов Книги Бытия, считается, что эти названия первоначально обозначали расы людей, и что впоследствии к ним стали присоединяться определенные религиозные доктрины. Приношение плодов Каином, старшим братом, который был земледельцем, и мяса Авелем, который был пастухом овец, указывает на ссору, закончившуюся смертью последнего. После смерти Авеля или после того, как один из этих принципов или сект был подавлен, старая религия была возрождена, и Сет как алейм, или как созидательная сила внутри солнца, был "назначен" или ему снова поклонялись.

Казалось бы, Сет был назначен представлять третье лицо в древней Троице — Разрушителя или Возрождающего, который ранее пришел, чтобы воплотить все силы Создателя и Хранителя. Был замечен факт, что очень древние философы верили, что материя вечна, следовательно, кажущаяся смерть, или разрушение, была необходима для возобновления жизни или возрождения. Другими словами, творение было всего лишь непрерывным изменением формы материи.

О доктринах сифиан, существовавших на заре христианства, Ипполит говорит, что их система "составлена из догматов натурфилософов. Эти принципы охватывают веру в Вечный Логос — Тьму, Туман и Бурю". Впоследствии эти элементы стали отождествляться со Злым Началом, или Дьяволом. Зимний холод, ночная тьма и вода, наконец, были представлены как Троица. Относительно холода, темноты и воды, или темноты, тумана и бури, Ипполит замечает:

"Таковы, по словам Сифианина, три принципа нашей системы; или когда он утверждает, что в раю родились трое — Адам, Ева, змей; или когда он говорит о трех личностях, а именно: Каине, Авеле, Сифе, и снова о трех других, Симе, Хаме, Иафете; или когда он упоминает трех патриархов — Авраама, Исаака, Иакова; или когда он говорит о трех днях до восхода солнца и т.д."

Тот же автор говорит, что вся их система восходит к древним; что до элевсинских мистерий они разыгрывали церемонии, связанные с поклонением Великой Матери.(86)

86) Ипполит, "Опровержение всех ересей", книга v, гл. 15.

Мы заметили, что благодаря какому-то процессу, не до конца понятному в настоящее время, приверженцам более древней веры удалось восстановить свое Божество. Силы Природы стали

олицетворяются Тифоном Сетом. Это был Бог Смерти и Жизни, Разрушения и Возрождения. Сет был символом пустыни и зимнего холода, как и добродушная сила Весны. Различные авторы сообщают нам, что Тифон Сет был женского рода. Она была древним Богом евреев. Другими словами, раньше евреи поклонялись женскому Божеству. Иегова, Иав, изначально был женщиной.

Хотя тайный смысл всех аллегорий, содержащихся в Ветхом Завете, до конца не понят, все же вера в то, что Каин, Авель и Сиф представляли собой само-тройственное Божество в то время, когда идея человека как творца была принята, или когда его способность к воспроизводству становилась высшей идеей творческой силы, согласуется с тем, что известно о еврейской каббале или об эзотерическом значении еврейских писаний, ранее известных только священникам. Другими словами, древние доктрины, истинный смысл которых они больше не понимали, были сведены воедино в качестве основы для более позднего развития еврейского религиозного опыта.

Мы видели, что через шестьсот лет после Адама появляется Ной, еще один утроившийся Спаситель или хранительница человека, со своим ковчегом или сосудом для семени, под которым скрыто женское начало. Впоследствии Авраам становится Великим Отцом или Спасителем, а позже и Моисеем. То, что во времена последнего более древнее поклонение созидательной силе Природы, представленной алеймами, было полностью утрачено народными массами, очевидно из писаний Ветхого Завета. Поклонение Отцу, мужской силе, в противоположность поклонению Матери, или женской силе, составляло религию Моисея. В религии евреев Иегова стал рассматриваться как полностью мужчина и как дух, в то время как Эдам (в переводе "стремящийся вниз"), женское начало, был материей, или женщиной, которая в конце концов стала отождествляться с дьяволом.

Философская доктрина о том, что дух развивается через материю, или что материя должна быть доведена до определенной динамической силы, прежде чем дух сможет проявить себя через нее, больше не понималась; остались только оболочки этой доктрины — мифы и символы поклонения природе; они были восприняты буквально, и таким образом религия человека была приспособлена к его низкому положению.

Когда мужчина настолько возобладавал над женщиной, что стал утверждать, что он является единственным Творцом их совместного потомства, он больше не был земным, но сразу же стал дитя небес. Однако он был привязан к земле своей связью с материей или с женщиной, от которой он не мог освободиться. "Сыны Божьи" были соединены "с дочерьми человеческими". Яхве, "Богу воинств", который был мстительным, слабым, ревнивым и жестоким, поклонялись вместо Алейма, великой двойной силы во всей Природе. Эфирная, духовная мужская сущность пребывала где-то на небесах и была создана издалека, в то время как земля (женщина) давала только тело или материальную субстанцию.

В истории бога Сета можно найти ключ к пониманию того, каким образом возвышенные и философские доктрины древних, после того как их истинное значение было забыто, в конце концов были изменены так, чтобы соответствовать вынужденному унижению и деградации женщин.

Сету, или Тифону, веками поклонялись по всему Египту, и поскольку она постигала силы Природы, или творческую энергию, пребывающую в солнце и земле, мало что слышно о каком-

либо другом боге. Странно, однако, что Сету поклоняются больше как Разрушителю, чем как Возрождающему. Как только мы поймем происхождение и характер Дьявола, и как только мы избавимся от ложных представлений, которые в состоянии невежества и грубой чувственности стали преобладать относительно "сил тьмы", мы поймем, что его (или ее) сатанинское величество когда-то было очень уважаемой личностью и могущественным Божеством — Божеством, которому поклонялись люди, чей высший интеллект едва ли может быть подвергнут сомнению. По этому поводу Хиггинс замечает:

Люди, которые не уделяли особого внимания этим предметам, будут склонны удивляться, что можно найти людей, поклоняющихся злему принципу; но они не учитывают, что во всех этих непонятных системах злой принцип, или Разрушитель, или Повелитель Смерти, был в то же время Возрождающим. Он мог не разрушать, а воспроизводить, и, вероятно, только после того, как этот принцип начал забываться, возникло злое существо как таковое; ибо у некоторых народов этот эффект, по-видимому, имел место. Таким образом, Баал-Зебуб на иберно-кельтском означает "Владыка Баал", а Заб-Смерть - "Повелитель смерти"; но его также называют Алеймом, то же самое, что и Бога израильтян; и это правильно, потому что он был одним из Тримурти, или Троицы.

"Если я прав относительно того, что слово "Алейм" женского рода, мы здесь видим Владычицу Смерти женского рода; но Богиню Аштарот или Астарту, Богиню германцев, также звали Алейм. Здесь снова слово "Алейм" женского рода, что показывает, что я прав, делая слово "Алейм" множественным числом женского рода. Таким образом, мы отчетливо обнаружили Алейма-Творца (Быт. i., 1), Алейма -Хранителя и Алейма -Разрушителя, и это не умозаключением, а выражено буквально".(87)

87) Анакалипсис, глава ii, стр. 66.

В какой-то период своей истории евреи поклонялись Аштароту и Ваалу, которые вместе представляли великого Алейма, неделимого Бога, но после того, как израильтяне выбрали поклонение мужскому началу как независимому божеству или как единственному важному действующему лицу в творческих процессах, поскольку Ваал не мог быть представлен отдельно от своего двойника Аштарота, ему больше не поклонялись, но он стал олицетворять нечто, "приближающееся к дьяволу". Форлонг обратил внимание на тот факт, что, хотя на иврите Ваал мужского рода, в греческих переводах он женского рода как в Ветхом, так и в Новом Заветах.(88)

88) Форлонг, Реки жизни, стр. 223.

Иегова изначально был женщиной, поэтому Нетпе также была Святым Духом Египетского Древа Жизни. Нам дают понять, что Нетпе была тем же самым, что и Рея, партнерша Сева или Сатурна, и что ее иероглифическое имя было "Бездна Небес". Осирис был сыном этой богини, которая на самом деле была Май или Марией, Небесной Матерью, он был единственным Богом египтян, который родился на этой земле и жил среди людей. Об этом Форлонг замечает: "Местом его рождения была гора Синай; египтяне называли ее Ниса, отсюда его греческое имя Дионис".

Как Пальма была первым подношением Матери-Земли своим детям, так и Осирис был первым отпрыском египетской Небесной Девы для человечества. Он был новым солнцем, которое в течение зимних месяцев было "погребено", но со временем поднялось, чтобы порадовать всю

землю. Он также был новым Солнцем Праведности, которое должно было обновить мир или искупить человечество от греха.

Женское начало на время изгнано из Божества, Осирис, мужской элемент, теперь внешне занимает положение верховного Бога. Однако перенимание абсурда, столь противоположного всем устоявшимся представлениям о созидательной силе в Природе и в человеке, было оставлено для более поздней и более чувственной эпохи. Сет, Разрушитель, был свергнут, но идея женщины-Творца так глубоко укоренилась в человеческом сознании, что Исида, Царица Небес, несколько более низкое представление о Мут, или всеобщей женственности, вскоре заняла место Сета рядом с Осирисом. Позже в истории Египта, когда богов стало значительно больше, а первоначальное значение божества затемнилось, Гор, дитя и третий член более поздней египетской триады, нередко появляется на ее месте как один из восьми великих богов.

Замечен факт, что история Осириса - это не только "история годовичного круга, или солнца, угасающего и возрождающегося снова, но это также история цикла 600". Было сказано, что из составных элементов его иероглифического имени Исида является первым и что имя Осирис на самом деле означает "Око Исиды".

Согласно Плутарху, Исида и Мут идентичны, но из имеющихся свидетельств ясно, что Мут постигает божественную женственность, или женский принцип, как он рассматривался на более ранней стадии развития человека. Мут - это не только прародительница солнца, или сила, которая производит солнце, но она также является Мудростью, первой эманацией Божества, в то же время она постигает все возможности Природы. Исида, по-видимому, олицетворяет Божество в то время, когда высшие истины, известные более древним людям, начали терять свою власть над расой.

Ренуф сообщает нам, что слово Маат, или Мут, означает Закон, "не в том судебном смысле приказа, отданного либо человеческой суверенной властью, либо божественным законодателем, подобно законам евреев, но в смысле того безошибочного порядка, который управляет вселенной, будь то в ее физическом или моральном аспекте". (89) Тот же автор далее отмечает, что Маат "называют владычицей Небес, правительницей земли и президентом нижнего мира", и в дальнейшем описании концепции, воплощенной в этом Божестве, ссылаются на тот факт, что, будучи матерью солнца, она также является первой эманацией Бога.

89) Религия Древнего Египта, стр. 126.

Хотя Тифону Сету долгое время поклонялись как единственному Божеству в Египте, в более поздние века идея бога была представлена Сетом и Осирисом. Ближе к концу правления Тифона Сета Гор, дитя, молодое солнце, был представлен "поднимающимся из своего укрытия, привлекающим благотворные испарения, чтобы вернуть их обратно в виде росы, которую египтяне называли слезами Исиды".

Сет и Осирис представляют собой разделение Божества. Осирис, как солнце, олицетворяет тепло; как человек или как бог, он олицетворяет желание. Сет или Тифон означает зимний холод, симум пустыни или "дующий ветер". Сет, Осирис и Гор составляют Троицу, Великой Матерью Которой является Мут. Наконец, с постепенным усилением мужского влияния и власти наблюдается, что Сет появляется как брат Осириса.

По мнению Бунзена, фундаментальной идеей Осириса и Сета было "не просто прославление солнца, но также поклонение примитивной созидательной силе". (90) Но, поскольку в Египте созидательная сила рассматривалась как женская, так и мужская, причем преобладала первая, этот факт сам по себе, по-видимому, определяет пол и положение Сета.

90) История Египта, том iv., стр. 319.

В представлениях о Сете и Осирисе можно проследить кое-что о том, каким образом оплодотворяющие силы солнца и репродуктивная сила в человеческих существах были смешаны и им вместе поклонялись как Божеству; в то время как в истории этих богов следует проследить некоторые процессы, посредством которых представление о Создателе изменилось с женского на мужское.

Во всех странах на определенном этапе истории религии можно наблюдать передачу женской обожествленной силы смертному мужчине. В попытке превратить Сета или Тифона в Бога мужского пола можно отметить, возможно, первую попытку в Египте свергнуть с престола или уменьшить женскую силу в идее бога.

Кажется очевидным тот факт, что Великий Тифон Сет, или Сет, который наделил правителей восемнадцатой и девятнадцатой династий Египта "символами жизни и могущества", был не кем иным, как примитивным Восстановителем или Разрушителем, которому веками поклонялись как Богу Природы Алейму, или животворящей энергии во всей вселенной.

Мы заметили, что, когда глубокие принципы, лежащие в основе самых древних доктрин, были утрачены или забыты, и когда из-за упадка философии и из-за стимулирования чувственного в человеческой природе человечество утратило способность абстрактно рассуждать, Разрушение, которое символизировалось темнотой или отсутствием солнечных лучей, в конце концов стало принципом зла, или дьяволом. Тьма и холод, которым раньше поклонялись как силам, породившим солнце, или как матери солнца, со временем превратились в силу, которая вечно воюет с добром и которая постоянно разрушает то, что порождает последнее.

Форлонг сообщает нам, что "некоторые выводят наш термин Дьявол из Niphl или Nevil, ветра, который раздувает или препятствует росту кукурузы; и иногда его писали как "зло", то есть D'evil или Дьявол".

Именно "эта дуалистическая ересь отделила зендскую, или персидскую, ветвь ариев от их ведических собратьев и вынудила их эмигрировать на запад".(91)

91) См. Роулинсон, Заметки о ранней истории Вавилона.

Древняя философская истина о том, что материя вечна и что уничтожение растительной жизни под действием холода было одним из необходимых процессов повторного зарождения, или обновления жизни, очевидно, была упущена из виду в то время, когда Сет был свергнут с трона в Египте. Уилкинсон сообщает нам, что "и Сету, и Осирису поклонялись до тех пор, пока в отношении Сета не произошли изменения, вызванные, по-видимому, иностранным влиянием". Сети или Сетос, правитель, чье правление олицетворяет августовскую эпоху египетского великолепия, получил свое имя в честь этого Божества. Говорят, что во времена двадцатой

династии Сет внезапно стал изображаться как принцип зла, "с которым связан грех". В результате все изображения этой великой Богини были уничтожены, а все ее имена и надписи, "до которых можно было добраться", стерты.

Бунзен сообщает нам, что Шеллинг, изучавший египетскую мифологию, хотя и был совершенно незнаком с более поздними историческими фактами, которые были получены с помощью иероглифических памятников, пришел к выводу, что Сет занимал важное положение в Божестве вплоть до четырнадцатого века до н.э. "Шеллинг был вынужден на чисто умозрительных основаниях выдвинуть в качестве постулата, что Тифон в какой-то ранний период рассматривался египтянами как благодетельный и могущественный Бог".

Уилкинсон говорит, что характер, данный Сету, которого называли Баал-Сетом и Богом язычников, "объясняется тем, что он был причиной зла". Нас уверяют, что раньше "Великий змей Син", или гигант Апофис, отличался от Сета, который был божеством и частью божественной системы. Но после того, как непонятные принципы, лежащие в основе поклонения солнцу, были утрачены или забыты; когда холод и тьма, или исчезновение солнечных лучей, которые необходимы для повторного появления света и тепла, стали рассматриваться как разрушительный элемент, или злой принцип, женщина стала отождествляться с этим принципом. Она была порождением зла и стала представляться в связи со змеем как причиной всех земных или материальных вещей. Она - Разрушение, но не Возрождение. На самом деле она - материя. Зимний холод и ночная тьма, которые необходимы для возвращения солнечного тепла и которые раньше считались благодетельной матерью, рождающей солнце, стали всего лишь злым началом — тем, что затемняет свет. Фактически, темнота или отсутствие солнечного тепла стали дьяволом. Это "причина зла в мире".

Когда женщина была ослеплена суевериями, когда были оскорблены все инстинкты женской природы и когда ее положение центральной фигуры Божества и семьи было узурпировано, ее храмы вскоре были осквернены, ее изображения осквернены, а титулы, олицетворяющие ее былое величие, перешли к мужчинам.

Нет никаких сомнений, что эта доктрина стала законным результатом упадка женского влияния. Благодаря дальнейшему стимулированию низшей природы человека его абсурдность постепенно возрастала, пока при системе, называющей себя христианской, она, наконец, не достигла своего расцвета. Эта тема будет затронута позже на этих страницах.

Когда мы вспоминаем, что первоначальное изображение Божества у народов земли состояло из женской фигуры, обнимающей ребенка, и когда мы замечаем, что впоследствии в развитии идеи бога женщина оказывается связанной со змеей как причиной зла в мире, история Бога Сета, который, как мы видели, олицетворял процессы Природы, а именно Разрушение и Возрождение, кажется весьма важной, поскольку указывает на некоторые из реальных процессов, связанных с этим изменением.

Не может быть никаких сомнений в том, что факты, относящиеся к этому Божеству, указывают на источник, из которого возникла великая теологическая догма, лежащая в основе христианства, о том, что женщина является причиной зла в мире.

ГЛАВА X. ДРЕВНИЕ РАССУЖДЕНИЯ О СОТВОРЕНИИ МИРА.

"Дочери Юпитера, приветствую вас! но, о, вдохновите меня на прекрасную песню! священная раса провозглашает О вечно живых богах, которые произошли с Земли, С усыпанного звездами Неба и из мрачной Ночи, И которых соленая Бездна питала к жизни. Объявите, как впервые возникли боги и Земля; Реки и неизмеримое море, бушующее в своей пене; сверкающие звезды, широкое надвигающееся Небо; и кто из этих божеств возник, раздавая добро; Скажите, как распределялись их сокровища, как их почести каждому; как сначала они обитали На многоглавом Олимпе: - это объявите, вы, Музы! обитатели небесной горы С самого начала; скажи, кто возник первым? Сначала был Хаос: следующая пышногрудая Земля, бессмертных богов, которые до сих пор населяют Снежные вершины олимпийских высот.... Ее первородная Земля произвела На свет такое же необъятное звездное Небо: Чтобы оно могло окружить ее со всех сторон и навеки стать Для благословенных богов нерушимым пристанищем".(92)

92) Гесиод, Теогония.

До тех пор, пока люди поклонялись абстрактному принципу творения, проявления которого исходят от земли и солнца, они, несомненно, мало рассуждали о природе его доселе неразделимых частей. В тот ранний период они еще не начали искать свою идею бога за пределами Природы, но когда в результате вступившего на путь своеобразного развития простая концепция творческой силы, которая изначально существовала, стала затемненной, человечество начало размышлять о природе и атрибутах двух принципов, с помощью которых все производится, и спорить об их относительной важности в процессе воспроизводства. Много света на эти рассуждения пролили космогонии, дошедшие до нас от финикийцев, вавилонян и других народов прошлых эпох. В финикийской космогонии, согласно доктрине Мох, изложенной Филоном, из космического яйца Толилет (женщины) "произошло все зачатие творения и начало вселенной". В этом изложении истоков вещей отчетливо утверждается, что дух, который в последующие века стал рассматриваться как нечто вне Природы или над ней, "не сознавал своего собственного творения". Комментируя вышесказанное, Бунзен вынужден признать, что обычно его понимают как "решительно пантеистический". Однако он предполагает, что автор, возможно, НАМЕРЕВАЛСЯ СКАЗАТЬ (курсив мой), что "дух, который до сих пор был Творцом, был бессознательным духом".

Бероз, вавилонский ученый, который до сравнительно недавнего времени предоставлял всю информацию, дошедшую до нас относительно вавилонских древностей, в своем рассказе о сотворении человека и вселенной говорит, что вначале все было водой и тьмой; что в воде были зачатки жизни; но тогда еще не было порядка. Там были люди с крыльями птиц и даже с ногами зверей. Были также четвероногие и люди с рыбьими хвостами, все они были созданы по двойственному принципу. Над этой неуместной массой председательствовала женщина.

Вавилоняне называют эту женщину Оморока, а халдеи Талаттх. Последнее название означает "вынашивание" или "производство яиц".

В вавилонской космогонии, согласно Эндему, ученику Аристотеля, начало вселенной называлось Тауте, что в переводе означает "Мать богов". В связи с ней иногда появляется мужское начало —Апасон. В "Истории Беросуса" рассказывается об Оунесе — мифическом учителе Вавилона, который появился с головой человека и телом рыбы или змеи. Этот персонаж донес до вавилонян все знания, которыми они обладали. Оунес писал "о зарождении человечества, об их различных образах жизни и об их гражданском устройстве". Именно Он дал вышеприведенный рассказ о сотворении мира. Он говорит, что в конце концов Оморока, или Талаттха, женщина, существовавшая до сотворения мира, разделилась, и одна ее половина образовала небеса, "а другая - землю". "Все это, - заявляет Берос, - было аллегорическим описанием Природы".(93)

93) Проф. Смит, Халдейское повествование о книге Бытия, стр. 34, 35.

В следующей легенде будет рассмотрена основа истории о потопе. Ксисуфрус был царем Халдеи. Ему явилось в видении божество Кронос и предупредило его, что в пятнадцатый день месяца Дейсий произойдет потоп, в результате которого человечество будет уничтожено. Поэтому Он повелел ему написать историю начала, прогресса и завершения всего сущего вплоть до настоящего времени и похоронить ее в Сиппаре, Городе Солнца. Ему также было приказано построить судно и взять с собой на него своих друзей и родственников, а также перевезти на борт все необходимое для поддержания жизни, вместе со всеми различными животными, как птицами, так и четвероногими, и бесстрашно погрузиться в пучину. Спросивбожество, куда ему плыть, он получил ответ: "К богам", после чего вознес молитву о благе человечества. Затем он повиновался божественному наставлению и построил судно длиной в пять стадиев и шириной в два. В него он положил все, что приготовил, и в последнюю очередь поместил туда свою жену, своих детей и своих друзей.

"После того, как потоп обрушился на землю и со временем утих, Ксисуфрус выпустил птиц с корабля, которые, не найдя ни пищи, ни места, где они могли бы дать отдых своим ногам, снова вернулись к нему. Через несколько дней он послал их во второй раз, и теперь они вернулись с перепачканными грязью ногами. Он в третий раз испытал этих птиц, но они больше не возвращались к нему, из чего он заключил, что поверхность земли показалась над водами. Поэтому он проделал отверстие в судне, и, выглянув наружу, обнаружил, что оно застряло на склоне какой-то горы, на которой он немедленно покинул его вместе со своей женой, дочерью и лоцманом. Затем Ксисуфрус воздал свое поклонение земле и, соорудив алтарь, принес жертвы богам и вместе с теми, кто вышел вместе с ним из сосуда, исчез. Его они больше не видели, но могли различать его голос в воздухе и слышать, как он увещевал их воздавать должное богам. Он сообщил им, что именно из-за его благочестия его забрали, чтобы жить с богами, и что его жена и дочь удостоились такой же чести".

Более чем вероятно, что эта история, которая, как мы видели, распространилась на самые отдаленные уголки земли, имеет эзотерическое значение и что она воплощает доктрины древних относительно перевоплощения и обновления миров. Несомненно, это изображает не только конец цикла, но и прообраз судьбы человеческой души, которая в своем восхождении время от времени вселяется в человеческое тело.

Все ранние космогонии переплетены с историей великого потопа, от разрушительных последствий которого был спасен ковчег, в котором находился человек. Готская история сотворения мира указывает на то, что скифы принадлежали к той же расе, что и халдеи. В начале времен, когда еще ничего не было сформировано, и до того, как появились земля, море или небеса, существовал Муспельсхайм. Тепловое дуновение, прошедшее над парами, превратило их в воду, и из этой воды образовалась корова по имени Эдумла, которая была прародительницей Одина, Вайла и Ве, Троицы готской нации.

Существует также другая традиция, вероятно, более поздняя, которая утверждает, что из капель воды, образовавшихся в результате первобытного теплового дыхания, появился человек, Имер. Сын Имера был спасен в раскачиваемой штормом лодке, а его отца утащили в середину пропасти, где из его тела образовалась земля. Море было сделано из его крови, горы - из его костей, а камни - из его зубов. Однажды, когда трое его потомков прогуливались по берегу, они нашли два куска дерева, выброшенные на берег волнами. Из них они сделали мужчину и женщину. Мужчина, которого они называли Аске, и женщина Эмла. От этой пары произошла человеческая раса.

Заметное сходство между персонажами готического Имера и халдейского Омороки, из тел каждого из которых создана вселенная, отмечали разные авторы. Сославшись на выводы Маллета по этому вопросу, Фабер замечает:

"Они действительно, очевидно, одно и то же лицо, не только по характеру, но, если я не ошибаюсь, и по имени: ибо Имер или Умер - это Омер-Ока, выраженное в более простой форме. Различие полов никоим образом не опровергает этого мнения, которое основывается на совершенной идентичности их характеров: ибо Великая Мать, как и Великий Отец, была гермафродитом; или, скорее, той личностью, от которой, как предполагалось, произошли все вещи, были Великий Отец и Великая Мать, объединенные в одно сложное существо. Имер и Оморока - это то же самое, что гермафродит Юпитер из орфической теологии".

Однако мы заметили, что во всех старых традициях это гермафродитное зачатие рассматривается как женское, именно Великая Мать содержит в себе мужское начало; однако в более поздние эпохи оно представлено как мужское, женское скрыто под удобными символами.

Троица готов была мужской; однако, поскольку Один не мог творить независимо от женской энергии, ему была предоставлена жена Фригга, которой "принадлежало все прекрасное, и у которой были жрицы среди ранних германских племен". Фригга, которой поклонялись в одиночку, была как женщиной, так и мужчиной. Согласно одной немецкой традиции, Тив (Зевс), который в самом раннем представлении был женщиной, был родителем первого мужчины. Этот человек родил трех сыновей, которые стали отцами трех немецких племен. Иш (или Ясень) был прародителем франков и аллеманов; Инг был прародителем шведов, англов и саксов; а Эр, или Эрман, был одноименным вождем племен, называемых римлянами гермиецами.

Космогония китайцев во всех отношениях похожа на космогонию других стран. Первый человек, Пуонку, родился из яйца.

Китайцы говорят, что этот рожденный из яйца Пуонку, который идентичен Брахме, Ною и Адаму, не является великим Творцом или Богом, а всего лишь первым человеком. Их великий Бог, или Тянь, — это Единство, охватывающее троих, а их человеческая триада — тройственное

существо, являющееся родоначальником человеческой расы, - является низшим выражением той же силы, и ему, наконец, была присвоена должность Создателя.

Космогония японцев начинается с открытия священного яйца, из которого было произведено все сущее. Это яйцо идентично ковчегу, и из него родился патриарх потопа. Он был "Баал-Фегором, или владыкой открытия; и, исходя из идеи, что Ковчег был всеобщей матерью, он считался мужским началом зарождения, и его потомки-отступники обожали его всеми мерзостями фаллического культа".

В Теогонии Гесиода Уран представлен как родитель трех сыновей, и та же легенда, повторяемая в истории о Кроносе, изображает его также как тройственное божество. Согласно перуанской космогонии, все сущее произошло от Виракочи, который, как говорят, идентичен греческой Афродите. Помимо этого высшего Бога, они почитали триаду, которая была тесно связана с солнцем. Этих богов звали Чукилла, Катуилла и Интиллапа. Они говорят, что когда их предки путешествовали из отдаленной страны на Северо-запад, они несли изображение своего бога в покрывале или шкатулке, сделанной из тростника. Четырем священникам, на попечении которых был этот ящик или ковчег, он сообщил свои предсказания и указания. Он не только дал им законы, но и научил их церемониям и жертвоприношениям, которые они должны были соблюдать. "И подобно тому, как облачный и огненный столп вел израильтян по пустыне, так и этот испанский дьявол предупреждал их, когда двигаться вперед, а когда оставаться".(94)

94) Фабер, Языческое идолопоклонство, книга i, глава v.

По словам Марсдена, новозеландцы верят, что три бога создали первого мужчину и что первая женщина была создана из одного из его ребер.

Среди жителей отахейта и различных племен индейцев преобладает вера в то, что все сотворенное произошло от тройственного божества, которое было спасено от разрушительных последствий наводнения на ковчеге или корабле.

Замечен факт, что Теогонии и Космогонии всех народов имеют отношение к потопу или к обновлению жизни после разрушения мира, и что Великий Отец, который сохранился и который выходит из ковчега или корабля с семенами прежнего мира, представляет начало новой эры. Адам со своими тремя сыновьями, Каином, Авелем и Сифом, Ной со своей триадой, Сим, Хам и Иафет, Мену и его тройное потомство и так далее - все они означают в точности одно и то же, а именно обновление жизни в конце цикла, или манвантару.

Исходя из традиций, существующих почти в каждой четверти земного шара, может показаться, что до так называемого потопа во времена Ноя человеку как Творцу ни в какой степени не поклонялись, а, напротив, поклонялись великому универсальному двойственному принципу, который пронизывает Природу и лежит в основе материи и силы, например, Тянь у китайцев, Иав у евреев и Аум у индусов; но с упадком добродетели и знаний этот Бог постепенно был заменен на меньший, божество лучше подходит для понимания "падшего" человека.

В элоистическом повествовании о сотворении мира, которое появляется в первой главе книги Бытия, двойственный или триединый Бог, женский и мужской, говорит: "Сотворим человека по нашему собственному образу и подобию", и, соответственно, создаются мужчина и женщина. Однако в иеговистском повествовании, во второй главе той же книги, документе гораздо более

позднего времени, сначала был создан мужчина, а затем женщина. Фактически, в последнем повествовании она появляется как запоздавшая мысль и создана просто для его использования; она взята у него и полностью зависит от него в своем существовании. Этот факт признается епископом Коленсо в следующих словах:

Таким образом, во втором повествовании о сотворении мужчина, ПО—видимому, создан первым, а женщина, НЕСОМНЕННО, создана последней из всех живых существ; тогда как в более старой истории мужчина и женщина созданы последними, как венец работы Элохима, и созданы вместе - "и Элохим сотворил человека по Своему образу, по образу Элохима сотворил Он его; мужчину и женщину сотворил Он их". Это древнее элохистическое повествование, таким образом, было перед Иеговистом; и он расширил и оживил его, введя ряд отрывков, записывающих дополнительные происшествия из жизни патриархов до и после потопа, и особенно благодаря вставке второго рассказа о сотворении мира, ii., 4-25".

Коленсо отмечает, что четвертый стих второй главы принадлежит Элохисту и что он был удален со своего первоначального места в начале первой главы Бытия, чтобы сформировать начало иеговистского повествования о сотворении мира.(95)

95) Лекции по Пятикнижию, стр. 32.

Цитируя епископа Брауна в "Новом библейском комментарии", тот же автор отмечает, что в элохистическом повествовании о сотворении мира "мы имеем то, что, вероятно, было древней первобытной записью о формировании мира".(96)

96) Там же, стр. 16.

В настоящее время считается, что древнейшая, или элоистическая, часть Книги Бытия скрывает великую мудрость и знание Природы, намного превосходящие знания более поздних времен.

Согласно Хиггинсу, первый стих первой главы книги Бытия, если его правильно перевести, провозглашает не то, что в начале Бог сотворил небеса и землю, а то, что Мудрость "сформировала" землю и планеты. Ни в одной из древних Космогоний нельзя найти ни слова о сотворении материи. Из дошедших до нас фактов, касающихся рассуждений древних, ясно, что первоначальная концепция заключалась в том, что внутри первобытных начал, описанных в их Космогониях, в хаосе или неорганизованной материи содержалась первобытная сила; однако они не предпринимали никаких попыток объяснить возникновение ни движения, ни материи.

Как только люди начали размышлять об атрибутах своего Божества; когда два принципа, составляющие его, начали разделяться, и получила распространение идея о том, что мужчина является единственным важным фактором в размножении, солнце стало мужчиной, земля и море - женщинами. Тем не менее, даже тогда, по-видимому, не подвергалась сомнению доктрина о том, что творческая сила возникла из материи или что она развивалась в ней и через нее. Вера в то, что что-то можно сделать из ничего, была оставлена на более поздний период.

В древнейших семитских космогониях нас уверяют, что самосознующий Бог, проявляющийся в порядке вселенной, произошел из великой бездны и из неорганизованной, темной,

первозданной материи. Однако в более ранний исторический период как евреи, так и язычники придерживались мнения, что дух материален. Это сущность огня — субстанции, подобной гальваническому или электрическому флюиду. Этот мужской элемент, проявлением которого является желание, или тепло, и который в конечном итоге был установлен как вечная, самосушая творческая сила, или Бог, первоначально рассматривался как проявление материи и как не имеющий независимого существования. В более раннюю эпоху эта так называемая творческая свобода ассоциировалась с силой, намного превосходящей ее саму, а именно со Светом или Мудростью. Минерва, которая является первой эманацией Божества, "сформировала" все сущее. Именно Она различает все сущее и дает законы вселенной. "Она представляла для греков тот духовный элемент, который превращает знание в мудрость, а талант в гениальность". (97) Но с тем значением, которое начал приобретать человек, когда он начал считать себя творцом, и когда из-за невежества и чувственности принципы более просвещенной расы были забыты, желание, или тепло, было отделено от материи и стало рассматриваться как независимая сущность, которая сама создала материю из ничего. Таким образом, становится очевидной степень развития идеи бога в соответствии с относительным положением полов.

97) Л. Т. Айвз, Художественное слово.

Согласно греческой мифологии, большая часть которой была разработана сравнительно поздно, смертная женщина была делом рук Вулкана, Бога Огня, который по поручению Юпитера создал "ловушку для богов и мужчин", создав прекрасную женскую фигуру. Это достойный пример презрения, проявляемого греками к женщинам в более поздний период их становления как нации. О том, что такое презрение появилось позже, свидетельствует тот факт, что изначально женщина была даром Афины Паллады, или Мудрости. Когда она впервые появилась на сцене, она была коронована богами, фактически она была первым объектом, удостоенным короны. Что касается представлений о женщине, существовавших в более раннем возрасте, и тех, которые возобладали после того, как она стала "причиной зла в мире", у Тертуллиана мы имеем следующее:

"Если существовала Пандора, которую Гесиод упоминает как первую женщину, то ее голова была первой, увенчанной Грациями, ибо она получала дары от всех богов, откуда и получила свое имя Пандора. Но Моисей, пророк, а не поэт-пастух, показывает нам первую женщину Еву, чьи чресла более естественно опоясаны листьями, чем виски цветами. Значит, Пандора - это миф".(98)

98) Тертуллиан, том i, стр. 341.

Женщина, которая изначально была даром Мудрости, или Минервой, и которая при сотворении была украшена цветами как венец творения, со временем превратилась в проклятое и злое существо, которое отныне должно прикрываться листьями, чтобы скрыть свой позор. Тертуллиан, который вместе с остальными ранними отцами христианской церкви усвоил последнее учение о ней, не мог поверить в традицию, изложенную Гесиодом; следовательно, Пандора была мифом, в то время как искаженная басня о Еве как искусительнице была принята как естественное представление о женственности.

Когда была создана женщина, "все боги даровали ей благодать".

"Вокруг ее светлого чела красиво уложены Часы
Гирлянда, сплетенная из весенних пурпурных цветов:
Изящное искусство Минервы в целом
Располагало, подгоняло, придавало форму каждой детали".(99)

99) Гесиод, Труды и дни.

Позже, однако, Пандора сама становится виновницей несчастий на голову беззащитного человека.

ГЛАВА XI. ОГОНЬ И ФАЛЛИЧЕСКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ.

Знайте, сначала дух с активным пламенем
Наполняет, питает и оживляет могущественную структуру;
Проходит через водные миры и воздушные поля,
Тяжеловесную Землю и глубины Небес и там
Горит в Солнце, Луне и каждой яркой Звезде,
Таким образом, смешиваясь с массой, общей душой
Живет в своих частях и будоражит целое".

Хотя земля, воздух, вода и солнце долгое время почитались как объекты поклонения, как содержащие жизненный принцип, с течением времени замечено, что огонь вызывал высочайшее уважение людей, и на их алтарях священное пламя, которое, как говорят, было зажжено с небес, поддерживалось непрерывно из года в год и из века в век группами священников, "особой обязанностью которых было следить за тем, чтобы священное пламя никогда не гасло". Обязанностью весталок в Риме было сохранять священный огонь. Египтяне, да и фактически все более ранние цивилизованные народы, знали, что сила исходит от солнца, отсюда частое появление этого шара среди их символов жизни. Действительно, нет ни одной страны на земном шаре, в которой когда-либо не воздавались бы божественные почести огню и освещению.

Индусы, "веря, что огонь является сутью всей активной силы в Природе, поддерживали постоянное горение ламп в самых сокровенных уголках своих пагод и храмов, и в священных зданиях греков и варваров по той же причине сохранялись огни".

Фестиваль ламп, который когда-то был повсеместным по всему Египту, до сих пор проводится в Китае. Вечером пятнадцатого дня первого месяца в году каждый человек обязан поставить перед своей дверью фонарь или зажигалку, причем такие светильники различаются по размеру и стоимости в зависимости от степени богатства или бедности тех, кому они принадлежат. Свет был символом Мут (Проницательной Мудрости). Среди персов, египтян, мексиканцев, евреев, этрусков, греков и римлян огонь почитался как сущность Божества; и в настоящее время в Тибете, Китае, Японии и некоторых частях Африки он все еще составляет важную часть богослужения. Еврейские писания убедительно показывают, что не только евреи, но и все окружающие народы были огнепоклонниками и что их жертвы нередко приносились Богу Огня. По этому поводу Форлонг говорит:

"Когда Рим воздвигал храмы славы и поклонения Огню, мы находим, что пророки Израиля время от времени осуждали порочность поклонения Огню их собственными и окружающими народами; тем не менее, даже во времена Христа Молоку всегда приносились в жертву дети".(100)

100) Реки жизни и веры человека в разных странах, том i, стр. 325.

Считается, что Авраам ввел поклонение огню среди евреев из Ура в Месопотамии, страны, в которой до сих пор почитают огни, а огненным алтарям поклоняются как содержащим Божество.

Истинная сущность огня, которая была идентична жизненному принципу, была святой. "Господь" израильтян был в огне, сошедшем на гору Синай, Исход хix, 18. "Куст горел огнем, и куст не сгорел", Исход iii, 2. Я не знаю, совпадает ли значение слова "куст" с "рощей", но Иосиф Флавий уверяет нас, что куст был освящен до того, как в нем появилось пламя. Из-за своего священного характера он стал вместилищем для горящего "Господа" евреев. Ковчег, религиозная эмблема, которую Моисей нес в воздухе, был просто огненным алтарем, на котором огонь должен был гореть постоянно. Несомненно, следует отметить тот факт, что, хотя ковчегу и кусту (женским символам) была придана определенная степень святости, они, тем не менее, были всего лишь вместилищами для находящегося в них вещества.

В то самое время, когда евреи постоянно поддерживали священный огонь на своих алтарях, они носили змею на шесте, изображавшую "целителя народов". Они также хранили фаллическую эмблему в шкатулке, сундуке или ковчеге, которому поклонялись как "Богу Саваофу", "Подателю жизни" и т.д. Было замечено, что, хотя евреи часто теряли свой ковчег, они никогда не расставались со своим змеиным шестом. На определенном этапе религиозного развития человечества все храмы в Африке и Западной Азии были посвящены Вулкану, богу огня или "Повелителю огня", для которого все печи были священными. Основные праздники в честь этого Божества проходили весной, в Пасхальный сезон и 23 августа, когда, как говорят, в храмах практиковалась распущенность по сравнению с "Домами сбора урожая" Европы, когда солнце находилось в Весах и урожай был собран. Вулкан был "Богом блуда" или страсти.

Говорят, что эти эксцессы, которые оставались неконтролируемыми вплоть до четвертого века до нашей эры, несколько ослабили после расцвета философии стоиков.

Различные философы ранних исторических времен, а также многие из первых отцов христианской церкви верили, что Бог - это телесная субстанция, которая каким-то образом проявляется через огонь.

В Египте, на заре христианства, "среди монахов произошел великий спор по вопросу о том, телесен ли Бог". Тертуллиан заявлял, что "Бог есть огонь"; Ориген, что "он есть тонкий огонь"; и многие другие, что "он есть тело".

Нет никаких сомнений в том, что в ранние исторические эпохи персы, взявшие на себя обязательство очистить свою религию, были самой сильной и чистой сектой этого культа; фактически они были подлинными поклонниками чистых созидательных принципов, которые, как они верили, пребывали в огне.

Мы заметили, что сила или дух первоначально рассматривались как часть Природы, или, другими словами, что это было проявление материи или ее излияние, но как только ее стали рассматривать как нечто отдельное от Природы, сразу же возникло желание иметь какой-нибудь материальный объект, представляющий этот невидимый и оккультный принцип.

На протяжении многих эпох поклонения огню священный огонь, хотя и был материальной субстанцией, по-видимому, был слишком тонким, чтобы четко представлять идею бога, поэтому повсюду обнаруживается, что поклонение змею переплетается с ним. На самом деле, змея, огонь, столп и другие фаллические верования настолько тесно переплетены, что разделить их невозможно.

Некоторые авторы утверждают, что персы были самыми ранними огнепоклонниками; другие отрицают истинность этого утверждения, в то время как многие утверждают, и действительно, сами маджи заявляли, что они вообще никогда не поклонялись огню каким-либо иным образом, кроме как эмблеме божественного принципа, который, по их мнению, заключался в нем. Однако, исходя из имеющихся свидетельств, вполне вероятно, что они, как и все другие народы земного шара, до реформации, возглавляемой Заратустрой и его дочерью, утратили или почти забыли глубокие идеи, связанные с поклонением Природе.

Страсть, символизируемая огнем, объявляется различными авторами первым идолом, но более поздние исследования доказали ложность этого предположения. Это правда, что на раннем этапе развития человеческого опыта творческим процессам поклонялись, но такое поклонение включало научные и, я бы сказал, одухотворенные концепции действий Природы, которые со временем были полностью упущены из виду. Грубый фаллицизм, несомненно, является результатом вырождения и впадения в чувственность и суеверия.

Я думаю, что никто не может изучать факты, связанные с огнем и светом как Божествами в различных странах, в которых преобладало это поклонение, не осознавая изменений, которые оно постепенно претерпевало в последующие эпохи, и грубости идей, которые были связаны с ним, по сравнению с более ранней эпохой, когда у человечества "не было храмов, но поклонялись под открытым небом, на вершинах гор".

В другой части этой работы мы отметили, что в ритуалах, связанных с поклонением Кибеле (Свету или Мудрости), хотя использовались фаллические символы, церемонии были абсолютно чистыми, и что на протяжении всех ранних эпох ее поклонение оставалось свободным от мерзостей, которые характеризовали поклонение более поздним временам.

Неизвестно, в какое время в истории человечества органы зачатия впервые начали появляться как эмблемы Божества. В самых ранних пещерных храмах, высеченных из цельной скалы, до сих пор можно увидеть скульптурные изображения этих предметов. Хотя до сравнительно недавнего времени их истинное значение было неизвестно, в настоящее время нет никаких сомнений в том, что первоначально они использовались как символы плодородия или как эмблемы, олицетворяющие процессы Природы, и что в какой-то отдаленный период мировой истории им поклонялись как Творцу или, по крайней мере, как представителям созидательных сил во Вселенной.

О происхождении и характере людей, казнивших их, в письменной истории почти ничего не сохранилось. Однако благодаря расшифровке вымерших языков были расшифрованы монументальные записи древних народов земного шара, и теперь понятна система религиозной символики, использовавшаяся среди них.

В небольшой книге различных авторов, напечатанной в Лондоне несколько лет назад и озаглавленной "Сравнительный обзор древних памятников Индии", говорится:

"Те, кто проникся заумью индийской мифологии, обнаружат, что в этих храмах практиковалось богослужение, подобное тому, которое практиковали все народы мира, как в самые ранние, так и в наиболее просвещенные периоды их существования. Азиаты воздавали должное Фаллосу, египтяне, греки и римляне - Приапу, хананеи и евреи-идолопоклонники - Ваал-Фегору. Фигура изображена на фасаде, которая огибает цирк Нисмес, а также над порталом кафедрального собора Тулузы и нескольких церквей Бордо".

О Лингаме и Йони и их всеобщем признании в качестве религиозных эмблем Барлоу отмечает, что это было "поклонение, которое, по—видимому, обошло весь земной шар и оставило следы своего существования там, где мы меньше всего ожидали бы его найти". Говоря о "скульптурных непристойностях", связанных с религиозными обрядами, которые, будучи высеченными из нетленного камня, сохранились в Индии и других частях Востока, Форлонг говорит, что когда они происходят в храмах или других священных местах, в настоящее время они, очевидно, очень озадачивают благочестивых индийцев, а в других странах Востока они вызывают недоумение. пытаясь объяснить их, они говорят, что они помещены туда "во исполнение обетов" или что они были созданы там "в наказание за грехи сексуального характера, совершенные теми, кто казнил или заплатил за них". Однако, по мнению Форлонга, они просто связаны с более древним и чистым культом - культом, который включал в себя объединение принципов пола как основы их идеи бога.

Что касается причины появления "неприличных" скульптур в храмах Ориссы, тот же автор цитирует следующее из Бабу Рагендралалы Митры в его работе о древностях Ориссы.

"Извращенный вкус, которому способствует общее преобладание безнравственности, на первый взгляд может показаться наиболее вероятным; но я не могу поверить, что похоть, какой бы развращенной она ни была, когда-либо додумалась бы выбирать места, посвященные поклонению Богу, как наиболее подходящие для своих проявлений; ибо стоит отметить, что они встречаются почти исключительно в храмах и пристроенных к ним портиках, и никогда - на окружающих стенах, проходах и других нерелигиозных сооружениях. Согласно Вольтеру, наши представления о приличиях приводят нас к предположению, что церемония (подобная поклонению Приапу), которая кажется нам позорной, могла быть изобретена только

распущенностью; но невозможно поверить, что порочность нравов когда-либо привела бы какой-либо народ к установлению религиозных церемоний. Напротив, вполне вероятно, что этот обычай был впервые введен во времена простоты — что первой мыслью было почтить Божество в символе жизни, который оно нам дало; такая церемония могла возбуждать распущенность среди молодежи и казаться смешной образованным людям в более утонченные, более развращенные и более просвещенные времена, но она никогда не была вызвана подобными чувствами.... Поэтому не может быть и речи о том, чтобы предположить, что повсеместного распространения порока было бы достаточно само по себе, без авторитета священников и священных Писаний, чтобы привести к осквернению святых храмов".(101)

101) Реки жизни, том i, стр. 275.

Первоначально ионийцы, как указывает их название, были поклонниками Йони, то есть они принадлежали к секте, которая была изгнана из Индии из-за их упрямого отказа поклоняться мужской энергии как Творцу. В более поздние эпохи своей истории, в то время, когда их религия выродилась в разрешенную систему порока и коррупции, и после того, как их храмы превратились в публичные дома, в которых во имя религии совершались самые унижительные церемонии, греки стали стыдиться своего древнего культа и, подобно евреям, стыдились также своего имени.

Считается, что греки получили из Египта или с Востока свои первые теологические представления о Боге и религии. Эти идеи

"были завуалированы символами, означающими примитивный монотеизм; в более поздний период они, будучи переведены на символический или аллегорический язык, были преобразованы поэтами в эпические или повествовательные мифы, в которых первоначальный символизируемый предмет был почти стерт, в то время как аллегорические выражения обычно воспринимались в буквальном смысле. Следовательно, для многих смысл древнего учения был утерян и был сообщен лишь немногим, в строжайшей тайне в мистериях Элевсина и Самофракии. Таким образом, существовало популярное богословие, подходящее для людей, и рациональное богословие, предназначенное для образованных, символический язык в обоих случаях был одним и тем же, но значение его понималось по-разному. Со временем, по мере распространения знаний среди людей, а вместе с ними и религиозного просвещения, многое из того, что было воспринято буквально, вновь обретет свое первоначальное образное или символическое значение. Разум восстановит свое господство, и стереотипные догмы падут подобно языческим идолам перед продвижением истины".(102)

102) Барлоу, "Очерки символизма", стр. 121.

Хотя в более поздние эпохи человеческого развития высшие истины, которым учила более ранняя раса, были утрачены, все же легкий намек на красоту и чистоту более древнего культа можно проследить на протяжении большей части эпох истории религии. Даже среди распутных греков элевсинские мистерии, совершавшиеся в храме Цереры, всегда пользовались уважением. Однако следует позаботиться о том, чтобы не смешивать эти пережитки чистого поклонения Природе с поклонением куртизанке Венере, поклонение которой в дни упадка Греции представляло собой лишь самое низкое и порочное представление о женской энергии.

Вплоть до поздних времен в летописях Афин отмечался религиозный праздник под названием Тесмофория. Название этого праздника происходит от одного из псевдонимов Цереры — богини, "которая первой дала законы и упорядочила жизнь". Церера была божеством, которому поклонялись амазонки, и, по сути, она такая же, как египетская Исида. Она олицетворяет универсальную женскую природу. Тесмофорские обряды, которые, по мнению большинства авторов, были завезены в Грецию непосредственно из Фракии, совершались "девственницами, отличавшимися честностью в жизни, которые процессией несли на головах священные книги".

Инман в своей книге "Древние верования" цитирует оракула Аполлона из Спенсера о том, что "Рея, Мать Благословенных и Царица Богов, любила собрания женщин". Поскольку этот праздник посвящен Женской природе, различные женские атрибуты почитаются как божества, и Деметра является первой, кого верующие называют Деметрой. После долгого периода поста и "после торжественных размышлений о тайнах жизни женщины, великолепно одетые в белые одежды, собираются и разбрасывают цветы в честь Великой Матери".

Едой, которую ели верующие на этих празднествах, были лепешки, очень похожие по форме на те, что приносились Царице Небесной иудейскими женщинами во дни Иеремии, приношение, которое, как мы помним, так не понравилось пророку, что на весь народ было наложено проклятие.

Поскольку среди посвященных в соблюдение этих обрядов царил строжайшая секретность, точная природа символов, использовавшихся на праздниках тесмофории, неизвестна; однако считается, что это была женская эмблема зачатия и что этот праздник проводился в честь того события, которое с древнейших времен было предсказано теми, кто верил в высшую важность женского начала, а именно, что женщина произведет на свет без помощи мужской силы и что это проявление женской достаточности навсегда решит вопрос о господстве женского принципа. Благодаря возвращению древних идей чистоты и мира человечество было бы избавлено от убожества, которое стало результатом упадка женской силы. Двойственная идея, присутствовавшая в поклонении тесмофориан, проявляется в том факте, что, хотя Церера, Великая Мать, была главным почитаемым Божеством, Прозерпина, дитя, также была понята и вместе со своей Матерью почиталась как часть Творца. Таким образом, мы видим, что вплоть до позднего периода в истории греческой мифологии идея Святой Матери с ее младенцем не исчезла полностью как репрезентация идеи бога.

Чтобы доказать ценность идей, связанных с элевсинскими мистериями, утверждается, что "в записях нет ни одного случая, чтобы честь посвящения когда-либо была оказана очень плохим человеком".

В Риме эти мистерии получили другое название и назывались "обряды Истинной Веры", что было всего лишь другим названием Цереры. В качестве доказательства их чистоты у нас есть следующее:

"Все выдающиеся римские авторы говорят об этих обрядах с глубоким уважением. Гораций осуждает негодяя, который пытается раскрыть секреты этих обрядов; Вергилий упоминает об этих тайнах с большим уважением; а Цицерон ссылается на них с большим почтением, чем любой из названных нами поэтов. И греки, и римляне карали любое оскорбление, нанесенное этим мистериям, с самой настойчивой мстительностью. Алкивиада обвинили в оскорблении этих религиозных обрядов, и хотя доказательства его проступка были весьма сомнительными,

все же он долгие годы страдал за это в изгнании и нищете, и следует признать, что он был самым популярным человеком своего времени".(103)

103) Эдинбургский журнал чемберса.

В Греции празднование элевсинских мистерий находилось в руках Эмолпидов, одной из старейших и наиболее уважаемых семей древности. В Карфагене отмечались фидиции, религиозные торжества, подобные тем, которые уже были описаны в Греции. В течение двух или трех дней, в течение которых отмечались эти праздники, готовились общественные пиршества, на которых молодежь обучалась от старших в государстве принципам, которые должны были управлять их поведением в загробной жизни; истина, внутренняя чистота и добродетель считались необходимыми для истинной зрелости. В более поздние времена, после того как эти празднества проникли в Рим, они постепенно уступили господствовавшей там безнравственности, и, наконец, когда их прежнее возвышенное значение было забыто, они окончательно погрузились в "распущенность наслаждений, и невинность веселья была вытеснена шумом буйства и порока! Таковы были Сатурналии".

Из фактов, связанных с мистериями Элевсина и фесмофорскими обрядами, очевидно, что на своих ранних стадиях поклонение природе было абсолютно свободно от примесей, которые стали ассоциироваться с ним в более поздние времена. Поскольку органы зарождения изначально не были полностью опозорены и поруганы, не исключено, что, когда так называемые "скульптурные непристойности" появились на стенах храмов, они рассматривались как нарушение приличий не в большей степени, чем повторное появление креста, эмблемы жизни, в более поздние времена среди православных христиан.

Также маловероятно, что в эпоху, когда ничто естественное не считалось неприличным, и до того, как репродуктивная энергия пришла в упадок, эти символы наводили на мысль о нечистоте в большей степени, чем пасхальные приношения на наших церковных алтарях в настоящее время. Каким бы ни было значение этих подношений для тех, кто их преподносит, несомненно, что когда-то они, вместе с другими приспособлениями, связанными с поклонением Природе, были просто эмблемами плодородия — символами взошедшего и приносящего плоды солнца, которое своими радующими лучами воссоздает все заново.

Если мы внимательно изучим религии прошлых эпох, мы обнаружим нечто большее, чем намек на эпоху, когда репродуктивные функции считались священным выражением творческой силы, и когда репродуктивные органы не подвергались чрезмерной стимуляции и злоупотреблениям, табуированным как объекты совершенно нечистые и нечестивые, и как вещи слишком постыдные, чтобы упоминать о них шепотом. Действительно, есть много свидетельств того, что в более раннюю эпоху мировой истории деградация человечества из-за злоупотребления творческими функциями не была завершена, и жизненные невзгоды, являющиеся результатом такого злоупотребления, были неизвестны.

Мы можем с полным основанием полагать, что те инстинкты самки, которые связаны с материнской привязанностью и которые были приобретены ею для защиты зародыша, или, другими словами, те черты характера, которые Природа развила в самке для обеспечения безопасности и благополучия потомства, и которые на более чистой и естественной стадии человеческого существования действовали как щеки на энергию самца, не были легко или

быстро подавлены; но когда из-за подчинения животной природе мужчины этим инстинктам или чертам характера было отказано в их естественном выражении, и женщина стала просто инструментом удовольствия мужчины. , сравнительно чистое поклонение органам зарождения как символам творческой силы начало уступать место обожествлению этих членов просто как эмблем желания или как инструментов для возбуждения страсти.

Нас заверяют, что на берегах Ганга, самой колыбели религии, все еще можно найти различные остатки древнейшей формы поклонения Природе, что все еще можно наблюдать "определенные возвышенности, посвященные более примитивным идеям, чем те, которые представлены ведическими богами".

Здесь набожные верующие верят, что андрогинный Бог плодородия, или Природы, все еще являет себя верующим. Рядом с этими более древними святилищами находятся другие, представляющие несколько более позднее развитие религиозной веры, — святилища, посредством которых обозначаются некоторые процессы, вовлеченные в более ранний рост идеи бога. Недалеко от них находятся также многочисленные храмы или места поклонения, принадлежащие еще более поздней вере — вере, в которой обнаруживается "пробуждение и стимуляция каждого чувственного чувства и которая утопила в позоре все благородные побуждения, возникшие в человеческой природе".

О порочности евреев и безнравственности, практикуемой в их религиозных обрядах, Форлонг говорит:

"Никто не может изучать их историю, освобожденный от слепоты, которую наше христианское воспитание и общественные объединения навешивают на нас, не видя, что евреи были, вероятно, самыми грубыми поклонниками среди всех тех змееносцев—приверженцев Солнца, которые тогда покрывали каждую землю и море, от истоков Нила и Евфрата до всего средиземноморского побережья и островов. Эти нечистые верования, по-видимому, очень строго соблюдались евреями вплоть до дней Езекии, и никто в большей степени, чем распутный Соломон и его жестокий, похотливый отец-разбойник, бесстыдный прелюбодей и убийца, который нарушил добровольно данную клятву и принес шестерых невинных сыновей своего царя в жертву своему Джаваху".

О Соломоне он говорит, что тот посвятил свою энергию и небольшое состояние "возведению фаллических и солофаллических святилищ на всех возвышенностях вокруг него, и особенно перед Иерусалимом, а также на Елеонской горе и вокруг нее". По обе стороны от входа в его знаменитый храм, под огромным фаллическим шпилем, образующим портик, стояли две красивые колонны высотой более пятидесяти футов, рядом с которыми были изображены Бог солнца Бел и его колесницы.

В описании этого храма он представлен как имеющий сто двадцать футов в длину и сорок футов в ширину, в то время как притвор, фаллическая эмблема, "представлял собой огромную башню, сорок футов в длину, двадцать футов в ширину и двести сорок футов в высоту". Форлонг заверил нас, что храм Соломона был похож на сотни храмов, наблюдаемых на Востоке, за исключением того, что его стены были немного выше, чем обычно, а фаллический шпиль непропорционально размерам сооружения. "Еврейский притвор - это всего лишь обелиск, который египтянин поставил рядом со своим храмом; колонны Будхиста, которые стояли повсюду вокруг их

Дагобов; геркулесовы столбы, которые стояли рядом с финикийским храмом; и шпиль, который стоит рядом с христианской церковью".(104)

104) Форлонг, Реки жизни, том i, стр. 219.

Обряды и церемонии, соблюдаемые при поклонении Баал-Фегору, не имеют такого характера, который следует описывать на этих страницах: возможно, достаточно заявить, что с их помощью четко устанавливается тот факт, что распутство, регулируемое и контролируемое жреческим орденом как неотъемлемая часть религии, распространялось не только на язычников; напротив, религиозные обряды евреев до вавилонского пленения были даже более грубыми, чем у ассирийцев или индусов.

Эти нечистые верования возникли в то время, когда мужчина как единственный создатель потомства стал богом, когда естественные инстинкты женщины были подавлены и когда страсти как высшему выражению божественной силы стали поклоняться как самому важному атрибуту человечества.

Степень, в которой эти верования повлияли на более поздние религиозные верования и обряды, едва ли осознается теми, кто не уделял этому предмету особого внимания.

Утверждалось, что во времена Солона, законодателя Афин, в различных городах Греции было двадцать храмов, посвященных Венере куртизанке, в которых во имя религии совершались самые позорные обряды и самое бесстыдное самоотречение; и что по всей Европе, вплоть до позднего периода истории человечества, в определенные сезоны года отмечались религиозные праздники, на которых церемонии, совершаемые в честь бога блуда, носили самый грубый характер, и на которых вакханалии совершались в честь бога любви. оргии могли сравниться только с теми, что практиковались в религиозных храмах Вавилона.

Невозможно дольше скрывать тот факт, что страсть, символизируемая змеей, вертикальным камнем и мужскими и женскими органами зачатия, причем мужчина выступает как "податель жизни", а женщина - как необходимый придаток к нему, составляла идею бога человечества по крайней мере на протяжении четырех тысяч лет; и вместо того, чтобы ограничиваться более ранними эпохами того периода, мысейчас увидим, что фаллический культ не исчез при христианстве так поздно и даже позже шестнадцатого века.

Таков результат господства более грубых элементов человеческой природы: высшей идеи Бесконечной страсти, символизируемой органами зачатия, в то время как основные обряды, связанные с поклонением им, представляют собой сцены разврата и самоуничтожения.

В настоящее время отнюдь не трудно проследить рост идеи бога. Сначала, как мы видели, под символом Матери и ребенка возникла система чистого поклонения Природе. Со временем эта особая форма поклонения была вытеснена религией, в соответствии с которой мужское начало превалирует над женским. Позже наблюдается более сложная система поклонения Природе, в которой основополагающие принципы скрыты или понятны только посвященным. Наконец, эти философские и малопонятные принципы забываются, и сами символы получают то поклонение, которое когда-то принадлежало Создателю. Изменение, которое претерпели представления о женственности с того времени, когда естественным женским характерам и качествам поклонялись как Богу, до дней Солона, греческого законодателя, когда женщины стали просто

орудиями или рабынями для использования и удовольствия мужчин, убедительно показано сравнением характера, приписываемого женским божествам в две упомянутые эпохи. Афина, которая в более раннюю эпоху олицетворяла Мудрость, в эпоху Солона выродилась в покровительницу героев; но даже как Богиня войны ее покровительство было ничем по сравнению с покровительством куртизанки Венеры, святилищу которой "поклонялся каждый мужчина в Греции".

Степень, до которой женщины были унижены во имя религии, и роль, которую в прошлом они были вынуждены принимать на себя в поклонении страсти, в настоящее время не могут быть скрыты, поскольку факты, касающиеся этого предмета, хорошо подтверждены. В предыдущей работе (105) внимание было обращено на религиозные обряды Вавилона, города, в котором, как мы помним, находилась Башня Бела. Здесь женщины любого положения и ранга были обязаны раз в жизни заниматься проституцией в храме по найму для любого незнакомца, который мог потребовать такой услуги, доходы от которой присваивались священниками для использования в священных целях. Следует помнить, что этот акт был религиозной обязанностью, налагаемой религиозными учителями и обеспечиваемой священническим правлением. Это было жертвоприношение богу страстей. Похожий обычай существовал и на Кипре.

105) См. Эволюция женщины, стр. 228.

В большинстве храмов поздних индусов были группы посвященных женщин, называемых "Женщинами Идола". Эти жертвы жрецов были отобраны в младенчестве браминами за красоту их лиц и обучены всем изящным приемам, которые могли бы сделать их привлекательными и которые обеспечили бы успех в профессии, которой они занимались одновременно для удовольствия и выгоды жречества. Им никогда не разрешалось покидать храм; и потомство от их беспорядочных объятий, если это были мужчины, посвящалось служению Божеству в церемониях этого богослужения, а если женщины, то обучалось профессии своих матерей. (106)

106) Морис, "Индийские древности", том i.

То, что проституция была религиозным обрядом, практиковавшимся в восточных храмах, не подлежит сомнению перед лицом доступных фактов. По этому поводу Инман говорит:

"Для нас непостижимо, что потворство страстям могло быть связано с религией, но так оно и было. Слова, обозначающие "святилище", "освященные" и "содомиты", в древнееврейском языке, по сути, одни и те же. Среди современных индусов это так же, как было в Греции и Италии классических времен; и мы находим, что "святая женщина" - это титул, присваиваемый тем, кто отдает свое тело в наем, который идет на службу храму".

Степень, до которой века разложения исказили более чистые инстинкты человеческой природы, и степень, до которой столетия чувственности и суеверий деградировали природу человека, можно заметить в настоящее время по признаниям, которые часто делают писатели-мужчины относительно изменений, произошедших в идее бога на протяжении истории человечества. Ни одно из женских качеств, даже этот священный инстинкт — материнскую любовь, многие из них не могут рассматривать отдельно от представлений о грубости, которые сопровождали сексуальные функции на протяжении веков, с тех пор как женщины впервые попали в рабство. В качестве иллюстрации этого у нас есть следующее высказывание

выдающегося филолога последнего времени, писателя, чьи умелые усилия по распутыванию религиозных мифов свидетельствуют о его умственной силе и литературных способностях.

"Халдеи верили в небесную деву, обладавшую чистотой тела, красотой личности и нежностью привязанности, и она была той, к кому заблудший грешник мог обратиться с большей вероятностью успеха, чем к суровому отцу. Ее изображали как мать с ребенком на руках, и каждый приписываемый ей атрибут показывал, что она должна была быть такой же любящей, какой когда-либо была любая земная женщина".(107)

107) Инман, Древние веры, том i, стр. 59.

Описав таким образом раннее халдейское божество, которое, хотя и было чистой и незапятнанной девственницей, тем не менее почиталось как мать или как воплощение альтруистических принципов, развитых в человечестве, этот автор продолжает: "Поклонение женщине мужчиной естественным образом привело к развитию событий, которых наши СРАВНИТЕЛЬНО ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ НАТУРЫ (курсив мой) избегают как противоречащих всякому религиозному чувству", и это чувство ясно показывает неспособность этого автора оценивать женственность или даже материнство отдельно от чувственных идей, которые на протяжении веков, в течение которых страсть была преобладающей. признанный бог собрался по этому поводу.

Чистота жизни и высокий уровень цивилизации, достигнутый древним народом, и тот факт, что эти условия были достигнуты при чистом поклонении Природе, или когда природные атрибуты женщины рассматривались как высшее выражение божественного в человеке, доказывают, что не понимание и не обожествление женственности "привело к развитию, которого чувствительные натуры избегают как противоречащего всем религиозным чувствам", а, напротив, что именно отсутствие такого понимания стимулировало низшую природу человека и поощряло любую форму чувственности и суеверий. Другими словами, именно подчинение естественных женских инстинктов и обожествление грубой страсти в более поздние эпохи человеческой истории привели к деградации религии и развращению человеческой природы.

Хотя в настоящее время ученым совершенно невозможно скрыть тот факт, что идее бога изначально поклонялись как женщине, тем не менее, большинство современных авторов, занимающихся этой темой, похоже, неспособны понять состояние человеческого общества, которое должно было существовать, когда инстинктам, качествам и характерам, свойственным женской конституции, поклонялись как божественным. Человеческая природа стала настолько испорченной из-за чрезмерной стимуляции и потакания низменным наклонностям, что для тех, кто до сих пор занимался этим предметом, кажется невозможным усмотреть в более ранних представлениях о Божестве какую—либо более высокую идею, чем та, которая в настоящее время передается их умам сексуальными атрибутами и физическими функциями женщин, а именно их способностью порождать в сочетании с способностью удовлетворять животные инстинкты мужчин функции, которые женщины разделяют с представителями низших слоев общества.

Тот факт, что древняя раса считала женщину главой или венцом творения, что она была первой эманацией Божества, или, точнее говоря, что она олицетворяла Проницательную Мудрость, кажется, в настоящее время не поддается пониманию или, по крайней мере, не признается.

Более поздняя идея о том, что она была задумана как придаток к человеку и создана специально для его использования и удовольствия, — концепция, являющаяся прямым результатом превосходства низших инстинктов над высшими способностями, — веками преподавалась как религиозная доктрина, сомневаться в которой - величайшая ересь.

Андрогинная Венера ранних эпох, божество, которое, хотя и являлось женщиной, изображалось с бородой, чтобы обозначить, что в ней заключены мужские силы, воплощала концепцию универсальной женственности и Божества, сильно отличавшегося от того, которое существовало в более поздние эпохи Греции, в то время, когда Венера-куртизанка олицетворяла все силы и способности женщины, считавшиеся достойными обожествления.

В более поздние эпохи все наши представления о Бесконечном настолько маскулинизировались, что в современной истории мало что можно найти, за исключением случайных намеков на тот факт, что на протяжении бесчисленных эпох человеческого существования Верховному Творцу поклонялись как женщине.

Достаточно изучить греческий характер, чтобы предвидеть, как эта высокомерная и тщеславная раса будет относиться к любому вопросу, касающемуся женщин; и, поскольку до недавнего времени большая часть нашей информации о прошлом поступала из греческих источников, искаженный и односторонний взгляд на человеческие события и презрение, с которым относились к женской половине общества, никоим образом не удивительны. Однако мы должны иметь в виду тот факт, что греки были всего лишь выродившимися потомками высокоцивилизованных народов, которых им нравилось называть "варварами", и что они знали меньше о происхождении и характере богов, которым они поклонялись и которых они заимствовали из других стран, чем известно о них в настоящее время.

Примерно за 600 лет до нашей эры мы можем полагать, что человечество опустилось на самую низкую глубину человеческой деградации, с тех пор человечество медленно возвращалось в прежнее русло; однако, не с какой-либо степенью непрерывности или регулярности, и не без провалов, в течение которых в течение сотен лет течение, казалось, поворачивало вспять. Действительно, когда мы рассматриваем историю прошедших эпох и отмечаем, до какой степени страсти, предрассудки и суеверия преобладали над разумом и рассудительностью, мы действительно можем сказать: "Отцы ели кислый виноград, а у детей были острые зубы".

ГЛАВА XII. ПОПЫТКА ОЧИСТИТЬ ЧУВСТВЕННЫЕ ВЕРОВАНИЯ.

О персах было сказано, что в своем рвении очистить чувственные верования, которые преобладали повсюду, они проявляли решительное "отвращение к поклонению изображениям,

зверям или символам, в то время как они стремились установить поклонение единственной истинной созидательной силе, или Божественному Священному Огню".

Из фактов, которые следует собрать об этом народе в седьмом и восьмом веках до нашей эры, вполне вероятно, что они все еще имели слабое представление о прежней эпохе интеллектуального и морального величия и что в то время их целью было вернуться к более чистым принципам, которые характеризовали ее. О том, что их усилия впоследствии были скопированы окружающими народами, свидетельствуют факты, связанные с их историей.

Вскоре ведущие сирийцы и евреи начали узнавать от своего восточного соседа, что поклонение изображениям едва ли может быть приемлемо для бога, которому они начинали придавать определенную степень духовности. В настоящее время мало кто сомневается в том, что попытка одухотворить религию евреев была вызвана влиянием персов. Однако о том, сколько времени требуется для сколько-нибудь заметного улучшения устоявшейся формы богослужения, свидетельствует тот факт, что двести лет спустя в храмах, где распущенность стала признанным религиозным обрядом, наблюдалось мало изменений к лучшему. Даже в настоящее время сообщается, что во многих местах поклонения на Востоке все еще проживают "святые женщины — служительницы бога", которые, подобно вавилонянам, описанным различными авторами, посвящены "богу огня".

Сравнивая религию Персии с доктринами, которым, как говорят, учил Моисей, Инман замечает:

"Религия Персии, реформированная Зороастром, настолько похожа на религию Моисея, что было бы почти невозможно решить, какая из них имеет приоритет над другой, если бы мы не знали, насколько древним было учение Зороастра и насколько недавним оно, как говорят, было от Моисея. Как бы то ни было, мы находим, что древние персы напоминают евреев в жертвоприношениях на возвышенностях, в воздании божественных почестей огню, в поддержании священного пламени, в определенных церемониальных очищениях, в обладании наследственным священством, которому одному было позволено приносить жертвы, и в том, что их высшим благом было обладание многочисленным потомством".(108)

108) Древние веры, том ii., стр. 64.

Совершенно очевидно, что обеими этими нациями мудрость более ранней расы была почти забыта. За семьсот лет до нашей эры персы, несомненно, уже приняли поклонение "Единому Богу", который был Возрождающим или Разрушителем, Божеству, которое, как мы видели, первоначально постигало силы Природы, а именно солнечное тепло и зимний холод. Однако очевидно, что в то время они утратили высшие истины, связанные с представлением об этом Божестве. Они стали поклонниками огня или той тонкой огненной жидкости, находящейся в огне, которую они считали созидательной силой. Хотя персы, как и все другие народы земного шара, утратили или забыли высшие истины, провозглашенные более древней расой, нет никаких свидетельств того, что они когда-либо становились грубыми поклонниками фаллиса, как евреи; то, что они таковыми не были, подтверждается тем фактом, что вплоть до времен Александра женщины Персии все еще занимали высокое и почетное положение, и что женские атрибуты не стали полностью подчиняться мужской власти.

Если бы у нас не было других свидетельств относительно возвышенного характера религии персов, кроме истории жизни таких людей, как Дарий, Кир, Артаксеркс и другие, мы пришли бы

к выводу, несмотря на сходство церемоний этих двух религий, что имело место определенное влияние, предохранявшее их от жестокости и распущенности, царивших среди евреев. О Кире рассказывают, что он часто мечтал прожить достаточно долго, чтобы отплатить за всю оказанную ему доброту. Также утверждается, что из-за справедливости, проявленной в его характере, огромное количество людей желали вверить его заботе и мудрости "распоряжение своей собственностью, своими городами и своими личностями".

Разительный контраст мягкому и гуманному характеру Кира составляет распущенный и мстительный Давид, "человек по сердцу Божьему".

"Что же касается голов тех, кто окружает меня, пусть злословие их собственных уст покроет их".

"Пусть горящие угли упадут на них; пусть их бросят в огонь, в глубокие ямы, чтобы они больше не поднялись".(109)

"Счастлив будет тот, кто возьмет и разобьет твоих малышей о камни".(110)

109) Псалом сxl.

110) Там же, cxxxvii.

Я думаю, что никто не может читать Авесты, не будучи впечатленным тем, какое важное место там уделяется вопросам воздержания и добродетели. В своих усилиях очистить религию и в попытках вернуться к своей более древней вере ученики Зороастра еще за восемьсот лет до Рождества Христова приняли в высшей степени одухотворенную концепцию Божества. Они проповедовали в различных частях Малой Азии доктрину единого Бога, двойственной сущности, посредством которой было сотворено все сущее. Они также проповедовали доктрину воскресения и бессмертия души. Именно в это время они зародили или, по крайней мере, выдвинули доктрину ада и дьявола, веру, в точности соответствующую тогдашнему ослабленному психическому состоянию человечества и от которой человечество еще не набралось достаточной интеллектуальной и моральной силы, чтобы освободиться. Этот персидский дьявол, который стал отождествляться с зимой или отсутствием солнечных лучей, теперь был Арихманом, или "силами тьмы", и, несомненно, был источником, из которого произошел личный дьявол, разработанный в более позднюю эпоху Лаоцзы в Китае.

Поскольку у евреев не было письменности до времен Ездры или Иеремии, сейчас считается, что многие доктрины, включенные в их священные книги, были заимствованы из персидских, индийских и египетских источников. Воскресение из мертвых, или воскрешение тела, было за сотни лет до рождения Христа устоявшимся догматом египетской и персидской веры, в то время как духовное возрождение, символизируемое внешним воплощением "рождения свыше", было началом новой жизни и допуском в небесное состояние.

В Хорда-Авесте у нас есть следующее, касающееся учения о воскресении и будущих наградах и наказаниях.

"Я совершенно не сомневаюсь в существовании доброй маздаицинианской веры, в пришествии воскресения и более позднего тела, в переходе по мосту Чинват, в неизменном воздаянии за хорошие поступки и их награду, а также за плохие поступки и их наказание".

Зороастрийцы, которые возглавили великое интеллектуальное и религиозное пробуждение, произошедшее за прошедшие годы с 700 по 400 год до н.э., стремились очистить все вещи огнем и водой, двумя принципами, которые стали рассматриваться как изначальные элементы, из которых или посредством которых все создано.

До этого времени в Персии и много позже у различных других народов крещение, обряд, совершаемый в период полового созревания, было связано только с сексуальными обязательствами принимающего его человека, но в рассматриваемую нами эпоху оно стало в первую очередь процессом очищения или возрождения и было средством, с помощью которого благочестивый преданный получал посвящение в тайны святой жизни или с помощью которого он "рождался свыше".

Как в их религиозной процедуре каждое действие совершалось в связи с символами, так и в вопросе крещения они не были удовлетворены внутренним сознанием возрождения, но должны были пройти через определенные процессы, которые символизировали новую жизнь, в которую они вступили. Согласно Уилфорду, внешняя символизация "нового рождения" на Востоке проявляется следующим образом:

"С целью возрождения предлагается создать из чистого золота изображение женской силы природы либо в форме женщины, либо в виде коровы. В этой статуе человек, подлежащий возрождению, заключен в клетку и вытаскивается наружу по естественному каналу. Поскольку статуя из чистого золота соответствующих размеров была бы слишком дорогой, достаточно сделать изображение священной Йони, через которую должен пройти возрождаемый человек".

Таким образом, в то время, когда Никодим, как говорят, задавался вопросом о тайнах нового рождения, было замечено, что внешние формы возрождения уже давно были в ходу у язычников. Предполагалось, что, проходя через эти отверстия, претендент на возрождение олицетворял состояние человека, "выходящего из утробы в новую сферу жизни".

Согласно свидетельствам различных авторов по этому вопросу, до сих пор сохранились многочисленные раскопки или отверстия в скалах, которые древние народы использовали для той же цели, и не только в восточных странах, но также в Ирландии и Шотландии. Из-за неправильного представления, фанатизма и невежества римско-католических миссионеров в Ирландии эти отверстия были названы "Дьявольскими яниями". Хотя эти эмблемы олицетворяли первоначальную концепцию одного из их самых священных верований, а именно "нового рождения", все же они были "языческими мерзостями", которыми приверженцы новой (?) веры не должны были оскверняться.

Некоторые авторы предполагают, что люди, осуществившие эти нетленные замыслы и оставившие на Британских островах бесчисленные свидетельства своих религиозных верований, принадлежат к колонии, которая, будучи изгнана из Персии из-за своих особых религиозных верований, обосновалась на "Белом острове", "Острове Блаженных". Однако к этому вопросу мы вернемся позже в этой работе.

Когда мы внимательно изучаем факты, связанные с эволюцией религии, не может быть никаких сомнений в том, что персы заложили основу для того великого морального и интеллектуального пробуждения, которое столетием или двумя позже было представлено Конфуцием, Готамой Буддой и Пифагором. Несомненно, как евреи, так и язычники получили от персов немного

духовной закваски, которая в более поздние века проникла в их грубое представление о Божестве.

Персы, индусы и другие народы Востока верили, что конец каждого шестисотлетнего цикла, когда должно было прийти новое солнце или спаситель, ознаменует новую эру религиозного развития. В конце каждого из этих циклов искренне ожидалось, что "золотой век" прошлого будет восстановлен и что человечество снова освободится от постигших его бедствий. По прошествии многих из этих циклов в Индии появились многочисленные освободители, спасители или солнечные воплощения, девятым из которых был Готама Будда. На Востоке, примерно за шестьсот или семьсот лет до рождения Христа, появился не только один спаситель или пророк, но трое или четверо из них.

Относительно лидера реформ в Персии, по-видимому, существует много противоречивых свидетельств. Ученый Фабер приходит к выводу, что было два Заратустры, или Зороастра, первый из которых идентичен Мену, законодателю и тройственному божеству Индии, и который различными авторами признается Ноем евреев. Согласно Плинию, первый жил за тысячи лет до Рождества Христова. Некоторые авторы сходятся во мнении, что он был за пять тысяч лет до осады Трои. По словам сэра У.М. Джонс, последний Зороастр жил во времена Дария Гистаспа. Теперь утверждается, что в Дабистане, одной из священных книг Персии, фигурируют тринадцать Зороастров. Имя последнего великого лидера вместе с несколькими его доктринами и различными разрозненными фрагментами в Гатах - это все, что осталось от человека, чья личность связана с самой ранней попыткой реформировать деградировавшую и сенсуализированную религию.

О том, что этот пророк не имел чести в своей собственной стране, свидетельствует следующий плач:

"В какую страну мне отправиться? Где мне найти прибежище? Какая страна дает прибежище учителю, Заратустре, и его спутнице?" Никто из слуг не оказывает мне почтения, как и нечестивые правители страны. Как мне дальше поклоняться тебе, живой Мудрец? Какую помощь получил Заратустра, когда провозгласил истины? Чего он добился благодаря доброму уму? ... Почему у правдивого так мало приверженцев, в то время как все могущественные, которые являются неверующими, в огромном количестве следуют за лжецом?" (111)

111) Цитируется виконтом Эмберли по переводам Хога.

Хотя пророк Заратустра и его спутник сначала были отвергнуты, кажется очевидным тот факт, что монотеистические доктрины, которые они излагали, впоследствии были приняты за основу религии Персии.

Во вступительных стихах 5-й Гатхи говорится следующее:

"Сообщается, что Заратустра Спитама обладал наилучшим благом, ибо Ахура Мазда даровал ему все, что можно получить посредством искреннего поклонения, навсегда, все, что способствует хорошей жизни, и он дает то же самое всем, кто соблюдает слова и совершает действия, предписанные хорошей религией....

"Пурутшиста, Хетчатаспадин, святейшая, самая выдающаяся из дочерей Заратустры, сформировала это учение как отражение благого разума, истинного и мудрого".

Несомненно, следует отметить тот факт, что Пурутшиста была не просто ученицей Заратустры, но что она СФОРМИРОВАЛА доктрину, которая была принята как "отражение благого разума".

В 5-й Гатхе говорится, что среди тех, кто "знает правильные пути, закон, который Ахура дал Приносящим Пользу", есть Пурутшиста, "Святая, достойная поклонения среди дочерей Заратустры... мудрая женщина, творящая Мудрость".(112)

112) Перевод "Шпигеля".

Ормузд, или Ахура Мазда, который был сущностью тепла или света, был принципом, которому поклонялись последователи реформированной религии в Персии. Во всей Авесте самым желанным достоянием и тем, что больше всего восхваляется, является чистота жизни.

"Мы восхваляем чистого человека.

"Величайшую чистоту восхваляем мы.

"Самое лучшее пожелание восхваляет нас за самую лучшую чистоту. Лучшее место чистоты восхваляем мы, сияющие, наделенные всей яркостью".(113)

"Эту Землю, вместе с женщинами, мы восхваляем,
Которая носит нас, которые являются женщинами, Ахура Мазда,
Чьи желания проистекают из чистоты, их мы восхваляем —
Полноту, готовность, вопрошание, мудрость".(114)

113) Вечер xxvi. Перевод Spiegel.

114) Йакна xxxviii.

Восхваляется "вечная спутница жизни, наставляющая".

Следующее является частью брачной церемонии персов, описанной в Хорда-Авесте:

"Принимаете ли вы оба контракт на всю жизнь с благородным разумом? Во имя дружбы Ормузда, будьте вечно сияющими, будьте очень расширенными. Увеличивайтесь. Будь победителем. Учись чистоте. Будь достоин хорошей похвалы. Пусть разум думает о хорошем, слова говорят о хорошем, дела творят добро. Пусть все злые мысли исчезнут, все злые слова уменьшатся, все злые дела сгорят.... Завоюй себе собственность, поступая правильно. Говори правду с правителями и будь послушным. Будь скромнен с друзьями, умен и доброжелателен. Не будь жестоким, не будь алчным.... Сражайся с противниками справедливо. Перед собранием говори только чистые слова. Ни в коем случае не огорчай свою мать. Храни свое собственное тело чистым по справедливости".

Можно сказать, что Конфуций, великий китайский учитель и философ, живший, вероятно, в шестом веке до нашей эры, был гуманистом или моралистом, а не мистиком. Хотя он верил в

великий первопринцип, или причину, которую он называл Небесами, нам дают понять, что в его философствованиях о ней почти не упоминалось.

Система, известная как конфуцианство, была создана не Конфуцием.

Касаясь этой темы, Легг замечает:

"Он сказал о себе ("Анализы", vii., I), что он был передатчиком, а не творцом, тем, кто верил в древних и любил их; и поэтому в тридцатой главе "Доктрины среднего", приписываемой его внуку, говорится, что он передал доктрины Яо и Шуня, как если бы они были его предками, и изящно продемонстрировал правила Вана и Ву, взяв их за образец".(115)

115) Легг, Предисловие к тому III. книги "Король Шу".

Древние книги, которые Конфуций интерпретировал или переписал заново, не претендовали на то, чтобы быть священными в смысле вдохновения; напротив, они были произведениями мудрости, изложенными историками, поэтами и другими людьми, "поскольку они были тронуты их собственными умами". Самой древней из этих доктрин была "Шу", произведение, которое со времен династии Хань, 202 года до нашей эры, называлось "Царь Шу".

Ряд документов, содержащихся в этой работе, относятся к двадцать четвертому веку до нашей эры, и, поскольку они считаются историческими, считаются более важными, чем любые другие их древние труды.

Вторым по древности и важности является Ши, или Книга стихов. Это произведение содержит религиозные взгляды его авторов, а также описание нравов, обычаев и событий того времени, к которому они принадлежат. В течение 5000 лет в Китае Тянь или Ти выражали движущую или созидательную силу во Вселенной. В более поздние эпохи замечено, что это имя было присвоено королевской семье. Хван Ти - нынешний титул императора Китая.

Из некоторых текстов, найденных в "Короле Шу", складывается впечатление, что китайцы в далеком прошлом обратили внимание на научный факт, что добродетель сама по себе является наградой. "Небеса милостиво отличают добродетельных.... Небеса наказывают виновных".(116)

116) Макс Мюллер, "Священные книги Востока", книга iv.

Главной целью Конфуция, по-видимому, было привить те доктрины его предков, которые, укоренившись, со временем привели бы к возвращению к тем принципам былой добродетели, слабое знание о которых, по-видимому, все еще сохранилось в Китае. Среди его учений можно найти следующие заповеди:

"Знание, великодушие и энергия - это добродетели, обязательные для всех. Серьезность, душевная щедрость, искренность, серьезность и доброта составляют совершенную добродетель. Искренность - это сам путь на Небеса. Моя доктрина - доктрина всепроникающего единства. Высший человек - католик, а не пристрастный. Средний - пристрастный, а не католик. Превосходный человек приветлив, но не прелюбодействует, средний человек прелюбодействует, но не приветлив".

Когда его спросили о слове, которое должно служить практическим правилом на всю нашу жизнь, он ответил: "Разве Взаимность - это не такое слово? Чего ты не хочешь, чтобы сделали с тобой, не делай с другими". Однажды ему был задан вопрос: "Что ты скажешь о принципе, согласно которому вред должен быть возмещен добротой?" На что он ответил: "Возмещай ущерб справедливостью, а доброту - добротой".(117)

117) Лунь Юй, xiv., 26.

Его ученики записали, что есть четыре вещи, от которых учитель был полностью свободен. "У него не было ни предрешенных выводов, ни произвольных предопределений, ни упрямства, ни эгоизма". Вопреки правилу большинства реформаторов или лидеров общественного мнения, он всегда считал себя не только учителем, но и учеником. О Конфуции рассказывают, что когда-то он желал занять правительственный пост, думая, что, заняв его, сможет лучше распространять древние доктрины праведности и добродетели. Предложения личной выгоды не могли отвратить его от его хорошо обоснованных принципов чести. Однажды один из правителей страны предложил передать ему город и его доходы, но Конфуций ответил: "Выдающийся человек получит награду только за услуги, которые он оказал. Я дал совет королю-герцогу, но он не послушался его, и теперь он хочет подарить мне это место! он очень далек от того, чтобы понять меня".(118)

118) Цитируется Эмберли, "Анализ религиозных убеждений", том i, стр. 197.

Кажется очевидным тот факт, что Конфуций не обладал достаточной силой характера, чтобы попытаться изменить социальные условия своего времени. У него не было того величия души, которое позволило бы ему взять ключевую ноту реформы. Монархические институты и социальные различия он не осуждал. Братство людей и процессы выравнивания в человеческом обществе, вероятно, никогда не приходили ему в голову; конечно, они никогда не предпринимались.

Некоторые авторы обвиняли Конфуция в неискренности в некоторых незначительных вопросах; тем не менее, мудрость, содержащаяся в его религиозных доктринах, философская ценность его учения относительно регулирования человеческого поведения и, прежде всего, чистота его намерений, по праву позволяют причислить его имя к числу великих реформаторов мира.

О длительном влиянии, которое этот человек оказал на умы своих соотечественников, и о том, как высоко ценятся его имя и труды до сих пор, свидетельствует тот факт, что его потомки составляют единственный род наследственной знати в Китае.

"Он жил за пятьсот лет до Рождества Христова; и все же по сей день, несмотря на все перемены и случайности времени и династий, потомки Конфуция остаются единственными потомственными дворянами и национальными пенсионерами в империи. Даже императорская кровь разбавляется, деградирует и впитывается в политическое тело после седьмого поколения; но потомки Конфуция остаются отдельными, несмотря на все изменения времени и правительства".(119)

119) Томас Маги, "На форуме", том x, стр. 204.

Лаоцзе, основатель самой маленькой из трех сект в Китае, а именно конфуцианства, буддизма и даосизма, был стариком, когда Конфуций находился в расцвете сил. Слово "Дау" означает разум, но доктрины, в которые верят даосы, доказывают, что их система является самой иррациональной из всех религий Востока. В статье о тауистской религии Уоррен Бентон говорит:

"Тенденция рационализма направлена на полное разрушение веры в существование невидимых духов зла. Просвещенный разум низвергает дьяволов; но Лаоцзе создал бесчисленное множество дьяволов, и главной заботой даосской секты всегда было манипулирование этими эмиссарами зла. Современные рационалисты отрицают существование дьяволов и относят их к разряду мифов и персонифицированных идей. Рационалисты Востока не таковы. Он находит величайшее удовольствие в созерцании самой атмосферы, которой он дышит, как наполненной духами, постоянно стремящимися причинить ему вред; и перехитрить его сатанинское величество - главная цель жизни".(120)

120) Рор. Наука, январь 1890г.

В то время, когда личный дьявол постепенно обретал форму, было бы действительно странно, если бы не появился тот, кто по своему особому темпераменту и природному предрасположенности в точности подходил для задачи разработки этой доктрины во всей ее мрачной серьезности. То, что такой человек действительно возник в лице Лаоцзе, очевидно из того, что известно о его истории и учении.

Рост религиозной веры долгое время шел в этом направлении. Тифон, "дующий ветер", "Тьма" и "зимний холод" составляли основу веры в личного Дьявола; и когда пришло время для появления его сатанинского величества, потребовался только ипохондрик — неупорядоченная психическая организация — чтобы сформулировать и воплотить в жизнь эту мрачную и нездоровую доктрину.

О жизни и характере Лаоцзе мало что известно, за исключением того, что на протяжении долгой жизни он усердно трудился над установлением определенных принципов или догматов, которые, по его мнению, были необходимы для благополучия человечества. В двадцатой главе его работы обнаруживаются некоторые намеки на его личность и мрачные черты его характера. Он жалуется, что, в то время как другие люди радостны и веселы, он один впадает в уныние. Он "спокоен, как ребенок, который еще не улыбнулся". Он "как глупый парень, настолько растерянным он себя чувствует". Обычные люди просветлены; у него темный и беспокойный ум. Подобно морю, он забыт и его гоняют повсюду, как человека, у которого нет определенного места для отдыха. Все другие мужчины полезны; он один шутует, как крестьянин. Он один не похож на других мужчин, но он чтит кормящую мать".

Из всех различных учителей, возникших в пятом, шестом и седьмом веках до нашей эры, ни один из них не смог подняться до уровня морального величия, занимаемого Готамой Буддой. Усилия, приложенные этим великим учителем, по-видимому, были скорее гуманными, чем религиозными. В его время, особенно в Индии, общество было покрыто коркой кажущегося непроницаемым консерватизма, в то время как религия или жречество сковывали цепи, которыми были поработочены массы людей.

Миссия Будды состояла в том, чтобы разорвать узы угнетенных и уничтожить все кастовые различия. Это должно было быть достигнуто через пробуждение божественной жизни в каждом человеке. Ведущие процессы, в результате которых были ослаблены кастовые границы, находились в прямом противоречии с установленным порядком в обществе. Это был удар по старому брахманическому социальному и религиозному кодексу, выросшему под властью ремесла жрецов.

Несмотря на половые предрассудки, которые стали преобладать в Индии, Будда прямо заявил, что любой мужчина или женщина, ставшие его учениками, отрекшиеся от мира и воздержанием от низменных потворств чувствам провозгласившие свою приверженность высшим принципам жизни, "сразу теряют либо привилегию высшей касты, либо деградацию низшей". Земные различия не имели никакого значения. Ранг зависел не от внешних обстоятельств рождения, а от способности индивида противостоять злу или от его способности воспринять высшие истины, провозглашенные новым солнцем или Буддой—спасителем.

В одной из канонических книг он представлен говорящим:

"Поскольку учение, которому я учу, совершенно чисто, оно не делает различия между благородным и обычным, между богатым и бедным. Она, например, подобна воде, которая оmyвает как знатных, так и простых людей, как богатых, так и бедных, как хороших, так и плохих, и очищает всех без различия. В качестве другого примера его можно сравнить с огнем, который пожирает горы, камни и все большие и малые объекты между небом и землей. Опять же, мое учение подобно небесам, поскольку в нем есть место для всех без исключения, кем бы оно ни было: для мужчин и женщин, для мальчиков и девочек, для богатых и бедных".(121)

121) Виконт Эмберли, "Анализ религиозных убеждений", том i, стр. 216.

Нет никаких сомнений в том, что религия Будды была попыткой вернуться к почти забытым принципам прошлой эпохи духовного и нравственного величия. Согласно этой древней мудрости, человек - это бессмертная душа, борющаяся за совершенство. Рост настоящего человека - это естественное раскрытие божественного принципа внутри, такой процесс эволюции осуществляется силой воли. Поскольку каждый индивид должен сам добиваться своего спасения, эта сила воли всегда должна быть направлена на полное овладение своим телом, или низшим "я". Другими словами, развитие высшей жизни зависит от способности индивида преодолевать зло. Воздействие каждой мысли, слова и поступка вплетено в душу, и никто не может избежать последствий своих собственных поступков. Всякий грех является результатом эгоизма, так что душевная жизнь начинается только тогда, когда человек отрекается от себя и начинает жить для других. Никто, достигший состояния сознания души, не будет вести эгоистичную или нечистую жизнь. Напротив, каждый импульс набожного буддиста направлен к человечеству и Богу, сознательной частью которых он является.

Готама Будда не был "спасителем" в смысле кровавой жертвы за грехи людей. Напротив, он был примером для человечества — человеком, который моральным очищением и жизнью самоотречения подготовил себя к этому святому служению. Мифологически или астрологически он был новым солнцем, рожденным в конце цикла. Он был великим Светом, который открыл путь к вечному покою — Нирване. Мифический Будда был прототипом мифического Христа. Его матерью была Май или Мария, Царица Небес, или Весенний Источник.

Он был новым воплощением Солнца — Спасителем мира. Со временем его многочисленные чудеса были предложены в качестве доказательства его божественного характера. Хотя он учил о существовании великой и универсальной Силы, он не делал попыток объяснить непознаваемое. Бесконечное можно созерцать только через его проявления. Нирвана - это не уничтожение, как ошибочно учат христианские миссионеры. Как объясняют сами буддисты, оно подразумевает состояние абсолютного покоя от человеческих раздоров и несчастий. Это поглощение или возвращение в великий Первоосновный Принцип, из которого проистекает вся жизнь, — состояние настолько чистое, что человеческое растворяется в божественном.

"Светильник закона!

Я прибегаю к Твоему имени и к Тебе!

Я принимаю прибежище в твоём Законе Добра!

Я принимаю прибежище в твоём Порядке! Ом!

Роса на Лотосе!—восстань, Великое Солнце!

Подними мой лист и смешай меня с волной.

Ом Мани Падме Хум, восходит солнце!

Капля росы скользит в сияющее море!" (122)

122) Арнольд, Свет Азии.

Из буддийских колледжей в Ноланде вышли учителя, которые, воодушевленные энтузиазмом в деле человеческой справедливости и свободы личности, стремились искоренить мерзости, выросшие под властью брахманов. Массы людей, однако, были слишком глубоко погрязли в позоре, убожестве и невежестве, чтобы принять или даже понять чистые доктрины великого учителя, и, как можно было ожидать, ремесло священников вскоре приобрело свое обычное высокомерие, и в конце концов вся атрибутика устаревших догм была присоединена к новой системе.

Благодаря различным усилиям, предпринятым для возвышения человечества в течение шестисот или семисот лет, предшествовавших приходу христианства, моральному импульсу человечества была придана достаточная сила, чтобы вызвать во многих частях мира сильное желание вернуться к более чистым принципам и сделать возможным появление духовного учителя, подобного Христу. Однако последствия эпох моральной и интеллектуальной деградации, в течение которых низшие способности были стимулированы в высшей степени, не были устранены за несколько столетий борьбы тех немногих людей, которые желают реформ. Поскольку истинная реформа означает рост, те, кто достиг более высокой стадии развития, могут только указывать путь другим — они бессильны произвести изменения, к которым массы не готовы.

Хотя Зороастр, Конфуций, Готама Будда, Пифагор и другие философские школы предприняли попытку через частичное возрождение идей, исповедуемых древним народом, возвысить народные массы, и, хотя незапятнанные учения человека по имени Христос, несомненно, были результатом этого движения, все же человеческий разум, даже после появления этого последнего названного реформатора, недостаточно оправился от своего рабства, чтобы позволить массам постичь те высшие истины, которые проповедовал древний человек. более ранние цивилизованные люди.

Хотя, несомненно, есть много общего между религиозной системой, разработанной Готамой Буддой, и той, что была провозглашена Христом, между учениями первого и теми, что были изложены Римской церковью или Павлом, мало общего. За семьсот лет до нашей эры персы усвоили идею, что добродетель сама по себе является наградой и что каждая душа несет ответственность за свой собственный рост. Фундаментальной доктриной современной христианской церкви является доктрина заместительного искупления — вера, которая снимает с человека ответственность за его собственные проступки.

ГЛАВА XIII. ХРИСТИАНСТВО - ПРОДОЛЖЕНИЕ ЯЗЫЧЕСТВА.

Сравнивая священные писания персов с историей событий, связанных с зачатием и рождением мифического Христа, как это записано в Новом Завете, можно заметить, что последний, по-видимому, тесно связан с центральной фигурой персидской мифологии. Было обнаружено, что визит волхвов, которые, следуя за звездой, пришли к месту, где лежал маленький ребенок, был исполнением персидского пророчества, которое можно найти в жизни Заратустры, как записано в "Зендавесте", в то время как последующая история того же персонажа почти идентична истории индуистского бога Солнца Кришны.

Согласно священным книгам персов, три сына великого Заратустры должны были появиться в три последовательных периода времени. Эти сыновья должны были стать воплощениями солнца и результатом непорочного зачатия.

"Первого зовут Ощедербами. Он появится в последнем тысячелетии мира. Он остановит солнце на десять дней и десять ночей, и вторая часть человеческой расы примет закон, 22-ю часть которого он принесет.

Вторым посмертным сыном Зороастра является Ощедерма. Он появится через четыреста лет после Ощедербами. Он остановит солнце на двадцать дней и двадцать ночей, и он принесет 23-ю часть закона, и третья часть мира будет обращена.

Третьего зовут Сосиош. Он родится в конце веков. Он принесет 24-ю часть закона; он остановит солнце на тридцать дней и тридцать ночей, и вся земля примет закон Зороастра. После него будет воскресение". (123) Этот последний названный сын должен был родиться от чистой и незапятнанной девы, после чего должна была появиться звезда, сияющая даже в полдень неослабевающим блеском.

123) Цитируется Уэйтом, "История христианской религии", стр. 168.

"Вы, сыновья мои, - воскликнул провидец, - увидите его восхождение раньше, чем любая другая нация. Поэтому, как только вы увидите звезду, следуйте за ней, куда бы она вас ни привела; и

поклоняйтесь этому таинственному ребенку, предлагая ему свои дары с глубоким смирением. Он - Всемогущее Слово, сотворившее небеса".(124)

124) Там же, 169.

Уэйт обращает внимание на вывод Фабера о том, что это предсказание было сделано задолго до рождения Христа, и заявляет, что одной из причин такого вывода было то, что в древней ирландской истории появляется подобное пророчество — пророчество, которое было произнесено "Друидом из Бухары". Идентичность этого ирландского пророчества с восточным, приписываемым Заратустре или Зороастру, настолько необычна, что, по мнению Фабера, его можно объяснить только гипотезой "древней эмиграции из Персии в Ирландию северо-западным проходом, который принес с собой легенду".

Те, кто исследовал происхождение ранних Евангелий, утверждают, что история о волхвах и звезде появилась в Евангелии от младенчества в начале второго века и впоследствии была включена в подготовительные главы Евангелий от Луки и Матфея. Согласно Уэйту, существовала секта христиан под названием продицианцы, лидер которой Продик около 120 года н.э. хвастался, что у них есть священные книги Зороастра. Из дошедшего до нас фрагмента Хронографии Африкана следует следующее:

"Христос прежде всего стал известен из Персии. Ибо ничто не ускользает от ученых юристов этой страны, которые исследовали все с величайшей тщательностью. Поэтому факты, которые начертаны на золотых листах и хранятся в царских храмах, я запишу; ибо именно из тамошних храмов и связанных с ними священников было услышано имя Христа. Так вот, там есть храм Юноны, превосходящий царский дворец, храм, который построил Кир, этот царевич, обученный всякому благочестию, и в котором он посвятил в честь богов золотые и серебряные статуи и украсил их драгоценными камнями. ... Примерно в то же время (как свидетельствуют записи на табличках), когда царь вошел в храм с целью получить толкование определенных снов, священник Прупупий обратился к нему со следующими словами: "Я поздравляю тебя, учитель: Юнона зачала". "И царь, улыбаясь, сказал ему: "Зачала ли та, которая мертва?" И он сказал: "Да, та, которая была мертва, снова ожила и порождает жизнь". И царь спросил: "Что это? объясни мне это". И он ответил: "По правде говоря, учитель, время для этих вещей уже близко. Ибо в течение всей ночи изображения, как богов, так и богинь, продолжали бить по земле, говоря друг другу: "Приди, поздравим Юнону". И они говорят мне, Пророк, выйди вперед, поздравь Юнону, ибо ее обняли. И я сказал, как можно обнять ту, кого больше не существует? На что они отвечают, что Она снова ожила, и ее больше зовут не Юнона, а Урама. Ибо могущественное Солнце обняло ее".(125)

125) Гипполит, том ii., стр. 196.

Существует предание, которое утверждает, что в начале второго века святой Фома отправился миссионером в Парфию; что после того, как он посетил различные страны Парфянской империи, задержавшись на некоторое время в Балхе, столице Бактрии и древней резиденции магов, он отправился в Индию. Вскоре после визита Фомы в Персию и Индию в Палестине и прилегающих странах появилось Евангелие от Фомы, в котором излагались различные истории, очень похожие на легенды, встречающиеся в священных писаниях индусов. Сравнив

различные отрывки "Бхагават-пураны" с отрывками из "Младенчества" и предоставив убедительные доказательства того, что последний, должно быть, был скопирован с первого, Уэйт говорит:

"Следует сделать вывод, что, хотя некоторыми важными моментами Евангелий Раннего периода авторы были обязаны Зороастру и легендам Персии, общая схема истории была в значительной степени дополнена историей Кришны, отправленной обратно в Палестину апостолом Фомой из страны брахманов".

Что касается истории Ирода и его приказа умертвить всех младенцев мужского пола, то в пещере Элефанта, в Индии, было обнаружено скульптурное изображение огромной и свирепой фигуры с обнаженным мечом в окружении зарезанных детей, в то время как матери, кажется, оплакивают своих убитых. Говорят, что эта фигура относится к глубокой древности.

Мария, Мать Иисуса, подобно Май, Матери Гатамы Будды, рассматривалась некоторыми сектами в ранние века христианства как Бессмертная Девственница, о рождении которой возвестил ангел. (126) На самом деле она была древней Девой Сферы — Матерью Богов — Царицей Небес.

126) См. Евангелия от Марии и Протоэвангелия.

Как только Христос родился, он поговорил с Марией, как и Кришна со своей матерью, сообщив ей о своей божественной миссии.

Кришна был убаюкан пастухами, как и Христос. Канса, опасаясь потери своего царства, стремился лишить жизни божественного младенца таким же образом, как это сделал Ирод в случае с Христом. Обоих детей уносят ночью, после чего правитель страны отдает приказ о том, чтобы все маленькие дети по всему королевству были убиты.

Когда Иосиф и Мария прибыли в Египет, они посетили храм Сераписа, где "были собраны все должностные лица и жрецы идолов". Когда статую спросили о "ужасе, охватившем всю нашу страну", она ответила им следующим образом: "Сюда пришел неведомый бог, который воистину Бог; и нет никого, кроме него, кто достоин божественного поклонения; ибо он воистину сын Божий". И в то же мгновение этот идол пал, и при его падении сбежались все жители Египта, не считая прочих. (127) Похожая история рассказывается о Кришне. Этот индийский бог, такой же, как Христос, исцелил прокаженного. Женщина, вылив коробочку драгоценной мази на голову Кришны, была исцелена; точно так же женщина помазала голову Иисуса. Кришна, когда был еще совсем мальчиком, проявил недюжинные умственные способности и глубочайшую мудрость перед наставником, который был послан наставлять его. Христос поразил школьного учителя Закхея своей великой ученостью. (128)

127) Евангелие от младенчества, глава iv.

128) Евангелие от младенчества, глава xx.

Кришна пережил ужасную встречу со змеем Калинагой; младенец Христос также пережил ужасное приключение со змеем. Так вот, эта Калинага, с которой столкнулся Кришна, была

змеиной богиней, которой поклонялась секта в Индии, выступавшая против поклонения мужскому началу. Однако ранние христиане, не зная аллегорического значения легенды, передали ее Христу буквально.

Мать Кришны заглянула ему в рот и увидела все народы земли. Та же история рассказывается о Христе и его матери. Наконец, Христос, подобно Кришне, был распят и, подобно ему, погребен. Он спустился в ад, а на третий день воскрес и вознесся на небеса. (129)

129) Несомненно, будут настаивать на том, что я цитирую апокрифические Евангелия — что подлинные книги Нового Завета умалчивают о многих из этих восточных легенд. Однако мы должны иметь в виду, что в ранние века христианства эти окончательно отвергнутые Евангелия наравне с каноническими книгами рассматривались как слово Божье. "Младенчество" считается одним из самых ранних Евангелий. Иустин Мученик был знаком с ним в 150-160 годах нашей эры. На это ссылается Иринеи, 190 год н.э.

В поэтических мифах древних солнце ежегодно затмевается холодом или разрушительными силами Природы. Астрономически или астрологически оно блуждает во тьме и запустении в зимние месяцы; фактически умирает и нисходит в ад, чтобы воскреснуть в пасхальный сезон, чтобы снова порадовать и сделать все новым. Мифологически это новое солнце воплощается; снова входит в утробу своей матери и рождается в мир в образе человека, миссия которого состоит в обновлении человеческой жизни. Отсюда у нас есть объяснение восточных Будд и Кришн, все из которых родились от девственниц в день зимнего солнцестояния.

Новое солнце, которое, как верили более древние люди земного шара, в конце каждого цикла "выходило из чрева Природы, чтобы обновить мир", теперь, когда истины, лежащие в основе поклонения Природе, были утрачены, стало искупителем или посредником между землей и небом, или между духом и материей. Утверждается, что во время явления Христа не только евреи, но и персы, римляне, древние ирландцы и фактически все народы земного шара с тревогой ожидали события другого воплощения солнечного Божества; и что девушки всех классов и состояний находились в состоянии нетерпеливого ожидания, наиболее набожные или, по крайней мере, более амбициозные из них почти постоянно посещали храмы и святыни, куда они ходили, чтобы отдать дань уважения мужскому символу поколения, надеясь таким образом, что их будут чтить как Май или Марию.

На стене храма в Луксоре есть серия скульптур,

"в котором чудесное благовещение, зачатие, рождение и поклонение Амунофа III, сына царицы-девственницы Маутмес, представлено способом, подобным тому, который описан в Евангелии от святого Луки (гл. 1 и 2) об Иисусе Христе, сыне Девы Марии, и который также встречается в Евангелии от святого Матфея (гл. 1) в качестве дополнения, не встречающегося в самых ранних рукописях"(130). Этот факт побудил Шарпа, у которого цитируется приведенное выше, предположить, что оба рассказа могли быть египетского происхождения.

Титулы "агнец", "помазанник" и т.д., которые применялись ко Христу, все, по-видимому, связаны с прежними воплощениями солнца, первое из которых обозначало солнце в Овне.

Изображения распятого спасителя, найденные в Ирландии и Шотландии в сочетании с фигурами ягненка, быка или слона, последний из которых не является уроженцем этих стран, показывают, что они представляют не Христа, а распятого бога солнца, которому поклонялись жители Британских островов задолго до рождения великого иудейского философа и учителя.

Очевидно, что Кришна из Индии и Митра из персии предоставили копию для Иисуса Римской церкви, все они означают одно и то же — второе лицо в Солнечной Троице. Евреи, которые пытались игнорировать женское начало, называют этого Бога "Господом Саваофа" и "Богом Саваофа", что астрономически означает Бога звезд и созвездий, а астрологически - создателя или производителя множества людей. Об этом Боге, следовательно, автор "Анакалипсиса" говорит, что он был сыном небесной девы, которого она носит на руках; Гора, Люкс, египтян, Люкс святого Иоанна.

"Именно от этого младенца произошел Иисус; или, по крайней мере, именно от церемоний и поклонения этому младенцу эта религия превратилась в то, что мы имеем от нее. Этот младенец - семя женщины, которая, согласно Книге Бытия, должна была поразить голову змея, который, в свою очередь, должен был поразить его ступню или пятку, или ступню или пятку ее семени, как доказывает фигура индуса Кришны. Из традиционных историй об этом боге Иао, который, как считалось, ежегодно рождался в день зимнего солнцестояния, был предан смерти и воскрешен к жизни на третий день весеннего равноденствия, римские исследователи евангелиона или евангелия вычислили своего Иисуса. Полное разрушение всего в Иерусалиме и Иудее — зданий, записей, всего — помешало им прийти к какой-либо абсолютной уверенности в отношении этого человека, который, как им говорили по традиции, пришел проповедовать Евангелие мира, стать их спасителем, во исполнение пророчества, которое их секта израэлитов нашла в своих трудах, и который был предан смерти евреями. Из всех этих обстоятельств он пришел к тому, что на него нанесли монограмму Ihs.... и ему, наконец, были приписаны все легендарные истории, связанные с богом Иао".(131)

131) Годфри Хиггинс, "Анакалипсис", книга vi, глава iv, стр. 455.

Согласно Фаберу, первоначально Иисуса звали не Иисусом Христом, а Иешуа Хаммассией — Иешуа означает Иисус Навин и Иисус, Спаситель. Хам - это Ом Индии и Мессия, помазанник. Комментируя это, Хиггинс замечает: "Тогда это будет "Спаситель Ом Помазанник", именно так, как буквально предсказал Исайя; или, читая по-еврейски, "Помазанник Ом Спаситель". Это было имя Иисуса из Вифлеема".

Мы наблюдали тот факт, что во время рождения Христа весь мир ожидал Спасителя — нового воплощения солнца. Наступил конец цикла, и вся земля должна была пройти процесс обновления.

В поэме Вергилия, который был друидом, прославляется рождение чудесного ребенка, и пророчество языческой Сивиллы считается идентичным пророчеству Исайи.

"Наступил последний период, воспетый Сивиллиной-пророчицей; и великая череда эпох. Та Серия, которая повторяется снова и снова в ходе нашей мирской революции, начинается заново. Теперь Девственная Астрея возвращается с небес; и возобновляется первобытное царствование Сатурна; теперь новая раса нисходит из небесных царств святости. Ты, Люцина, благосклонно улыбнись рождению мальчика, который положит конец нынешнему железному веку и введет во всем мире новый золотой век. Тогда стада больше не будут бояться ярости льва, и яд змеи больше не будет страшен. Все ядовитые животные и все вредные растительные оболочки погибнут вместе. Поля пожелтеют от кукурузы, виноград будет свисать своими красными гроздьями с ежевики, а мед будет самопроизвольно выделяться из сурового дуба. Вселенский шар будет наслаждаться благословениями мира, находясь в безопасности под мягким влиянием своего нового и божественного суверена".

Нет недостатка в доказательствах того, что на протяжении нескольких столетий огромное количество христиан считали Христа солнечным воплощением, подобным тем, которые время от времени рождались в долинах Нила и Ганга. Отцы церкви называли Иисуса Христа Новым Солнцем, и на заре христианства египтяне чеканили монету, изображающую О. Б., или святого Василиска, с лучами света, исходящими из его головы, на обратной стороне которой было изображено "Иисус Христос как Новое солнечное божество".

Сходство, если не фактическая идентичность религии Христа и религии язычников во втором веке, показано разными авторами. Император Адриан в письме своему другу Сервиану говорит:

"Те, кто поклоняются Серапису, также христиане; даже те, кто называет себя епископами Христа, преданы Серапису... Для всех них есть только один Бог; ему поклоняются христиане, ему поклоняются евреи, ему поклоняются и все язычники".

Было сказано, что голова Сераписа дала первое представление о портрете Христа. Перед фигурой Сераписа в его храме обычно стояла Исида, Небесная Девственница, с надписью "Непорочна наша Госпожа Исида". В руке она держала сноп зерна.

Как Серапис, или Пан, в конце концов стал Христом, так и Исида, или Царица Небес, стала его матерью, и последней были переданы все титулы, церемонии, праздники и времена года, которые с древнейших времен принадлежали великой Богине Природы. Впоследствии, вероятно, примерно в конце второго века, христианство начало медленно выходить из культа Митры и Сераписа, "меняя имена, но не суть".

На монетах Константина значится *Soli Invicto Comita* — "Непобедимому солнцу, моему спутнику или хранителю", и когда греческие и римские христиане, наконец, отделились от огромной массы языческих верующих, они извинились за празднование дня рождения своего Спасителя 25 декабря, сказав, что "они могли бы лучше совершать свои обряды, когда язычники были заняты своими". Мы уверены, что ранние христиане не меньше, чем маджи, признавали Митру первой эманацией Ормузда, или Бога Света. Он был Спасителем, который в более раннюю эпоху олицетворял возвращающуюся жизнь — ту, что следует за зимними холодами. Несомненно, именно в то время, когда многие из так называемых христиан поклонялись персидскому Митре, они получили свои первые представления о бессмертии души и будущих наградах и наказаниях.

Аналогия, существующая между праздниками, временами года, мифами и т.д. О различных воплощениях солнца, которым поклонялись ранние исторические народы, и теми, кто принадлежал к христианству, слишком поразительна, чтобы быть результатом случайности.

Первоначально Будда представлял солнце в Тельце. Кришна был солнцем в Овне. Труды и страдания Геракла, бога, который был воплощением последнего, изображают историю прохождения солнца через знаки Зодиака.

Все основные события жизни Христа соответствуют определенным солнечным фазам; или, другими словами, все церковные календари составлены в соответствии с праздниками, посвященными важным событиям его жизни, от его зачатия и рождения до его вознесения и принятия на небесах. Все без исключения солнечные божества родились в полночь 25 декабря, в то время, когда солнце достигло своего самого низкого положения и начинает восходить. Макробий, ученый римский писатель, отмечает, что ранние исторические народы "верили, что солнце выходит, как младенец из колыбели, в день зимнего солнцестояния". Нейт создан для того, чтобы сказать: "Солнце - плод моего чрева".

15 августа, день успения, время, когда Мария, мать Иисуса, возносится на небеса, - это день, когда зодиакальное созвездие Девы, "греческая Астрея, покидает европейский горизонт", а "8 сентября, когда Дева появляется из солнечных лучей, считается священным как Рождество Царицы Небесной".

Беда говорит о празднике середины зимы: "Язычники этих островов начинали свой год восьмого января по календарю, который сейчас у нас считается Рождеством. Ночь перед этим (канун 24 декабря) была названа ими Медре-Нак, или Ночью матерей, из-за церемоний, которые были совершены в ту ночь". (132)

132) Реки жизни, том i, стр. 430.

Среди христиан, как и среди язычников, Рождество праздновалось в честь "возвращающегося света", весеннего равноденствия, "растущего света", и дня Святого Иоанна, "совершенного света".

В Англии, у саксов-язычников, праздник середины зимы длился двенадцать дней, в течение которых поклонялись свету, огню, солнцу, огромным камням и другим подобным проявлениям Божества. Как христиане, так и язычники поклонялись этим предметам. Они называли Рождество "днем рождения бога, который есть свет". Спаситель, или Новое Солнце, был истинным светом, который озаряет каждого человека, приходящего в мир. По свидетельству различных авторов, праздник, проводимый христианами в канун Рождества, раньше напоминал Праздник Огней, отмечаемый в Египте в честь Нейт. Жетонами, которые раздавали друзьям, были пирожные из теста в форме младенцев. Эти пирожные назывались юледоу. Dow означает "становиться больше" или "увеличиваться".

Январские календы в Риме были посвящены Янусу и Юноне, которым приносились жертвы. Этруски также поклонялись Янусу, который был богом (или богиней) года. Хотя это Божество не фигурирует среди двенадцати богов, говорят, что оно является родителем их всех. Он был представлен как имеющий две грани. На одной были буквы, обозначающие 365, а на другой - ключи жизни и смерти. Согласно Брайанту, это Божество называлось Юониус, в честь богини

Юноны, чье имя сводится к Джуне, голубке. На иврите это имя идентично Йони или Юни - женскому началу. На монетах этого бога (который впоследствии считался мужчиной) обычно изображена лодка, хотя иногда наблюдается голубь с оливковой ветвью.(133)

133) См. Фабер, Языческое идолопоклонство.

Считается, что Юнона - это то же самое, что и Яна, которая произошла от еврейского Jah. Диана была Дива Джана или "Деа Джана, которая такая же, как Астарта или Аштарот сидонян".

Что касается переноса языческого праздника середины зимы по христианскому календарю, Форлонг говорит:

"Ранние христиане, несомненно, выбрали эти римские Сатурналии как важный период в жизни Христа, сначала назвав его временем его зачатия, а затем и рождения, причем последнее лучше всего соответствовало взглядам и чувствам их единохристианских паств. Евреи называли день Зимнего солнцестояния постом Тебет. Предыдущий раз была тьма, а 28-го начался их Праздник Огней".(134)

134) Реки жизни, том i, стр. 430.

Во Франции древнее название Рождества - Нозль, термин, который до недавнего времени ставил в тупик все антикварные исследования. Сейчас считается, что оно образовано от Nuadh и Vile, которые вместе означают "Все исцелять".

Хотя были предприняты все возможные усилия, чтобы придать этой дате (25 декабря) видимость подлинности как рождения Христа, все же, насколько я могу судить, никто, аккредитованный с какой-либо степенью достоверности, никогда не был достаточно опрометчив, чтобы попытаться утвердить ее как исторический факт.

Тайлор обращает внимание на тот факт, что в религиозной символике материального и духовного солнца Августин и Григорий Нисский рассуждают о "растущем свете и уменьшающейся тьме, которые следуют за рождеством", и приводит пример Льва Великого, который в проповеди осуждает "пагубное убеждение, что этот торжественный день следует чтить не за рождение Христа, а за восход Нового Солнца".

Со слов того же прелата выясняется, что в пятом веке верующие, прежде чем войти в базилику Святого Петра, имели обыкновение оборачиваться и приветствовать сияющее светило дня.

Римский праздник зимнего солнцестояния, который был связан с поклонением Митре и который был назван "Днем рождения Непокоренного Ома", был принят западными церквями некоторое время назад, в четвертом веке. С запада он перешел в восточные церкви, где в конце концов стал "торжественной годовщиной рождества Христова".

Раньше в Ирландии церемонии, связанные с праздником середины зимы, считались чрезвычайно важными. Незадолго до наступления зимнего солнцестояния по всему острову раздались голоса, провозглашавшие: "Новый год близок! Соберите Омелу!" Венки из омелы, составлявшие главное украшение храма Венеры, поначалу были запрещены христианскими

проповедниками, но со временем они не только проникли в святилище, но и заняли место над алтарями, их конечным значением было "добрая воля к людям".(135)

135) Реки жизни, том i, стр. 81.

Хотя знаки дружбы, которые раздавались язычниками во время праздника середины зимы, несколько отличались от тех, которыми в настоящее время обмениваются христиане в то же время года, все же не может быть никаких сомнений в том, что рождественская елка, нагруженная подарками, является остатком того поклонения, при котором солнце признавалось источником, из которого истекают все благословения. Вплоть до позднего времени огонь был заметным элементом на празднике зимнего солнцестояния. Когда святочное полено разгоралось в очаге, наши предки устанавливали огромные камни и танцевали вокруг них, поклоняясь таким образом богу плодородия.

20 и 21 марта солнце освещает ровно половину земли. В это время День побеждает Ночь. Свет сверг Тьму с престола, была одержана полная победа над Тифоном, и новый бог выходит "с исцелением на крыльях своих". В день Богородицы, 25 марта, Дева зачинает. В Финикии были учреждены многочисленные праздники, чтобы вместе с Астартой порадоваться ее зачатию. В течение месяцев, предшествующих рождению юного бога солнца, Царице Небес оказывалось особое почтение.

В предыдущей части этой работы мы отмечали, что праздник, посвященный возвращению весны, был учрежден изобретателями Нероса за тысячи лет до начала христианской эры, чтобы отпраздновать весеннее равноденствие и ознаменовать возвращение щедрот Природы; но после того, как мужская репродуктивная сила стала рассматриваться как создатель, когда страсть стала рассматриваться как движущая сила во вселенной, и когда действия Природы стали олицетворяться мертвецом на кресте, который должен был воскреснуть, Пасха стала отмечаться в память о воскресшем спасителе или бог солнца.

Ниже приводится отчет о праздниках весеннего равноденствия на Востоке, приведенный в книге Рамзи "Путешествия Кира". Когда Кир вошел в храмы, он увидел публику, одетую в траур. В пещере лежало изображение юноши (умирающего спасителя) на ложе из цветов и пахучих трав. Девять дней было проведено в посте, молитвах и причитаниях, после чего всеобщая скорбь прекратилась и сменилась радостью. Песни радости сменились плачем (по Тамузу), все собрание распевало гимны: "Адонис возвращен к жизни, Урания больше не плачет, он вознесся на небеса, он скоро вернется на землю и навсегда изгонит отсюда все преступления и несчастья". Следует помнить, что эта сцена была представлена за 500 лет до рождения Христа. В Риме в течение месяцев, предшествующих зимнему солнцестоянию, Хилария, или Церера, пользовалась особым почетом. Аполлон и Диана вошли 7 апреля по юлианскому календарю, а 10-го начались их религиозные праздники.

Пасхальным утром, в ранние века существования церкви, обряды христиан были точно такими же, как и у так называемых язычников: все вместе спешили выйти задолго до рассвета, чтобы увидеть восход солнца, или "танец", как они это называли, ибо в это утро он должен был "заставить землю смеяться и петь". Язычники и христиане одинаково приветствовали друг друга приветствием "Господь воскрес", и ответом было "Воистину, Господь воскрес". Пасхальным

утром крестьяне Саксонии и Бранденбурга все еще взбираются на вершины холмов, "чтобы увидеть, как солнце совершает свои три радостных прыжка".

В книге Бакленда "Земля и вода" утверждается, что первого мая все хористы колледжа Магдалины в Оксфорде по-прежнему собираются на вершине своей башни высотой 150 футов и поют латинский гимн на восходе солнца, во время которого звонят десять колоколов "в честь милостивого Аполлона". Раньше здесь служили великую мессу, а ранняя месса в честь Сола проводилась в часовне колледжа, но, поскольку во времена Реформации эта служба была запрещена, "с тех пор ее совершают на вершине башни". После исполнения гимна "мальчики громко трубят Соль в новые блестящие жестяные рожки".

Возможно, ни одна из идей, которые входят в современные религиозные обряды и церемонии, не провозглашает свое восточное происхождение с большей силой, чем идеи, связанные с почитанием огня. Свидетельства всех авторов, пишущих на эту тему, сходятся в том, что в Европе, вплоть до позднего периода христианской эры, огню все еще поклонялись и он каким-то таинственным образом был связан с Творцом.

Что касается продолжения поклонения солнцу и огню до наших дней, то утверждается, что древние костры, от которых мили за милями горели холмы Северной Германии, не совсем отменены местными обычаями. В Ирландии еще в 1829 году все еще действовал древний ханаанский и еврейский обряд прохождения детей через огонь в качестве очищающего или регенерирующего процесса. Рассказывают, что в указанное время года в общественных местах разжигались большие костры, и в таких случаях отцы, беря своих детей на руки, прыгали и пробегали сквозь пламя. В то же время на небольшом расстоянии друг от друга были разожжены два больших костра, через которые прогоняли скот. Считалось, что с помощью этой церемонии передается плодovitость как человеку, так и животному. Май, месяц, в который вся Природа возрождается и в котором жизнь начинается заново, - это время, выбранное для зажигания этих священных огней. Май - месяц огней Ваала. Согласно Морису в его работе о древностях Индии, фестиваль и майский столб Великобритании являются остатками религиозной церемонии, некогда распространенной в Египте, Индии и Финикии, все народы которой, поклонявшиеся одному и тому же Божеству, отмечали вход солнца в знак Тельца в день весеннего равноденствия, но которая из-за прецессии равноденствий в течение года значительно отклоняется от своего первоначального положения. Считается, что этот праздник ровесник того времени, когда на самом деле происходило равноденствие. Раньше это было в честь богини Бхавании, которой под разными именами когда-то поклонялись во всех странах земного шара. "Она идентична Деа Сириа из Халдеи и Венере Урании из Персии".

В настоящее время имеются прямые и неоспоримые доказательства того, что священные огни когда-то пылали по всей Британии. За несколько дней до начала сезона сбора урожая было приказано погасить все костры, чтобы первого мая зажечь их заново священным огнем, добытым прямо с солнца. О поклонении огню Толанд замечает:

"В майский день друиды разжигали огромные костры на этих пирамидах, которые, поскольку каждая находилась на виду у другой, не могли не произвести великолепного впечатления на всю нацию. Эти костры были устроены в честь Била, или Bealan, латинизированного римскими авторами в Belanus, под этим названием галлы и их колонии понимали солнце, и поэтому до сих пор первое мая у ирландских аборигенов называется la Bealtine, или днем Белановых костров. Первомай также называют la Bealtine шотландские горцы, которые не являются презренной

частью кельтского потомства. Так и с островом Мэн: а в Арморике священника зовут Бели, или слуга Бела, и священство принадлежит ему".(136)

136) Цитируется Годфри Хиггинсом, "Кельтские друиды", ч. v., стр. 181.

Вплоть до сравнительно недавнего времени на Британских островах молодежь обоего пола вставала задолго до рассвета первого мая и большими компаниями отправлялась в лес собирать там цветы, сучья и ветки, которые по возвращении ночью использовались для украшения их домов. Этот праздник считается самым древним из всех известных, и в более ранние и чистые века человеческой веры его отмечали в честь возвращения весны. Однако в более поздние века, после того как страсть стала единственным признанным богом, Первомай праздновался со "всевозможными непристойностями".

Хотя необразованные массы галлов поклонялись Аполлону, Меркурию и Марсу, не понимая их истинного значения, друиды, которых считают пифагорейцами, призывали одну великую силу, оживляющую вселенную, сущность которой, по их мнению, заключается в огне.

Сообщается, что, хотя после введения римско-католической церкви майские огни все еще продолжали зажигать в день Святого Валентина, более впечатляющие церемонии состоялись 23 июня, накануне рождества святого Иоанна. Ранние проповедники, желая считаться с предрассудками и обычаями народа, "но не для того, чтобы мешать празднованию Пасхи в день весеннего равноденствия, сохранили церемониал Бил-Тин, только перенесли его на день святого". Об этих фестивалях огня и их принятии христианской церковью Тайлор говорит:

"Фестиваль солнечного Рождества начинается в середине лета. Летнее солнцестояние было великим сезоном фестивалей огня по всей Европе на высотах, танцев вокруг костров и прыжков через них, когда пылающие огненные колеса скатывались с холмов в долины в знак захода солнца. Эти древние обряды были привязаны в христианском мире к кануну Святого Иоанна.

"Похоже, что тот же самый ход символики, который приспособил праздник середины зимы к Рождеству Христову, возможно, предполагал посвящение праздника середины лета Иоанну Крестителю, что является явным намеком на его слова "Он должен увеличиваться, а я должен уменьшаться" ".(137)

137) Тайлор, Первобытная культура, том ii., стр. 271.

В недавно приведенном описании "моральной, религиозной и социальной болезни", вспыхнувшей в 1374 году н.э. в регионе нижнего Рейна и названной "возможно, величайшим из всех проявлений одержимости", Эндрю Д. Уайт говорит: "Непосредственным источником этих проявлений, по-видимому, были дикие пирушки в День Святого Иоанна".(138)

138) Рор. Наука, том. xxxv., стр. 3.

По этому поводу Толанд замечает, что он видел, как жители Ирландии бегали и прыгали через костер Святого Иоанна, гордясь тем, что прошли через него незапятнанными. Хотя они и не знали о происхождении этой церемонии, они, тем не менее, рассматривали ее как своего рода очищение, посредством которого они должны были получить особое благословение.

К каждому домашнему очагу приносили семя Бил-тина, или огня Святого Иоанна, которому в течение года не разрешалось гаснуть.(139)

139) Хотя сохранение священного огня в каждом очаге было явно религиозным обрядом, все же, поскольку в те дни не было спичек, материальная выгода, которую можно было извлечь из этой меры предосторожности, несомненно, имела значение помимо того, что связано с богослужением.

Согласно свидетельству Тайлора, праздник Иоанна Крестителя отмечался в Германии с самого позднего времени. Этот автор, цитируя нижненемецкую книгу 1859 года, ссылается на "костер кивка", который был выпилен из дерева для разжигания костра Святого Иоанна, "через который люди прыгали, бегали и гнали свой скот".

Что касается поклонения Огню и Свету, то сообщается, что в Иерусалиме в настоящее время пасхальную службу совершает епископ церкви, выходящий из гробницы с зажженными свечами, "от которых все жаждут света".

Опираясь на авторитет Петра Мученика, епископа Александрийского в третьем веке, нам сообщают, что в том месте в Египте, куда был изгнан Христос, которое называется Матуреа, постоянно горит лампада в память об этом событии. Хотя история этого изгнания, несомненно, заимствована из жизни индуистского бога Кришны, факт очевиден: те, кто присвоил ее и использовал для улучшения мифической истории Христа, не испытывали угрызений совести против поклонения огню — религии, которую нас учили считать принадлежащей исключительно язычникам.

В церковных процессиях Римской церкви часто можно наблюдать фигуру дракона, в пасти которого горит "святой и вечный огонь". Мальчик следует за процессией с зажженной свечой, чтобы в случае, если огонь погаснет, его можно было зажечь снова. Касаясь этого предмета, преподобный Дж. Б. Дин говорит:

"Всю церемонию можно рассматривать как живое представление офитской процессии, продвигающейся по извилистым параллелям Карнака. Так что неудивительно, что неграмотные народы были обмануты, думая, что нет ничего плохого в том, чтобы называть себя христианами, ибо все их дорогие старые религии здесь — огонь, ковчеги, шесты и огонь в ковчеге".

Различные авторы приводят почти бесчисленные примеры по этому поводу, показывающие, что поклонение солнцу древних продолжается до настоящего времени так называемыми последователями Христа в святилищах Востока, без изменения даже названий, отличающих его от поклонения христианской вере. Те, кто потратил много времени на изучение Святой Земли, рассказывают, что почти все места в Иерусалиме и его окрестностях, священные для греческих и римских христиан как связанные с жизнью и смертью их воскресшего Господа, одинаково священны для язычников как посвященные жизни и смерти их Спасителя — Нового Солнца. Даже Гефсимания отмечена характеристиками, доказывающими, что она не менее интересна язычникам, или, точнее говоря, языческим последователям Христа, чем последователям греческой и римской церквей. Здесь находится священное дерево, а неподалеку - пещера Митры. Также можно увидеть троицу камней "Януса (Чемоша), Петроса и Иона, все они имеют солнечные обозначения и связаны с сидением или опусканием на покой Куроса".

Господа . Мандрелл и Сэндис, которые в 1697 году посетили все святы места в Иерусалиме и его окрестностях, утверждают, что весь город, но особенно места Мориа, Сион и пригороды были очагами огня и фаллического культа, который обычно развивается до сих пор на Востоке.

Топография древних Дельф, на месте которых была построена деревня Кастри и в этом месте сейчас ведутся раскопки под руководством Американской школы археологии, всегда представляла особый интерес для мистиков. Здесь можно найти все природные особенности и предметы, которые радуют сердце и стимулируют воображение поклоняющегося соло-фаллику. Святая гора Парнас, фонтан Кастали, глубокая пещера, которую называют Пифийской, и остатки огромных гробниц, высеченных в скалах, - все это делает это место идеальной обителью бога или богини плодородия. Здесь тоже есть прекрасное озеро, а рядом с ним священная смоковница, в которую ударила молния, или "коснулся священный огонь". Об этом священном месте Форлонг пишет:

Христианство никогда не пренебрегало этим так называемым языческим святилищем и все же неправильно понимало его, если мы можем судить по святому, которого оно здесь обнаружило, ибо мистер Хобхаус нашел в скалистой расщелине Касталии, залитой росой, но надежно укрытой в скальной нише, христианскую святыню; и рядом с хижинкой, называемой церковью Святого Иоанна; да, воистину, Ионы, той, кто некогда безраздельно царила здесь; в то время как на зеленом участке в нескольких ярдах ниже бассейна, в небольшой оливковой роще, стоял монастырь Панхагии, или Святой Девы, так что что здесь, рядом с ее священным телом в расщелине, мы все еще видим мужчин, посвятивших свою мужественность старой Матери и Царице Небесной, как будто о ней из Сирии никогда не слышали.

"Несомненно, они мало что знали о том, что цивилизованная Европа называет христианством, поскольку я провел много дней, беседуя с такими людьми, и не видел большой разницы между ними и теми, кто находится в аналогичном положении на Дальнем Востоке, хотя греки и сирийцы — истовые христиане".

Пожалуй, ничто так не показывает степень сохранения христианством религии язычников, как поклонение змею. Было сказано, что эта рептилия входит во все дошедшие до нас мифологии. Фергюсон является авторитетом в утверждении, что "его можно найти в пустыне Синай, в рощах Эпидавра и в самофракийских хижинах". Он представляет собой важный фактор в религиозном поклонении Индии, Ассирии, Палестины и Египта, и, несмотря на тот факт, что он не является уроженцем Ирландии, в более раннюю эпоху его изображения в изобилии появлялись среди символов этой страны. Было сказано, что едва ли найдется известная египетская скульптура, в которой не фигурировала бы эта рептилия. Змейвсякий раз, когда он появляется в качестве религиозной эмблемы, всегда олицетворяет желание — творческую энергию, — которая, исходя от солнца, проявляется в человеке и животных. Будь то настоящая змея в ящике, змея, связанная с фигурой женщины, или в виде резного изображения на памятниках или камнях, или в виде цепей или венков на колоннах, барельефах или фризах, значение одно и то же.

Священный характер этой рептилии у гностиков подтверждается рассказами об их религиозных обрядах и церемониях. Многие из этих сект хранили это святое создание в шкатулке, ковчеге или сундуке, и когда должно было совершиться евхаристическое богослужение, его выманивали из места его упокоения кусочком хлеба. Как только его святейшество извелся из-за приношения, жертвоприношение было завершено, и служба завершилась "пением гимна Всемогущему Богу и молитвой о принятии в змее и через нее".

В более поздние века, когда была предпринята попытка искоренить поклонение змеям в христианской церкви, лидеры движения заявили, что офиолатрия была завезена из Персии — что ее принесли невежественные приверженцы, которые были слишком слабы, чтобы отречься от своей прежней веры.(140)

140) Долгие Реки Жизни.

Степень, в которой символы, представляющие культ Змеи, Солнца, Деревя и Растения, все еще сохраняются как неотъемлемая часть символики христианства, показана в следующем отчете о принятии печати пресвитерианской церковью, который появился в ежедневной прессе всего несколько лет назад.

"После открытия ассамблеи комитет по выбору печати подготовил доклад, в котором рекомендовал: Настоящим Генеральная ассамблея утверждает в качестве своей официальной печати изображение змеи, подвешенной на кресте, воздвигнутом в дикой местности, в форме, изображенной на официальной печати попечителей генеральной ассамблеи, и изображенной на круглом поле тех же пропорций. В дополнение к этому над границей пустыни появляется фигура восходящего солнца, чьи исходящие лучи должны занимать центр поля. Кроме того, украшение в виде полувенца из двух пальмовых ветвей (в форме венка на печати Вестминстерской ассамблеи богословов), размещенного по краю верхней полусферы поля; а на нижней полусфере поля полувенок, состоящий из дубовой ветви, соединенной с оливковой. Далее, слова девиза "Христос возвышенный Сальватор" должны быть изображены полукругом в верхней части поля, по обе стороны от знамени с крестом, и, охватывая все это бордюром, следующие слова, полностью или в надлежащем их сокращении: "Печать Генеральной Ассамблеи Пресвитерианской церкви в Соединенных Штатах Америки".

Происхождение обряда Крещения, совершаемого в настоящее время в христианских церквях, можно непосредственно проследить до поклонения солнцу, в котором, как предполагалось, обитали репродуктивные силы Природы. У всех народов были церемонии, соответствующие нашим обрядам крещения и конфирмации, причем такое крещение было либо огнем, либо водой. Когда мы вспоминаем, что на протяжении веков плодovitость, или способность к воспроизводству, составляла представление о Божестве, мы не удивляемся, обнаружив, что первоначальное значение обряда крещения имело и до сих пор имеет в некоторых восточных странах особое отношение к сексуальным обязательствам ребенка.

В Индии религиозные обряды, совершаемые над человеком, происходят при рождении или вскоре после него; при обручении, которое происходит в детстве; в период полового созревания; при вступлении в брак и после смерти. Следует отметить тот факт, что все сексуальные (духовные) обязательства и сезоны относятся к сфере священнического надзора. Ребенок при крещении посвящается Весте, или Гестии, Царице Очагов и Домов, божеству, которое, как предполагается, должно помочь ему в обретении особого свидетельства божественного благоволения, а именно плодovitости тела.

Среди индусов и евреев чрезмерное размножение было знаком благосклонности Господа. В Индии для бездетных женщин был устроен особый ад, а для еврейки никакое проклятие не было равно бесплодию.

Считается, что крещение, или церемония, связанная с наречением детей в христианских странах, идентична той, что проводилась в Мексике у ацтеков. После того, как губы и грудь младенца были окроплены водой, Господа умоляли "позволить святым каплям смыть грех, который был дан ему до основания мира, чтобы ребенок мог родиться заново".

Среди просьб, обращенных к Божеству, есть следующая: "Даруй нам, по твоей великой милости, твои дары, которые мы недостойны получить по нашим собственным заслугам". В их моральном кодексе фигурируют такие максимы: "Сохраняй мир со всеми; переноси обиды со смирением; Бог, который видит, отомстит за тебя". "Тот, кто слишком любопытно смотрит на женщину, совершает прелюбодеяние своими глазами". (141)

141) Цитируется Прескоттом из "Саагуна". Завоевание Мексики, книга i, глава 3.

ГЛАВА XIV. ХРИСТИАНСТВО КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ЯЗЫЧЕСТВА— (Продолжение).

Из фактов, изложенных на предыдущих страницах, мы увидели, что истинное христианство было всего лишь продолжением того великого движения, которое началось в Персии семь или восемь веков назад и набравшее силу благодаря гуманным доктринам, изложенным в различных школах греческой философии.

В первом веке христианской эры среди различных сект, особенно у гностиков, можно наблюдать стремление популяризировать учения древней расы и подчеркивать те принципы, которым учили Будда, Пифагор, философы-стоики, римские юристы и другие. Другими словами, целью новой религии было стимулировать альтруистические качества, которые были развиты в ходе эволюционных процессов, и укреплять и поощрять почти забытые принципы справедливости и личной свободы, на которых было основано раннее общество, но которым на протяжении веков чувственности и эгоизма было отказано в выражении.

Когда мы вспоминаем упорство, с которым человеческий разум цепляется за устоявшиеся верования и формы, возможно, нет ничего удивительного в том, что за сравнительно короткое время эти принципы были упущены из виду и что была восстановлена вся система развращенного язычества с Христом как Новым Солнечным Божеством; не удивительно и то, что принципы, провозглашенные этим Великим Учителем, в настоящее время только начинают пониматься, когда мы размышляем о времени, необходимом для сколько-нибудь заметных изменений в человеческом мышлении и действиях.

Тому, кто внимательно изучает историю христианства в свете недавно открытых истин, несомненно, откроется тот факт, что фундаментальное различие, существующее между

католической и протестантской сектами, основано на старой вражде, возникшей из-за относительной важности принципов пола. Со времен Зороастра и до окончательного утверждения христианства Павлом тенденция — хотя и незначительная — была направлена на возвышение женщины и, следовательно, на большее признание женского элемента в идее бога. Значительный импульс делу улучшения положения женщин был придан доктринами различных философских школ Греции, а впоследствии усилиями римских юристов по установлению их равенства с мужчинами перед законом; следовательно, в течение первых столетий христианской эры "новая религия", по-видимому, содержала большую часть духа древней философии.

Согласно некоторым раннехристианским сектам, вторым лицом в троице была женщина, как и Святой Дух.

Во "фрагменте Евангелия, сохраненного святым Иеронимом и, как полагают, взятого из оригинального арамейского Евангелия от Матфея с дополнениями, Святой Дух (руах), который на иврите женского рода, назван младенцем-Спасителем "Моя Мать, Святой Дух" ".(142)

142) Барлоу, "Очерки символизма", стр. 135.

Миссией Христа было Возрождение человечества, служение, символом которого были силы солнца. Он должен был восстановить то, что было утрачено. Он пытался донести до широких масс людей давно забытые принципы чистоты и мира. Он не осуждал женщину. Он был крещен Иоанном (Ион или Йон) в воде, первоначальном символе женского начала, и находясь в воде, Святой Дух в виде голубя (женщины) сошел на него. Для тех, кто обратил внимание на символику языческого богослужения, эти факты не лишены значения.

Из-за особой направленности учений Христа женщины вскоре стали активными участниками их распространения. Если бы не было других доказательств того, что они публично проповедовали новые доктрины, предписание святого Павла "Я не позволяю женщине учить", по-видимому, подразумевало бы, что они не молчали.

Доктрины гностиков были особенно благоприятны для женщин. Марцеллина, принадлежавшая к этому ордену, была основательницей секты под названием Marcelliens. О ее работах Уэйт замечает: "Вряд ли можно было ожидать, что еретические труды женщины сохранятся среди такого массового уничтожения отвратительных произведений противоположного пола. Труды Марселлины погибли". (143) Женщины не только публично преподавали и писали, но, согласно Бунзену, они претендовали на привилегию крестить представителей своего пола. Причина этого очевидна. Перед крещением было принято, чтобы новообращенные разделись догола и были помазаны елеем. Однако после утверждения доктрин Павла "епископы и пресвитеры не захотели освободиться от приятной обязанности крестить новообращенных женщин".(144)

143) История христианской религии, стр. 405.

144) Там же, стр. 23.

Хотя были предприняты все усилия, чтобы скрыть тот факт, что женщины наравне с мужчинами исполняли обязанности, связанные с ранней церковью, все же у тех, кто обратил внимание на истинную историю этого движения, не может быть никаких сомнений по этому поводу. Несмотря на ранние тенденции "новой религии" к признанию женщин и восстановлению женского начала в Божестве, политика, которую должна была проводить церковь, вскоре стала очевидной, поскольку Павел, настоящий основатель системы, называющей себя христианской, и человек, проникнутый азиатскими предрассудками в отношении женщин, высокомерно заявил, что "мужчина - глава женщины, как Христос - глава Церкви". Женщинам было приказано находиться в повиновении. Не мужчина был создан для женщины, но и женщина для мужчины; таким образом, была восстановлена и подчеркнута абсурдная доктрина лингаитов о том, что мужчина - это независимая сущность, что он является духом и превосходит женщину, которая является материей. После этого указания на политику, которая будет проводиться при новом режиме, вряд ли можно было ожидать, что усилия, предпринятые различными сектами среди гностиков по восстановлению женского элемента либо на земле, либо на небесах, будут успешными, и, как можно было ожидать из уже приведенных фактов, уже в 325 году на соборе в Ницце была официально учреждена мужская троица, и вскоре после этого коллилидианцы, секта, которая строго придерживалась поклонения женскому началу, были осуждены. На Лаодикийском соборе в 365 году н.э. 11-е правило запрещало рукоположение женщин для служения, а 44-е правило запрещало им входить в алтарь.

Приверженцы женского культа, хотя и замолчали на некоторое время, очевидно, не были убеждены, и, чтобы привести свое понимание в соответствие с недавно установленным порядком, несториане в 430 году нашей эры возобновили старый спор и официально отказали Марии в титуле Божьей Матери. Их усилия, однако, были малоэффективны, поскольку в 451 году на Эфесском соборе, третьем всеобщем соборе, решение несториан было отменено, и Дева-Мать была восстановлена. По этому поводу Барлоу замечает: "Вполне возможно, что те, кто сделал эту символическую доктрину такой, какой она является сейчас, в конце концов захотят воздать запоздалую справедливость женскому элементу, выдвинув мать на место, некогда занимаемое египетской Нейт, и короновав ее Царицей Небесной". (145) Однако, несомненно, будет замечен факт, что римской церковью представление о богине-матери сильно отличается от представления о Царице Небесной — изначальном Боге древних. Мария, Мать Иисуса, не Творец, а просто посредница между своим Сыном и Его земными почитателями — доктрина, лишь немногим менее мужская по своей сути, чем доктрина Всемогущего Отца и его сына-жертвы. Поклонение Марии было принято так называемыми христианами в ответ на страстное желание человеческого сердца признать те черты характера, которые развились в человечестве и о которых можно сказать, что они содержат в себе зародыш божественного. Еврейского бога мужского пола боялись, но не любили, и его сын уже был наделен его атрибутами. Он был всемогущ, поэтому была необходима посредница, мать, чтобы заступиться за падшего человека, и это тоже, несмотря на тот факт, что женщина стала "причиной зла в мире".

Великая Богиня древних, Проницательная Мудрость, Божество отдачи, она, которая олицетворяла чисто альтруистические черты, развитые в человечестве, и чье поклонение предполагало научное знание процессов Природы, будучи привитой к так называемой христианской системе, хотя и указывала на важный шаг к признанию подлинных созидательных принципов, не была понята. Хотя ее изображения были привезены с Востока и созданы для исполнения долга как изображения Марии, Матери Христа, знание о ее истинном значении скрывалось за веками чувственности и эгоизма.

Теми, кто взял на себя труд исследовать этот предмет, было замечено, что в Италии едва ли найдется хоть одна старая церковь, в которой не было бы остатков черной девы с младенцем. В очень многих случаях эти черные девственницы были заменены белыми, а более старые фигуры были помещены в какую-нибудь уединенную нишу в церкви, где они считаются особенно священными для невежественных приверженцев, которые абсолютно ничего не знают об их первоначальном значении. Нас заверили, что многие из этих изображений были закрашены, якобы для имитации бронзы, но белки глаз, зубы и раскрашенные губы показывают тот факт, что на самом деле они изображали не бронзу, а фигуры чернокожей богини-девственницы с младенцем, поклонение которым было завезено в Европу с Востока. Мне сказали, что одно из старейших из сохранившихся изображений находится в Аугсбурге; однако тщательные поиски во всех церквях и соборах этого города не позволили обнаружить его, но в музее Мюнхена такую фигуру можно увидеть. Она находится в состоянии ветхости, одна рука матери и часть фигуры ребенка стерты. По этому поводу Годфри Хиггинс замечает:

"Если бы автор хотел изобрести обстоятельство, подтверждающее утверждение, что римский Христос Европы - это Кришна Индии, как он мог желать чего-то более поразительного, чем тот факт, что черная дева с младенцем так часто встречается в римских странах Европы? Чернокожая девственница с младенцем среди белых немцев, швейцарцев, французов и итальянцев!!!"(146)

146) Анакалипсис, книга iv, глава i, стр. 175.

Мы заметили, что в более раннюю эпоху в истории религиозного культа, поскольку предполагалось, что женщина олицетворяет как женский, так и мужской элементы в творении, повсюду поддерживалась вера в возможную творческую силу женщины независимо от мужчины, и что после возникновения раскольнической фракции, которая пыталась возвеличить мужчину, рождение сына женщиной без помощи мужчины стало у йонигов знаком, который навсегда разрешит вопрос о высшей важности женских функций в процессах воспроизводства, а следовательно, и о ее притязаниях на большее значение в жизни человечества. божество.

Священные книги Индии показывают, что из прежней веры в тот или иной из двух созидательных принципов Природы как в Бога люди пришли к принятию как женского, так и мужского начала как необходимых элементов для размножения, причем последний является более важным. Со временем это изменение, по-видимому, стало всеобщим и распространилось на все страны земного шара.

Поскольку мужчина не мог творить независимо от женщины, или, поскольку дух в своих проявлениях зависел от материи, возникла необходимость в Спасителе, который должен был

искупить мужчину от злых последствий, проистекающих из его отношений с женщиной, которая считалась материей и которая со временем стала причиной зла.

Относительно доктрин, преобладавших в ранние века христианства относительно древнего двойственного принципа в творении, и относительно функций, которые выполняли два элемента, мужской и женский, в божестве, мы имеем следующее от Юстина, который, как говорят, был современником Петра и Павла:

"Когда Элохим подготовил и сотворил мир в результате совместного наслаждения, Он пожелал подняться на возвышенные части небес и увидеть, что ничто из того, что относилось к творению, не испытывало недостатка. И Он взял с Собой Своих Собственных ангелов, ибо Его природой было подниматься ввысь, оставляя Эдем внизу; поскольку она была землей, она не была расположена следовать за своим супругом ввысь. Затем Элохим, поднявшись на самую высокую часть небес и узрев свет, превосходящий тот, который Он сам создал, воскликнул: "Открой мне врата, чтобы, войдя, я мог познать Господа".

Когда он входит, Добрый обращается к нему следующим образом: "Сядь по правую руку от меня". Тогда парящее мужское начало говорит Благому: "Позволь мне, Господь, перевернуть мир, который я создал, ибо мой дух связан с мужчинами". На что Добрый отвечает: "Ты не можешь совершить никакого зла, пока ты со мной, ибо и ты, и Эдем сотворили мир в результате супружеской радости. Тогда позволь Эдем владеть миром столько, сколько она пожелает; но ты остаешься со мной". В то время как отец удаляется с земли на Небеса, Эдем тем временем приносит неисчислимые беды человеку. Наас, получивший от нее свою злую природу и являющийся порождением дьявола, развратил Еву, "Отныне порок и добродетель преобладают среди людей". Отец, видя все это, посылает Баруха, своего третьего ангела, к Моисею и через него обращается к детям Израиля, чтобы они могли обратиться к Благому. Но третий ангел, Наас, душа которого сошла из Эдема на Моисея, как и на всех людей, соблюдал заповеди Баруха и заставил прислушиваться к его собственным особым указаниям.

Опять же, после этих событий Барух, ангел Благого, был послан к пророкам, чтобы предостеречь их от козней Эдема, но таким же образом Насс, Дьявол, соблазнил их, и они были привлечены им к собственной гибели. Снова Элохим избрал Геркулеса, необрезанного пророка, и послал его подавить волнения, вызванные Наасом или Эдемом, и освободить Отца от их власти.

"Вот двенадцать сражений Геракла, которым Он подвергся, по порядку, от первого до последнего, а именно: Лев, Гидра, Вепрь и другие последовательно. Ибо они говорят, что это их названия у язычников, и они были получены, с измененным наименованием, из энергии материнских ангелов. Когда ему казалось, что он победил своих противников, Омфала (теперь она Венера) цепляется за него, соблазняет Геркулеса и лишает его его силы, а именно: повелений Баруха, которые отдавал Элохим. И вместо этой силы Вавилон, или Венера, окутывает его своим особым одеянием, то есть властью Эдема, который является властью внизу; и таким образом пророчество Геркулеса осталось невыполненным, как и его работа".

Поскольку во времена царя Ирода люди все еще были связаны властью Эдема, или Дьявола, Барух снова был послан Элохимом и, придя в Назарет, передал свое послание Иисусу, сыну Иосифа и Марии. Насс, который, как мы видели, был злым духом в Эдеме, также хотел увести Иисуса. Однако он не был расположен слушать, но остался верен Варуху. Наас, охваченный гневом из-за того, что не смог соблазнить его, приказал распять его.

"Он, оставив тело Эдема на проклятом дереве, взошел к Доброму, сказав Эдем: "Женщина, ты сохраняешь своего Сына", то есть естественного и земного мужчину. Но сам Иисус, передав свой дух в руки Отца, вознесся к Благому. Теперь Благой - это Приап, и именно он предшествовал возникновению всего существующего. По этой причине он назван Приапом, потому что ранее он создавал все вещи в соответствии со своим замыслом. По этой причине, говорит он, в каждом храме хранится его статуя, которую почитает каждое творение; и на дорогах есть изображения его, несущего над головой созревшие плоды, то есть плоды творения, причиной которого он является, создав в первую очередь по своему замыслу творение, когда его еще не существовало".(147)

147) Ипполит, Опровержение всех ересей, книга v, стр. 188.

Таким образом, наблюдается не только тот факт, что во времена Павла фаллический культ все еще существовал, но и то, как в трудах Юстина и других показано, каким образом доктрина о том, что женщина является причиной зла в мире, была сформулирована и принята как неотъемлемая часть христианской веры.

Станиленд Уэйк, директор лондонского антропологического общества, комментируя непристойные мифы, на которых зиждется христианская религия, замечает:

"Фундаментальная основа христианства более чисто фаллическая, чем у любой другой существующей в настоящее время религии, и ее эмоциональная природа... показывает, насколько тесно это было связано с более древними верованиями, имевшими фаллическую основу".

Заявив, что миф о сотворении мира и миф о потопе имеют свои точные аналоги в Индии, преподобный мистер Фабер замечает, что "в Пятикнижии нет ни одного обряда, которому не было бы точной копии в обрядах язычников".

Христианские доктрины, установленные Павлом, а впоследствии сформулированные в систему Римской церковью, были приняты невежественной толпой, которая, будучи неспособной понять задействованные в них высшие принципы, приняла аллегории, под которыми скрывались древние мистерии, буквально и как высшее выражение божественной мудрости.

Следовательно, сравнительно недавнее наблюдение о том, что "новая религия в конечном счете была всего лишь скоплением языческих суеверий", не вызывает особого удивления у тех, кто внимательно изучил факты, связанные с ростом религиозной веры.

При новом режиме Христос стал Новым Солнечным Божеством, и вокруг него, наконец, были выстроены все мифы о Соло-фаллическом поклонении, которые преобладали при поклонении Кришне в то время, когда были забыты высшие истины, лежащие в основе чистого поклонения Природе.

ГЛАВА XV. ХРИСТИАНСТВО В ИРЛАНДИИ.

Согласно рассказам Нового Завета, мудрецы Востока, то есть Персии, предсказали пришествие Христа. Исполнение древнеперсидского пророчества применительно к Иисусу, вместе со ссылкой на "звезду", которую видели маджи и которая шла перед ними, пока не появилась и не остановилась над тем местом, где лежал маленький ребенок, представляет собой поразительную иллюстрацию того, каким образом восточные легенды и древние священные писания переплетаются с доктринами, относящимися к христианству.

В священных книгах Востока предсказано, что "по истечении трех тысяч ста лет правления Калигулы явится король Сака, чтобы изгнать несчастье из мира". Мы видели, что при рождении Христа настало время для нового солнечного воплощения.

Что касается введения христианства в Ирландии, некоторые авторы утверждают, что ирландцы не получили "новую религию" от греческих миссионеров; но когда в конце цикла было объявлено о появлении нового солнечного божества, аватары Вишну или Кришны, и когда миссионеры с Востока провозгласили радостную весть о воскресшем Спасителе, ирландский народ с радостью принял их учения, однако не как новую систему, а как исполнение для них пророчества древнейших провидцев Востока и как неотъемлемую часть религии их предков. Поэтому, когда приверженцы римской веры, вероятно, примерно в конце пятого века христианской эры, попытались "обратить" Ирландию, они обнаружили религию, отличающуюся от их собственной только тем фактом, что она не подчинялась Риму и была свободна от многих искажений и суеверий, которые были привиты ей из-за крайнего невежества и неправильного понимания ее западных приверженцев.

Что касается формы религиозного поклонения в Великобритании и того факта, что там преобладал фаллический культ, Форлонг пишет: "Большинство наших соотечественников не имеют представления о подавляющем распространении этой веры и количестве ее лингамских богов на наших островах". Эти символы всегда были в форме обелиска или башни, тем самым указывая на поклонение мужской энергии. Хотя эмблемы женского начала в божестве присутствовали, они были менее выражены и имели гораздо меньшее значение, чем эмблемы мужского.

Эти памятники устанавливались на холмах, на перекрестках и в центрах торговых центров или деревень и устанавливались на платформах, которые обычно поднимались на высоту от пяти до семи ступеней. Несколько лет назад графства Глостер, Уилтс и Сомерсет все еще претендовали на более чем двести таких крестов, хотя в то время не все они находились в идеальной сохранности.

Похоже, что в Британии и Ирландии семя "новой" доктрины, предполагавшей признание материнского элемента в идее бога, упало на более благоприятную почву, поскольку в течение трех столетий после рождения Христа различные оригинальные памятники, олицетворяющие мужское начало, были украшены символами, представляющими женское начало в божестве. Древние религиозные сооружения лингаитов все еще оставались признанными святынями веры, измененными только эмблемами новой религии, которые были на них нанесены.

Самые ранние греческие и римские миссионеры прекрасно знали значение этих символов, и нам дают понять, что "некоторые из наиболее духовных христианских сект объявили войну им и всем их эфемерным заменителям, таким как майские шесты, священные деревья, настоящие кресты и т.д." Утверждается также, что, поскольку "более поздние" христиане не были знакомы со значением этих эмблем, "они приняли их как свои собственные, используя как мистические знаки своей собственной веры".

Хотя самые ранние греческие и римские миссионеры понимали значение этих религиозных святынь, жалобы на них, похоже, вскоре прекратились, и "жестокие войны", которые велись из-за них, похоже, не оставили почти никаких следов от их разрушений, за исключением того, что все женские эмблемы, которыми эти памятники были снабжены теми, кто принял новую веру непосредственно с Востока, были удалены. Поскольку всем мужским памятникам и символам было разрешено оставаться нетронутыми, этот факт сам по себе, по-видимому, указывает на то, что "языческие мерзости", против которых эти благочестивые приверженцы "духовной религии" громко обличали, включали в себя только женские эмблемы.

Следует иметь в виду тот факт, что Западная Церковь, которая быстро узурпировала церковную власть Британии и Ирландии, сама в то время не приняла поклонение Деве Марии.

Группа монахов-иконоборцев, которых христианскому миру угодно называть Святыми Патриками, и которые, вероятно, в начале пятого века нашей эры развлекались тем, что вырезали из ирландских памятников многие символы женской силы, убрали также фигуры змей, которые веками появлялись в связи с эмблемами женщины, и этим поступком заслужили аплодисменты восхищенного христианского мира; главным образом, однако, за мастерство, проявленное в "изгнании змей из Ирландии". В дополнение к этому достойному развлечению мы обнаруживаем, что тот же самый человек или группа лиц приказали сжечь сотни томов отборной ирландской литературы, томов, которые содержали анналы древней ирландской нации и в которых, как полагают, хранилось много актуальной информации, касающейся отдаленной древности человеческой расы.

Степень, в которой поклонение мужским символам поколения преобладало в христианской церкви даже в 16 веке, доказывает, что западные христианские миссионеры воевали не с конкретными символами, связанными с поклонением плодородию, а, напротив, с признанием ими того ненавистного женского элемента, против которого еще до возведения Вавилонской башни велась почти постоянная война. Обряды Потена, или Фотиена, епископа Лионского, которого чтили в Провансе, Лангедоке и Лионе как святого Фонтена, а также обряды, совершавшиеся во многих христианских церквях еще в 16 веке, доказывают, что приверженцы христианской системы в то время ни на йоту не отставали от своих языческих предшественников в их рвении к "языческим мерзостям". Единственная разница заключалась в том, что друиды, народ, все еще сохранявший слабое представление о древнем поклонении Природе, не были полностью лишены более чистых идей, которые в более раннюю эпоху существования расы составляли творческую силу.

В том, что война полов возродилась и что на протяжении многих веков велись ожесточенные споры по поводу того, какое именно значение следует приписывать женскому элементу в Божестве, сомневаться не приходится.

В древней проповеди на Троицкое воскресенье есть следующее: "При смерти мужчины три колокола должны звенеть в качестве его куила в поклонении Троице, а для женщины, которая была Вторым Лицом Троицы, должны звенеть два колокола". По этому поводу Харгрейв Дженнингс замечает: "Здесь мы сталкиваемся с источником символических трудностей среди мастеров-каменщиков, строивших более ранние соборы, относительно пристройки и точной стоимости второй (или женской) башни Западной оконечности или Галилеи Церкви".(148)

148) Розенкрейцеры, том i, стр. 206.

В тот факт, что религия древних ирландцев, которые поклонялись фаллику, была изменена, но не радикально, введением христианства, верит по крайней мере один из ирландских историков этой страны. Он говорит:

Сами церковные праздники в нашем христианском календаре являются всего лишь прямым продолжением ритуала Туат-де-данаан. Сами их имена в ирландском языке идентичны тем, которыми они отличались от той древней расы. Поэтому, если до сих пор вызывалось удивление по поводу соответствия, наблюдаемого между нашими церковными институтами и институтами Востока, пусть оно в будущем утихнет при ясном объявлении, что христианство у нас было возрождением религии, принесенной к нам много веков назад жителями Туат-де-данаан с Востока, а не каким—либо химерическим нашествием греческих миссионеров - возрождением, к которому с любовью были прикованы их сердца, и которое Фиех, епископ Слетти, бессознательно отмечает в следующем двустишии, а именно:

"Буддисты Ирина пророчествовали,
Что наступят новые мирные времена".(149)

149) Круглые башни Ирландии, стр. 493.

Условия, окружавшие древних обитателей "Белого острова", или Ирландии, остатки которых можно наблюдать у шотландских горцев, служат примером того факта, что среди них сохранился гораздо более высокий уровень жизни, чем, как известно, был у евреев или греков. Сравнительно продвинутая стадия прогресса, которая, как теперь известно, существовала в Ирландии в начале нашей эры, которую даже фанатизм и лживость римского жречества не смогли полностью скрыть, как представляется, была несколько искаженным пережитком цивилизации, которая во многом следовала древнему поклонению Природе.(150)

150) Некоторые авторы полагают, что, когда туат-де-данаанцы эмигрировали из Персии на "Белый остров", они обнаружили, что он населен фирболгами, колонией кельтов. Завоевав остров, они привили ему религию, законы, образование и культуру своей родной страны. В более позднюю эпоху скифы, религия которых была схожа с религией фирболгов, объединились с ними и преуспели в том, чтобы стать хозяевами положения.

Отсюда смешение рас и языков среди древних ирландцев. Друиды приняли, или апроприировали, религию и культуру туат-де-данаанцев, которые, как утверждается, были настоящими гибернианцами. Скифы изменили название Ирин на Скотия — последнее сохранялось до 11 века. Согласно древнеирландским анналам, Шотландия раньше называлась Малой Шотландией, чтобы отличать ее от Большой Шотландии, или Ирландии.

Из-за своего изолированного положения или по какой-то неизвестной в настоящее время причине эти люди, похоже, не выродились в нацию сенсуалистов. Это правда, что они значительно отошли от ранних условий существования человечества, при которых альтруизму и абстрактному принципу Света или Мудрости поклонялись в образе Матери-Девственницы и ее ребенка, но они никогда полностью не отвергали женский элемент в своей идее бога и никогда, насколько известно, не пытались унижить женственность. Женщины числились среди их законодателей, в то же время они исполняли обязанности воспитателей и жриц. Фактически, везде, где преобладал орден друидов, женщины оказывали мощное влияние во всех сферах человеческой деятельности. Среди германцев Вальеда, друидесса, веками почиталась как божество.

Записано, что святая Бриджит основала женский монастырь в Килдэре и доверила его обительницам хранение священного огня, и что в более поздние времена азиатские миссионеры основали там женский монашеский орден. Однако после утверждения Западного христианства ни одной женщине не разрешалось входить в монастыри, и нас уверяют, что это нелепое притворство чистотой распространялось даже на могилу. В ранние века христианства во многих частях Ирландии существовали кладбища для мужчин и женщин, отличные друг от друга. "Для монахов и монахинь было нарушением целомудрия быть погребенными в одном помещении. Они должны были избегать искушений, которым они не могли противостоять".

Хотя были написаны тома, доказывающие, что христианство было принесено в Британию Павлом, и хотя энергия десятков римских авторов была задействована в попытках доказать, что Ирландия находилась во тьме язычества до обращения ее священниками Римской церкви, все же эти столь энергично выдвигаемые усилия, кажется, только усиливают доказательства того, что христианство Британских островов предшествовало христианству либо Павла, либо Рима.

Согласно Священному Писанию, Клавдия, жена британского сенатора Пуденса, была христианкой (151), как и Грецина, жена Плавта, который был губернатором Британии в первом веке. Сообщается, что последний был обвинен римским сенатом в "исповедании какого-то иностранного суеверия". Хотя Лингард в своей "Истории и древностях англосаксонской церкви" попытался опровергнуть доказательства, которые помещают двух христианок из Британии в Рим в первом веке нашей эры, он, тем не менее, вынужден использовать следующую формулировку: "Нам, действительно, сказали, что история сохранила имена двух британок, Клавдии и Помпонию Грецины, обе они христианки и обе жили в первом веке нашей эры".(152)

151) 2 Тимофею, iv, 21.

152) Том первый, стр. 1.

Согласно романистам, между 177-181 годами христианской эры британский король по имени Луций отправил гонца к властям Рима с просьбой принять его и его народ в лоно "Святой

католической церкви". Для тех, кто не настроен предвзято в пользу римской иерархии, это забавное "свидетельство" показывает беспокойство, проявляемое теми, кто опасается, что факты, касающиеся религиозной истории Британских островов, станут известны. Относительно этого посольства короля Луция существует дошедшая до нас версия, которая гораздо больше соответствует разуму и известным фактам, касающимся этого народа.

Когда мы вспоминаем о продвинутой стадии цивилизации, существовавшей в Ирландии до христианской эры, и когда мы принимаем во внимание тот факт, что, как и в случае с Абаррасом, упомянутым различными греческими авторами, жители Британских островов имели обыкновение посылать эмиссаров за границу с единственной целью сбора информации об иностранных законах, обычаях, обыденностях, манерах и способах обучения, мы не удивляемся, узнав, что послание в Рим, отправленное Луцием, вместо просьбы о приеме в иностранную церковь, содержало исследование фундаментальных принципов, лежащих в основе римской юриспруденции; и особенно это касается это кажется разумным, если вспомнить, что на перестройку римского кодекса на принципах равноправия и справедливости в течение нескольких столетий были задействованы силы лучших умов Рима.

Что касается насаждения христианства в Ирландии, у нас есть следующее из Ледвича:

Так, епископ Лоуренс в "Беде" рассказывает нам, что папа Григорий послал его и Остина проповедовать Евангелие в Британии, как будто его никогда раньше не слышали, в то время как последний встретил семь британских епископов, которые благородно выступили против него. Подобным образом папа Адриан поручил Генриху II. расширить границы церкви и насадить веру в Ирландии, где евангелизация продолжалась уже восемьсот лет. Вера, которую нужно было насаждать, заключалась в слепом подчинении Риму и ежегодной выплате Петру пенсов".(153)

153) Древности Ирландии, стр. 78.

О точном времени, когда римские и греческие миссионеры впервые прибыли в Ирландию, мы не информированы, но есть достаточно свидетельств, подтверждающих, что регулярная иерархия была установлена на этом острове до начала пятого века и что эта религия, принесенная усилиями миссионеров с Востока, была, легендарными авторами более поздней христианской церкви, приписана римским монахам.

Ревность римских священников и средства, использованные ими для узурпации церковной власти ирландского народа, показаны в истории их соборов. 5-е правило Кил-Хайтского собора требует

"чтобы никому из ирландцев по происхождению не было позволено присваивать себе священное служение в чьей-либо епархии, и чтобы такому человеку не разрешалось прикасаться к чему-либо, принадлежащему к святому ордену; также он не должен совершать евхаристию перед людьми, потому что мы не уверены, как и кем он был рукоположен".

После цитирования приведенных выше запросов Ледвич следующим образом: Если бы святой Патрик был миссионером Римско-католической церкви, отреклось бы англосаксонское духовенство от духовных детей этого престола? В 670 году Теодорит, архиепископ Кентерберийский, постановил, что те, кто был посвящен ирландскими или британскими епископами, должны быть заново конфирмованы католическими епископами.(154)

154) Ледвич, "Древности Ирландии", стр. 81.

Отмечается, что уже в четвертом веке нашей эры в Ирландии насчитывалось триста епископов, и для объяснения столь большого числа утверждается, что невежественные авторы легенд прибегали к басне о святом Патрике.

Замечательное "обращение" ирландцев в римское христианство, которое, как говорят, произошло во второй половине четвертого века или в начале пятого, следует объяснить тем фактом, что ряд римских священников или монахов, которых в более поздние века стали называть святыми Патриками, претендовали на все монастыри, епископов и священников, которые уже существовали там, в результате замечательной силы и благочестивого рвения этого чудотворного святого. Утверждается, что святой Патрик основал более трех тысяч монастырей, рукоположил триста епископов и три тысячи священников.

Согласно Ледвичу и другим авторам, об этом святом Патрике слышали не ранее девятого века нашей эры, а легенда о нем "не была принята до двенадцатого века, когда о его чудесах рассказывают с большим удовольствием".

Возможно, ничто из того, что записано об этом монахе, не доказывает, что он миф, больше, чем чудеса, приписываемые его святости.

Будучи еще младенцем, он воскрешал мертвых, вызывал огонь изо льда, изгонял дьявола из телицы, вызывал появление новой реки из земли и превращал воду в мед.

"Это были всего лишь детские забавы этого святого-чудотворца. Чудеса, описанные в священном писании, даже чудеса самого творения, сравнимы и, если возможно, превзойдены чудесами нашего духовного героя".(155)

155) Ледвич, Древности Ирландии.

Относительно Святого Патрика Форлонг пишет:

"За ним последовали различные Патрики из Британии и Арморики, но даже католический священник Дж. Ф. Ширман пишет, что он вынужден отказаться от идеи, что когда-либо существовал настоящий Святой Патрик. Таким образом, это имя должно приниматься только в его отцовском значении, и с падением Патрика все чудесные и внезапные обращения королей, лордов и общин Ирландии должны исчезнуть".(156)

156) Реки жизни, том ii., стр. 417.

Епископства Ирландской церкви отличались от римско-католических тем, что они принадлежали по наследству, по обычаю древних народов. Все епископы были женаты.

До введения христианской системы в Ирландии сабианский церемониал сменился друидическим, на котором был закреплён кульдианский, и, несмотря на тот факт, что Римская церковь постепенно узурпировала церковные функции в Ирландии, последние названные люди, которые веками считались хранителями древней веры и древней системы законов,

пользовались большим уважением в народе за свою святость и ученость. Многие греческие и римские авторы, занимавшиеся этим предметом, сходятся во мнении, что друиды обладали высокими научными знаниями и механическим мастерством. Принципы справедливости, заложенные в их судебной системе, их любовь к знаниям и уровень, достигнутый в науках и искусствах, доказывают, что древний народ Ирландии был равен, если не превосходил любую из ранних исторических наций.

Говоря о количестве и величине монументальных останков в Ирландии и комментируя механическое мастерство друидов, преподобный Смедли говорит:

"Я присутствовал при возведении Луксорского обелиска в Париже, и все же я думаю, что испытал бы большее волнение, если бы стал свидетелем успешной работы старого кельтского инженера, который установил на трех каменных пьедесталах огромный камень, составляющий алтарь друидов здесь, в замке Мэй".

Считается, что этот народ разбирался в горном деле и что они были знакомы с использованием железа. Ниже приводится выдержка из одного из писем Гамильтона с побережья Антрима:

"Примерно в 1770 году шахтеры, прокладывая штольню к пласту угля в неисследованной части утеса Балликасл, неожиданно пробили в скале узкий проход, настолько суженный и забитый различными отложениями по бокам и дну, что никто из рабочих не мог пробиться через него, чтобы исследовать его дальше. Поэтому двум парням пришлось прокрасться внутрь со свечами, чтобы исследовать этот подземный ход. Соответственно, они продвигались вперед в течение значительного времени, с большим трудом и затруднениями, и наконец вошли в обширный лабиринт, разветвляющийся на многочисленные помещения, в лабиринтах и извилинах которого они были совершенно сбиты с толку и заблудились. После многочисленных тщетных попыток вернуться, их огни погасли, голоса охрип, и, уставшие и обессиленные, они сели вместе, в полном отчаянии от возможности вырваться из этого жалкого подземелья. Тем временем рабочие в штольне забеспокоились за свою безопасность, постоянно привлекались свежие руки, и в течение двадцати четырех часов проход был настолько открыт, что пропускал самых активных шахтеров... При осмотре этого подземного чуда оказалось, что это целая галерея, которая была продвинута на много сотен ярдов вперед, к пласту угля; что она разветвлялась на многочисленные камеры, где шахтеры выполняли свои различные работы; что эти камеры были отделаны по-рабочему; что столбы были оставлены через определенные промежутки времени, чтобы поддерживать крышу. Короче говоря, было обнаружено, что это обширная шахта, созданная людьми, по крайней мере, такими же опытными в своем деле, как нынешнее поколение. Были обнаружены некоторые остатки инструментов и даже корзин, использовавшихся при работах, но в таком истлевшем состоянии, что при прикосновении к ним они тут же рассыпались на куски. Судя по найденным останкам, есть основания полагать, что люди, которые в древности строили эти угольные шахты, были знакомы с использованием железа, были найдены несколько небольших кусочков которого; казалось, что некоторые из их инструментов были тонко подкованы этим металлом".

Различными способами был установлен факт, что, хотя в шестом веке здания в Ирландии были убогими и совершенно лишенными художественных достоинств или искусного дизайна, в более раннюю эпоху они были великолепны. О причинах, приведших к упадку архитектуры, исчезновению искусств и наук и общей деградации населения этого острова, приверженцы Святого Павла и Римской церкви одинаково умалчивают.

В течение многих веков после подчинения Ирландии, открыто бросая вызов англичанам, народ продолжал вершить правосудие и обеспечивать соблюдение старых брехонских законов страны.

Отсутствие уважения к английскому законодательству в Ирландии даже в XVI веке подтверждается бароном Финглсом, писавшим во времена Генриха VIII. Он говорит:

"Это большое оскорбление и порицание, что законы и статуты, принятые в этой стране, не соблюдаются и не соблюдаются после их принятия в течение восьми дней, в то время как различные ирландцы злоупотребляют одеждой и поддерживают такие законы и статуты, которые они устанавливают на холмах в этой стране, твердыми и стабильными, не нарушая их ни за какие блага или вознаграждение".

Согласно постановлению парламента, принятому в Килкенни, применение или соблюдение этих старых законов Брехона считалось государственной изменой. Двумя законодательными актами, особенно неприятными для англичан, были Гахейл Цинне и Эйрик. Первым из этих актов был тот, который в противовес английскому закону о первородстве провозглашал, что имущество одного из родителей должно переходить по наследству в равной пропорции ко всем членам семьи. У этого народа существовал другой закон, или обычай, который предусматривал, что вождь племени или народа избирается всеобщим голосованием.

В описании, данном греками одному из ее жителей, мы имеем нечто большее, чем просто намек на состояние древней Ирландии и ее народа. Абаррас, посетивший Грецию примерно за шестьсот лет до Рождества Христова и прозванный греками гиперборейцем, был жрецом Солнца, который отправился за границу с целью изучения и наблюдений, а также для того, чтобы своим присутствием и своими подарками возобновить старую дружбу, которая издавна существовала между кельтами и греками. Страбон замечает об Абаррасе, что им восхищались ученые мужи Греции. Гимерий говорит о нем, что он пришел

"не одетый в шкуры, как скиф, но с луком в руке, колчаном за плечами и пледом, обернутым вокруг тела, золоченый пояс охватывал его чресла, а штаны доходили от талии до подошв ног. Он был непринужден в обращении, приятен в беседе, активен в оперативности и скрытен в управлении великими делами; быстр в оценке текущих событий и готов принять участие в любой внезапной чрезвычайной ситуации; предусмотрителен, к тому же, в защите от будущего; прилежен в поисках мудрости, любит дружбу; очень мало доверял удаче; но при этом пользовался полным доверием окружающих и во всем полагался на свое благоразумие. Он говорил по-гречески так бегло, что можно было подумать, что он вырос в Лицее и всю свою жизнь общался с Афинской академией. Он часто общался с Пифагором, которого поражал разнообразием и обширностью своих знаний".

Из описаний, данных греками родной стране Абаррас, очевидно, что это не могло быть ничем иным, как Ирландией.

Хотя в это время своей истории бог солнца Аполлон был Божеством, которому поклонялись в Греции и Ирландии, все же оба народа почитали Латону, его мать. Точно так же, как в метрополии (Персии или Финикии), ирландские оракулы, или сивиллы, предсказали "Спасителя", и за триста лет до того, как греческие эмиссары посетили эту страну, ее народ, благодаря проповедям восточных миссионеров, заменил поклонение Латоне и Аполлону

поклонением новому солнечному воплощению — третьему сыну Заратустры, о появлении которого возвестила звезда.

Идентичность символов, использовавшихся древними жителями Ирландии, которые были солнцепоклонниками, и тех, которые использовались в этой стране на протяжении веков после того, как Римская церковь узурпировала церковную власть, была предметом многочисленных комментариев. Описав своеобразную форму раннехристианских церквей и внимание, уделяемое расположению окон, которые должны были пропускать солнечные лучи, Смедли говорит: "Возможно, в век аллегорий и фигур это сочетание и разнообразие выражали какой-то сакральный смысл, с которым мы в настоящее время не знакомы".

Сходство, наблюдаемое в священных праздниках и религиозных сезонах древних жителей Ирландии и ранних христиан, степень, в которой большие каменные кресты, зажженные свечи, святочное полено и различные другие символы, относящиеся к плодородию или поклонению солнцу, были сохранены христианством, служат убедительным доказательством того факта, что последняя система является лишь неотъемлемой частью первой.

ГЛАВА XVI. КАМНИ Или КОЛОННЫ В КАЧЕСТВЕ БОЖЕСТВА.

"По-видимому, во всем мире первым объектом идолопоклонства был простой необработанный камень, воткнутый в землю как эмблема воспроизводящих сил Природы".(157)

157) Кельтские друиды, глава vi, стр. 209.

На языке символизма вертикальный камень символизирует либо мужчину, либо репродуктивную энергию, либо бога, и все это на определенном этапе человеческой карьеры стало означать одно и то же, а именно Творца.

В более ранние эпохи мужского поклонения вертикальные камни как эмблемы Божества представляли собой простые необработанные древки, но со временем на них стали вырезать фигуру человека — человека, который обычно представлял правителя или вождя народа и который, поскольку он был источником всей силы и мудрости, считался невежественными массами воплощением солнца. Так возникла духовная власть монархов, или "божественное право королей".

Где бы ни находились обелиски, колонны, опоры, утонченные шпили, вертикальные камни или кресты на пересечении дорог, они всегда выглядят как священные памятники или символы бога Лингама.

Халдейская башня, о которой сохранились предания в Мексике и на островах Южного моря; круглые башни Ирландии; замечательная группа камней, известная как Стоунхендж, в Англии;

удивительный круг в Эбери, через который проходила фигура огромного змея; памятники, которые у всех народов Востока устанавливались на пересечении дорог в центре рыночных площадей, и наклоняющиеся камни, используемые в качестве оракулов в различных частях света, имеют одно и то же значение и провозглашают особую религию людей, которые им поклонялись.

Независимо от того, установлен ли столб как "знамение" и "свидетельство" Господа, как у евреев в Египте, или, как у мусульман, эти фигуры выглядят как минареты с яйцевидными вершинами, или, как у ирландцев, они возвышаются как величественные башни, бросающие вызов времени и стихиям, или, как у христиан, они выглядят как шпиль, указывающий на небо, символ остается, и первоначальное значение то же самое.

Господь израильтян, который имел обыкновение являть себя своему избранному народу в виде "столпа дыма днем" и "огненного столпа ночью", как говорят, является не чем иным, как репродуктивной эмблемой, как и "Господь", который "почивал в ковчеге завета". Памятники, воздвигнутые, чтобы символизировать религию парсов или огнепоклонников после того, как они поддались давлению, оказанному на них почитателями мужского начала, были всеми без исключения, как и их великий прототип Вавилонская башня, типичными представителями универсальной созидательной силы, которой поклонялись как мужчине.

Несмотря на тот факт, что мужская энергия стала признаваться главным фактором воспроизводства, замечено, что где бы ни появлялись эти памятники или другие символы плодородия, всегда можно найти в тесной связи с ними определенные эмблемы, символизирующие женскую силу; это показывает, что, хотя люди, которыми они были воздвигнуты, стали поклонниками мужского начала, и хотя они убедили себя, что это более важный элемент божества, они не стали настолько безответственными к истинам Природы, чтобы пытаться создать Творца независимо от его самого существенного фактора.

Протестантское христианство, вероятно, наиболее мужественная из всех религиозных схем, привлекавших внимание мужчин, сознательно не сохранила ни одной из ненавистных женских эмблем, однако более древний символизм пустил столь глубокие корни, что даже в архитектуре современной протестантской церкви с ее нефом в форме ковчега и окном, обращенным к восходящему солнцу, можно обнаружить остатки того раннего богослужения, которое приверженцы этой недавно развившейся формы религиозной веры столь благочестиво игнорируют.

Большое количество вертикальных колонн, каменных кругов, кромлехов и пирамид, все еще сохранившихся на Британских островах, свидетельствует об особом характере религиозного культа, который когда-то преобладал на них. Из этих святынь, пожалуй, ни одна не является более замечательной, чем Стоунхендж в Англии. Хотя за бесчисленные века, прошедшие с тех пор, как был возведен этот храм, многие камни упали со своих первоначальных мест, все же в свете недавно установленных фактов, касающихся религиозной символики, ученым удалось, даже в его нынешнем состоянии упадка, разгадать загадочное значение этого замечательного сооружения. Стоунхендж состоит из четырех кругов гигантских вертикальных стволов высотой двадцать футов, один круг внутри другого, с огромными камнями, расположенными поперек них наподобие архитравов.

В древней символике круг был эмблемой вечности или вечного женского принципа. Горы также были посвящены богам. Было сказано, что горное кольцо дало начало этим круглым храмам. Фабер уверяет нас, что круглый каменный храм назывался кругом мира или кругом ковчега, что он одновременно представлял собой оболочку Ноэтического Корабля, яйцо, из которого было произведено творение, землю и зодиакальный круг Вселенной, в котором солнце совершает свои ежегодные обращения по знакам. Говорят, что Стоунхендж - это храм бога воды Ноя, которому, как мы видели, сначала поклонялись как наполовину женщине, наполовину рыбе или змее, но в конце концов его стали считать Божеством-человеком-змеей (или рыбой).

При приближении к Стоунхенджу с северо-востока первый объект, привлекающий внимание, - это грубый валун высотой шестнадцать футов, к которому можно прислониться. Этот камень был назван Пяткой монаха, но до недавнего времени его значение было совершенно неизвестно.

Что касается вертикального стержня, который стоит на страже таинственных кругов из гигантских камней, называемых Стоунхендж, Форлонг говорит, что это не пятка монаха, а эмблема плодородия, посвященная божеству пятницы. Он представлен как "Гений Огня", но не гения обычного огня, "но сверхчувственного Божества, небесного огня".

Говоря об этих замечательных камнях, к которым бог Лингама является лишь введением, Форлонг говорит:

"Никто из тех, кто изучал фаллический культ и поклонение солнцу на Востоке, не мог ошибиться относительно назначения святилища в Стоунхендже... и все же бестактность всей темы часто настолько шокирует обычного читателя, что, несмотря на факты, он не может согласиться с тем, что, по его мнению, свидетельствует о таком большом унижении религиозного сознания; однако факты есть факты, и нам остается только дать им объяснение. Возможно, действительно, в эти более поздние времена искусственная и низшая фаза чувственности заняла место более естественного потакания страстям в целях продолжения рода, которые в основном занимали мысли ранних поклонников".(158)

158) Реки жизни, том ii., стр. 233.

Хиггинс придерживается мнения, что Стоунхендж является сооружением той же эпохи, что пещеры Индии, пирамиды Египта и колоссальный монумент в Карнаке — сооружение, которое, как утверждается, должно было потребовать для своего возведения труда, равного труду пирамид.

Несомненно, никогда еще религиозная святыня не возбуждала большего любопытства, чем Кладбище, от которого, к сожалению, сейчас ничего не осталось, хотя в начале восемнадцатого века сохранилось достаточно, чтобы доказать идентичность его значения с другими древними религиозными памятниками как на Британских островах, так и в странах Востока. Возможно, нет способа лучше понять это святилище, чем процитировать точный язык тех, кто писал на эту тему. Особенно это верно в отношении показаний тех, кто после личного расследования представил общественности результаты своего исследования.

В "Истории Уилтшира", опубликованной сэром Р. Колтом Хоаром, бартом, приводятся следующие слова доктора Стакли:

"Расположение Эбери прекрасно выбрано для той цели, для которой оно было предназначено, поскольку оно представляет собой более возвышенную часть равнины, откуда со всех сторон есть почти незаметный спуск. Но поскольку религиозная деятельность в Эйбери, хотя и велика сама по себе, является всего лишь частью целого (проспекты простираются более чем на милю от него в каждую сторону), весь проект спроектирован с большой продуманностью на своего рода большой отдельной равнине диаметром четыре или пять миль. В него вы спускаетесь со всех сторон с возвышенности. Весь храм Абури можно рассматривать как картину, и это действительно так. Поэтому основатели мудро позаботились о том, чтобы у зрителя была выгодная перспектива увидеть его, когда он появится в поле зрения. Когда я часто посещал это место, что я делал в течение нескольких лет вместе, чтобы получить точный отчет о нем, оставаясь там по две недели за раз, я постепенно узнавал всю работу. Во второй раз, когда я был здесь, аллея была новым развлечением; на третий год - другим. Так что, в конце концов, я разгадал ее тайну, которая, собственно говоря, заключалась в том, что вся фигура представляла собой змею, пропущенную по кругу. Это иероглиф или символ высочайшей древности.

"Чтобы воплотить этот замысел в жизнь, основатели хорошо изучили местность; и чтобы сделать свое изображение более естественным, они искусно перенесли его на различные возвышенности и впадины, что при кривизне аллей в достаточной степени обеспечивает желаемый эффект. Чтобы сделать его еще более изящным и похожим на картину, голову змеи поднимают на южный мыс Хакпен-Хилл, по направлению к деревне Уэст-Кеннет; более того, само название холма происходит от этого обстоятельства.... Таким образом, наша античность делится на три большие части, которые будут нашим правилом при описании этого труда. Круг в Эбери, передняя часть змеи, ведущей к Кеннет, которую я называю Кеннет-авеню; задняя часть змеи, ведущая к Бекхэмптону, которую я называю Бекхэмптон-авеню; ибо их вполне можно рассматривать как аллеи, ведущие к великому храму в Эбери, часть которого правильнее всего назвать Темпл.

"План, по которому было построено сооружение, представляет собой священную иерогамму египтян и других древних народов - круг и змею. Вся фигура представляет собой круг, змею и крылья. Этим они хотели изобразить, насколько могли, природу Божества".

Храм, представляющий тело змеи, образован круглым земляным валом с канавой внутри. Поскольку это противоречит порядку, принятому в оборонительных сооружениях, считается, что это доказывает религиозный характер Погребения. В описании этого святилища, данным Хиггинсом, приводится следующее:

"Эти валы окружают площадь диаметром 1400 футов, которая на ближайшем ко рву краю была обложена рядом грубых неотесанных камней, а в центре была украшена двумя круглыми храмами, сложенными из тех же местных камней".(159)

159) Кельтские друиды. Описание табличек, стр. xx.

Площадь земли, включенная в состав пергамента, была оценена в двадцать два акра, а внешний обход был рассчитан на 4800 футов. Первоначально количество камней, образующих

этот внешний круг, составляло сто, из которых в 1722 году было восемнадцать стоящих и двадцать семь сброшенных вниз.

В деревне Радстоун в Йоркшире стоит огромный камень, значение которого в настоящее время ученые ясно понимают. Говорят, что его глубина под поверхностью земли равна его высоте над поверхностью, которая составляет двадцать четыре фута. Он имеет пять футов десять дюймов в ширину и два фута в толщину, а его вес превышает сорок тонн.(160)

160) См. Реки жизни.

В настоящее время известно, что гигантские камни-качалки, найденные почти в каждой четверти земного шара, являются религиозными памятниками глубокой древности. Не так давно я видел описание одного из таких оракулов в Буэнос-Айресе, Южная Америка, а несколько месяцев спустя появилось следующее сообщение о подобном камне, найденном в Салливан Ко., Нью-Йорк:

"На первый взгляд это едва ли привлекло бы внимание, но при более внимательном рассмотрении становится ясно, какое замечательное положение оно занимает. Общий вес огромного валуна по разным оценкам составлял от сорока до пятидесяти тонн, а его объем - от 500 до 700 кубических футов. Он почти идеально круглый, очень напоминает огромный апельсин и так хорошо сбалансирован на каменном столе, что может быть легко приведен в движение одним человеком при условии, что оператор приложит все свои силы к северной или южной сторонам. Ни с той, ни с другой стороны объединенной силы сорока слонов было бы недостаточно, чтобы вызвать малейшее колебание. Хотя его легко раскачивать, мы уверены, что столько людей, сколько смогли бы окружить его, не смогли бы сдвинуть его с оси, на которой он покоится".(161)

161) Республиканец из Сент-Луиса (штат Миссури).

Автор вышеприведенного, который, очевидно, не знал о том, в какой степени эти памятники разбросаны по земле, казалось, рассматривал это как исключительную причуду Природы, не имеющую никакого значения, кроме естественного любопытства.

Круглые башни Ирландии, о происхождении которых в прошлом было так много споров, в настоящее время практически повсеместно признаются аналогичными по своему использованию и конструкции Стоунхенджу, Эйбери и другим сохранившимся монолитным сооружениям.

Многие авторы пытались доказать, что эти башни были колокольнями, использовавшимися в связи с христианскими церквями; другие утверждали, что это были колонны чистилища или покаянные возвышения, похожие по конструкции на столп святого Симеона Столпника. Другие снова утверждали, что они использовались в качестве маяков, а другие - что они были предназначены просто как вместилища для священного огня, который, как известно, ранее использовался на Британских островах. Хотя были выдвинуты бесчисленные аргументы в опровержение этих теорий, считается, что одна только дорогая архитектура элегантных и величественных колонн, известных как Круглые башни, противоречит всем этим "догадкам", и что их величие и почти абсолютная нерушимость свидетельствуют об их ином происхождении,

чем происхождение скромных и убогих хижин, которые в более позднюю эпоху были возведены рядом с ними для целей поклонения римскими христианами. Такое же возражение выдвигается против теории о том, что эти памятники были воздвигнуты в память о нескольких поражениях датчан. В качестве ответа на аргумент о том, что они были воздвигнуты датчанами в ознаменование своих побед, утверждается, что характер иероглифов на них таков, что делает эту теорию бесполезной. Кроме того, во всей стране датчан и остменов нигде не найти примера архитектурного великолепия, подобного тому, которое демонстрируют эти колонны. На севере Шотландии находился один из таких памятников, на котором были изображены сцены войны, лошади и их всадники, воины, размахивающие оружием, и войска, кричащие о победе, в то время как с другой стороны был роскошный крест, под которым были изображены две фигуры, одна, очевидно, женская, другая мужская.

В книге Кординера "Древности Шотландии" есть описание искусно вырезанного обелиска. На одной стороне этой колонны изображен гигантский крест, а под ним - фигуры неотесанных животных. Среди этих резных изображений можно увидеть иранского бюль-Бюля, Кабана Вишну, лося, лису, ягненка и несколько танцующих человеческих фигур. На самом деле все эти конфигурации не только по своей природе и по своему восточному значению, но и на самом деле являются символами различных животных форм, под которыми "люди Востока созерцали свойства Божества".

Карнак в верхнем Египте представляет собой монолит того же символического характера. Он высечен из цельного блока черного гранита и имеет восемьдесят футов в высоту.

Генри О'Брайен, образованный ирландец, который, находясь в Лондоне, стал, по его собственному исследованию, одним из главных авторов журнала Фрейзера в лучшие времена, в ответ на запрос Королевской ирландской академии о постановках, касающихся происхождения и использования Круглых башен, заявил, что они были возведены колонией туат-де-данаанов, или последователей Лингама из Персии, которые покинули свою родину из— за побед, одержанных над ними их соперниками - пиш-де—данаанами - сектой йони. верующие; другими словами, секта, которая признавала женское начало высшим средством размножения и, следовательно, поклонялась ему как божественному. В опустошительных войнах, охвативших Персию и другие страны древности до эпохи позднего Зороастра, пиш-де-данаанцы одержали победу и, изгнав из страны туат-де-данаанцев, или поклонников мужского пола, преуспели в восстановлении и поддержании на некоторое время старой формы богослужения. О'Брайен утверждает, что туат-де-данаанцы, которые были изгнаны из Персии, эмигрировали в Ирландию и там продолжили или сохранили свою любимую форму богослужения, Круглые башни были возведены ими в соответствии с их особыми религиозными взглядами. Этот автор уверяет нас, что древнеирландский язык безошибочно свидетельствует о связи, существующей между этими странами. В дополнение к сходству языка, которое, как установлено, существовало между древней Ирландией или Иреном и Персией или Ираном, тот же автор отмечает, что сходство сохраняется во всех их обычаях, религиозных обрядах и эмблемах.

Все авторы, занимавшиеся этим вопросом, выразили большое сожаление по поводу того, что в более раннюю эпоху, когда Стоунхендж, Эйбери и различные другие древние монументальные святилища Британских островов находились в лучшем состоянии сохранности и до того, как против них были возбуждены фанатизм и религиозная ненависть, более детальные наблюдения

за их характером и всеми деталями, окружающими их, были невозможны; тем не менее, несмотря на поздний срок начала этих исследований, считается, что усилия, направленные на разгадку тайн, связанных с ними, увенчались значительным успехом. они.

Когда мы вспоминаем, что каждая деталь, связанная со священными памятниками древних, была полна значения, что все их религиозные идеи были изображены с помощью символов, которые появлялись в связи с их священными зданиями, — в какой степени глубокое понимание этих деталей помогло бы раскрыть тайны, связанные с универсальными религиозными концепциями, можно в какой-то мере осознать.

Идентичность символов, используемых для выражения религиозных идей, и степень, в которой концепции созидательной силы были связаны во всех частях земного шара, изложены в следующем отрывке Барлоу:

"Полная история религиозной символики должна охватывать все религии древности не меньше, чем христианскую, и для удовлетворительного объяснения ее влияния на практику искусства потребовалось бы столь же глубокое знание их догматов, как и наших собственных".(162)

162) Символизм, стр. 10.

ГЛАВА XVII. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ.

Хотя раньше солнцу поклонялись как источнику всего доброго, на определенном этапе человеческого развития оно стало рассматриваться как причина всего зла. Когда Тифон Сет постиг силы Природы, как Разрушительница и Возрождающая, она была автором всего доброго; но позже, после того, как истины, лежащие в основе поклонения Природе, были утрачены, Тифона, горячего ветра пустыни, скорее боялись, чем боготворили.

В истории более ранней эпохи существования нельзя найти ни малейшего следа человеческих жертвоприношений во искупление грехов людей или для умиротворения гнева оскорбленного Бога. Напротив, во всех традициях и монументальных записях древнейших народов жертвоприношения Божеству — Богу Природы - заключались просто в признании благ земли посредством добровольного приношения щедрот, которые она принесла.

То, что в более раннюю эпоху религиозной веры в жертву не приносились ни люди, ни животные, уверенно утверждается и, я думаю, доказано различными авторами. Об этом Хиггинс говорит: "Я думаю, что можно представить себе время, когда этого не существовало даже среди западных народов". Этот автор утверждает также, что это не всегда практиковалось в Дельфах. Следует упомянуть тот факт, что среди буддистов, которым принадлежит первая книга Бытия, никогда не приносились кровавых жертвоприношений.

Несомненно, именно при поклонении Мут, Нейт или Минерве, первой эманации божества и изначальному Будде, была написана первая книга Бытия, или Мудрость. В этой книге можно проследить тот факт, что забой животных запрещен. Считается, что с Кришны, Геркулеса и почитателей солнца в Овне начались жертвоприношения людей и животных. Во второй книге Бытия, которая, как говорят, является произведением браминов, животные впервые используются для жертвоприношения, а в третьей книге, или книге поколений рода человеческого или Адама, которая была написана после того, как чистые доктрины, связанные с поклонением Мудрости, были искажены, их впервые разрешают употреблять в пищу.

Предполагается, что практика принесения в жертву людей и животных возникла в западных частях света после того, как солнце вошло в Овен, и что впоследствии она распространилась даже на последователей таврического культа, среди которых она достигла ужасающих масштабов. Также считается, что история Каина и Авеля - это аллегория последователей Кришны, призванная оправдать их жертвоприношение ягьи, или ягненка, "в противовес буддийскому подношению хлеба и вина, или воды, совершаемому Каином и практикуемому Мелхиседеком".(163)

163) Анакалипсис, том i, стр. 101.

Теперь достоверно известно, что во всем мире на определенном этапе развития религиозных верований в определенное время года Божеству приносились в жертву либо люди, либо животные. Об универсальности этой практики Фабер говорит так:

"Во всем мире мы находим распространенным представление о том, что богов можно умиловить только кровавыми жертвоприношениями. Эта идея настолько насквозь произвольна, поскольку не существует очевидной и необходимой причинно-следственной связи между забоем человека или животного и возвращением божественной милости убийцам, что сама ее универсальность влечет за собой необходимость заключить, что все народы позаимствовали ее из какого-то общего источника".(164)

164) Происхождение языческого идолопоклонства, том i, книга 2, стр. 465.

Доктор Шакфорд вынужден признать, что жертвоприношения и церемонии очищения, практиковавшиеся Авраамом и его потомками, а также окружающими народами, были идентичными, с "можно ожидать лишь таких незначительных изменений, как удаленность стран и продолжительность времени". Замена Исаака ягненком, по-видимому, указывает на переход от забоя детей к забою животных.

Жертвоприношения были приношениями богу содействия творению. Определенные представители жизни, которые он даровал, должны быть возвращены ему как дар свободной воли. Во многих странах жертвы, приносимые божеству, были пленниками, взятыми на войне; но, поскольку военнопленным и рабам не разрешалось участвовать в битвах своих захватчиков, их жизни не имели большой ценности; следовательно, позже было замечено, что жертвоприношением должен быть принц или частное лицо, чья жизнь имела большое значение для племени.

Поскольку во всех жарких странах солнечный жар является самым разрушительным фактором, с которым приходится бороться человечеству, возможно, нет ничего удивительного в том, что в то время, когда суеверия узурпировали функции разумных сил, бог солнца был наделен атрибутами, навеянными ужасом, и что, насколько это было возможно, человечество должно было считать необходимым умиловить его гнев и, принося ему соответствующие подношения и жертвы, они должны были надеяться предотвратить бедствия, случившиеся по его вине. неудовольствие. Также не удивительно, когда мы вспоминаем особые обстоятельства, окружавшие евреев, и тот факт, что жертвы, которых требовал их бог, были жизнью, которую он даровал, что жертвами, приносимыми Молоху, богу огня, должны были быть члены их собственной семьи, а именно их дети.

Мы не должны забывать, что наградой, обещанной этому народу пророком, священником и прорицателем за благочестие, была чрезвычайная плодовитость тела. Мы видели, что для получения этого знака божественной благосклонности или под предлогом служения их богу форма поклонения, предписанная их священниками и принятая как в их семьях, так и в их храмах, была в высшей степени чувственной и рассчитана на то, чтобы стимулировать в высшей степени их низшую, или животную природу.

Поскольку размер семьи человека или его способность к воспроизводству были показателем его благосклонности к Всевышнему, а благоволение "Господа" в этом вопросе было всего лишь отражением его собственных желаний, результатом, как и можно было разумно ожидать, стало перенаселение до такой степени, что средств к существованию в пределах небольшой границы Иудеи было недостаточно для удовлетворения потребностей кишмя кишущих масс "детей Божьих" — детей, которые были созданы для его чести и славы. Несомненно, должен быть разработан какой-то план, с помощью которого можно было бы устранить эти трудности, и это тоже, выражаясь современным языком, без того, чтобы бросать вызов Провидению. Поскольку Господь был почитаем, а человек благословлен простым рождением потомства, что может быть лучше, как только таких благословений станет слишком много, чем вернуть определенное количество из них дарителю, богу Молоха? Это правда, что благодаря этому процессу дети рождались только для того, чтобы быть отданными на растерзание богу огня, но разве благодаря этому их божеству не служили и не умиротворяли одновременно, чтобы население оставалось в пределах средств к существованию? То, что таким образом было принесено в жертву огромное количество людей, слишком очевидно из рассказов в еврейских Священных Писаниях — деяния Авраама и Иеффая являются примерами того, как этот бог был умиловлен.

В книге Пророка Михея, vi глава, 7-й стих, возникает вопрос, который дает нечто большее, чем просто намек на практику жертвоприношения детей среди евреев. "Должен ли я отдать моего первенца за мои прегрешения, плод моего тела за грех моей души?"

Хотя имеется достаточно свидетельств, подтверждающих огромную распространенность практики жертвоприношения детей среди евреев, считается, что было бы найдено гораздо больше доказательств, если бы в более поздние времена они с целью сокрытия масштабов этой практики не были удалены из их священных писаний. Молох был для евреев тем же, чем Шива стал для индусов, а именно Ужасным. Однако ясно, что раньше в Индии не боялись Шиву, но после Вишну он был самым любимым из всех их богов. Изначально Шива был андрогинным богом, который был не только Разрушителем, но и благотворным Регенератором и очистителем.

Это был зимний холод и солнечный жар. Это была концепция, которая была прямым следствием поклонения природе или той религиозной идеи, которую изображали мать и ее ребенок.

Концепция, связанная с жертвоприношением, по-видимому, заключается в плате за оказанные или желаемые услуги. Амазулу, отправляясь на битву, приносят жертвы гривам своих предков, которые, как более старые ветви древа жизни, по-видимому, составляют их идею бога. Это делается для того, чтобы у их богов "не было причин жаловаться, потому что они загладили свою вину перед ними и сделали их светлыми". Появляясь перед врагом, они говорят: "Неужели после того, как мы загладили вину перед амадлози, они скажут, что мы чем-то обидели их?" (165)

165) Виконт Эмберли, "Анализ религиозных верований", том i, стр. 32.

На определенном этапе истории человечества процветание различных народов земного шара зависело от чрезмерного количества людей, поэтому самым ценным подношением богу созидания были человеческие жертвы.

В Индии, когда основывалась новая колония или город, чтобы обеспечить их процветание, большое количество детей передавалось в качестве взятки или подношения примирения богу мужественности. Хорошо засвидетельствована огромная распространенность человеческих жертвоприношений в Индии, Египте, Мексике, у карфагенян, евреев, друидов и даже у греков и римлян.

Из сохранившихся исторических источников следует, что человеческие жертвоприношения обычно сопровождают определенный этап поклонения солнцу. У ацтеков Мексики, страны, в которой солнце было всеобщим объектом почитания и в которой одной из предписанных обязанностей мальчиков, обучавшихся в храме, было поддержание священного огня, принесение жертв в жертву стало наиболее заметной чертой их общественного богослужения. Однако нам ясно сказано, что человеческие жертвоприношения раньше в Мексике не практиковались, но в конце концов здесь, как и везде, стала преобладать идея, что, принося человеческие жертвы богу Разрушения, можно умиротворить его гнев и спасти людей от его мести. Утверждается, что человеческие жертвоприношения были приняты ацтеками в начале четырнадцатого века, примерно за двести лет до завоевания. "Поначалу редкие, они становились все более частыми по мере расширения их империи; пока, наконец, почти каждый фестиваль не закрывался этой жестокой мерзостью".

Несмотря на эти зверства, в их представлениях о будущем состоянии существования, и особенно в их отношении к невозрожденным после смерти, следует наблюдать определенные следы человеческого чувства и утонченной чувствительности, которые трудно согласовать с жестокостью, практикуемой в их религиозных обрядах, и которые разительно контрастируют с физическими пытками, которым после смерти подвергаются нечестивые не только в Мексике, но и в странах, исповедующих высокую ступень цивилизации.

Об их религиозных обрядах, которые, несомненно, были унаследованы от более древней цивилизации, Прескотт, цитируя Торквемаду и Саагуна, говорит:

"Многие их церемонии носили легкий и жизнерадостный характер и состояли из национальных песен и танцев, в которых участвовали представители обоих полов. Процессии состояли из женщин и детей, увенчанных гирляндами и несущих подношения в виде фруктов, спелой

кукурузы или сладких благовоний из копала и других пахучих камедей, в то время как алтари божества не были запятнаны никакой кровью, кроме крови животных. Это были мирные обряды, унаследованные от их предшественников-толтеков".(166)

166) См. Завоевание Мексики, книга I, глава iii, стр. 74.

До времен Монтесумы ацтекские жрецы привили этим простым церемониям не только обременительный церемониал и многобожие, подобное многобожию восточных народов, но, как мы видели, человеческие жертвоприношения и даже каннибализм стали заметными чертами религиозного культа. Во всех церемониальных и религиозных представлениях ацтеков можно наблюдать проявление диких и brutальных элементов человеческой природы в тесной связи с безошибочными свидетельствами некогда более высокой ступени культуры и утонченности.

В более поздние века истории ацтеков их самым возвышенным божеством был Уицилопочи, мексиканский Моисей, бог войны. Его храмы были самыми дорогими и великолепными среди общественных зданий в стране, а его изображение, украшенное орнаментами, было всеобщим объектом поклонения. Говорят, что при освящении его храма в 1486 году погибло более семидесяти тысяч пленников.(167)

167) Torquemada.

Божеством, занимавшим заметное место в мифологии и, вероятно, унаследованным от более древних времен, был Кецалькоатль, несомненно, то же самое, что Восточная Богиня Природы, или Мудрости. Она была "богиней зерна" и "принимала подношения в виде фруктов и цветов" на двух своих великих праздниках. Она также заботилась о выращивании кукурузы. Она, несомненно, была тем же самым, что и Мать-Земля финнов и эстов, та, кто "берет на себя задачу приносить плоды". Очевидно, что она является Деметрой у греков, Церерой у римлян и т. Д. Она также является богиней Мудрости, поскольку "обучала народы использованию металлов в сельском хозяйстве и искусству управления". Под этим Божеством

"Земля изобиловала фруктами и цветами без усилий культуры. Початок индийской кукурузы - это все, что мог унести один человек. Хлопок, по мере роста, сам по себе впитывал богатые плоды человеческого искусства. Воздух был наполнен опьяняющими ароматами и сладким пением птиц. Короче говоря, это были безмятежные дни, которые находят место в мифических системах стольких народов по всему миру. Это был золотой век Анухуака".

Нам дают понять, что по какой-то невыясненной причине благодетельный бог Кецалькоатль был изгнан, что он (или она) был низложен под влиянием какого-то божества, которое стало более популярным или, по крайней мере, более могущественным; но что, когда Кецалькоатль покинул страну "в крылатой лодке, сделанной из змеиных шкур", это было с обещанием вернуться к верующим, которое свято хранилось вплоть до времени испанского вторжения.

Мексиканский Марс Уицилопочи родился от девственницы. Его мать, набожный человек, во время своего богослужения в храме увидела парящий перед ней ярко раскрашенный шарик из перьев, который она схватила и положила себе на грудь. Вскоре она забеременела, и ее

отпрыском оказался бог, который, как и Минерва, появился в полном вооружении, с копьем и шлемом.

Хотя точный способ, которым мексиканцы приносили жертвы своему Божеству, чтобы искупить грехи народа, несколько отличается от способа действия, используемого в христианском заместительном искуплении, все же существующего между ними сходства достаточно, чтобы указать на факт их общего происхождения и схожий путь их развития.

Мексиканцы имели обыкновение выбирать из своей среды молодого и красивого мужчину, которого они наделяли достоинством бога. После того, как они окружили его всяческой роскошью и когда они осыпали его всяческим вниманием, увенчав цветами и поклоняясь ему в течение года или более как Спасителю, они убили его, принеся в качестве искупления или жертвы, чтобы остальные люди могли избежать мести своего великого Божества, которому, как утверждалось, нравятся такие подношения и который требует жертв такого рода от рук своих детей. В крови содержалась жизнь, следовательно, принесение кровавой жертвы было всего лишь возвращением их богу в качестве добровольного дара того, что он даровал, такая жертва рассматривалась как единственное приемлемое средство благодати или примирения.

То, что принесение жертвы еврейскому богу считалось необходимым для исполнения христианского учения, является фактом, который ясно демонстрируется многочисленными отрывками из Нового Завета. "Мы освящаемся через приношение тела Иисуса Христа раз и навсегда". "Одним приношением Он навеки усовершенствовал освященных". (168) "Однажды Христос был принесен в жертву, чтобы взять на себя грехи многих". (169)

168) Послание к Евреям, х, 10, 14.

169) Там же, ix., 28.

О том, что еврейские пасхальные праздники и евхаристические обряды христиан имели аналог среди мексиканцев, свидетельствует тот факт, что вскоре после смерти их бога пироги, приготовленные и благословленные священниками, предлагались ими людям для употребления в пищу как истинное тело их принесенного в жертву господу.

Источник, из которого возникло учение об искуплении — кровавом жертвоприношении, лежащем в основе христианского богословия, — в настоящее время определить нетрудно, поскольку вскоре мы увидим, что оно, как и все ведущие доктрины, содержащиеся в этой более поздней системе и считающиеся исключительно христианскими, имело свое происхождение в религии прошлых веков, религии, которая, хотя изначально и была чистой, со временем выродилась в грубейший фаллицизм и даже в человеческие жертвоприношения и каннибализм.

Хотя у мексиканцев, как и у евреев, Божеству приносились человеческие жертвы, не зафиксировано ни малейшего намека на грубые и чувственные обряды, практиковавшиеся в храмах последних. Следовательно, поскольку мексиканцы не достигли той стадии религиозного прогресса (?), на которой чувственность прививалась как священный долг и на которой моральное и физическое унижение поощрялось как в общественной, так и в частной жизни, мы можем обоснованно заключить, что их вера представляет собой несколько более раннюю

стадию развития, чем у евреев или греков. С точки зрения морали, если судить по самым древним стандартам или по более современным, мексиканцы выгодно отличаются от любой из этих национальностей. В самом деле, когда мы сравниваем социальные, религиозные и гражданские условия Мексики, какие мы находим при Монтесуме, с условиями жизни евреев при Давиде или Соломоне, или с условиями жизни греков при Солоне, или даже с условиями жизни христиан во времена испанской инквизиции, когда тысячи и тысячи не пленных, взятых на войне, а самых благородных и лучших людей страны ежегодно убивались во "славу Божию", то при первой названной системе есть столько же оснований для одобрения просвещенной совести, сколько и при любой из трех других.

Священниками давно понят тот факт, что апелляции к религиозной или эмоциональной природе могут произвести эффект, который при других обстоятельствах был бы невозможен; и поскольку на протяжении тысячелетий особым занятием этого класса было формулировать вероучения для невежественных масс, религиозные верования и церемонии, связанные со "священным" богослужением, в определенные периоды мировой истории приобрели гротескный замысел, непревзойденный самыми причудливыми сказками, которые когда-либо было способно создать воображение, в то же время они изображали глубину чувственной деградации, способную привести к гибели людей. о том, что быть достигнутым только тем порядком творения, который единственный смог развить религию.

ГЛАВА XVIII. КРЕСТ И УМИРАЮЩИЙ СПАСИТЕЛЬ.

В Египте крест, когда его не сопровождал какой-либо другой символ, просто обозначал творческую энергию, как женскую, так и мужскую, но всякий раз, когда присутствовала явно женская эмблема, она обозначала только мужскую силу. Ибис, изображенный с человеческими руками и ногами, несет в одной руке посох Исида, а в другой - крест. В Египте едва ли найдется обелиск или памятник, на котором не было бы этой фигуры. Символом или монограммой Венеры были круг и крест, символом Сатурна - крест и бараний рог.

Платон провозгласил, что сын Божий был выражен во вселенной в форме буквы X, и что вторая сила верховного Бога была изображена во вселенной в форме креста.

Нет никаких сомнений в том, что первые христиане прекрасно понимали истинное значение креста и что это не было новым приспособлением. Однако в более поздние века на каждый памятник древности, отмеченный этим символом, претендовала Церковь, и она считала, что он христианского происхождения.

Рассказывают, что, когда храм Сераписа в Александрии был разрушен одним из христианских императоров, под его фундаментом была обнаружена монограмма Христа. Христиане воспользовались этим обстоятельством, чтобы доказать божественное происхождение своей религии, "тем самым обратив многих". Язычники, напротив, придерживались мнения, что "это

должно навсегда заставить замолчать претензии, выдвинутые приверженцами христианства". Очевидно, однако, что у христиан был лучший аргумент в пользу того, что "крест, испытывая неудобство под тяжестью храма, опрокинул его".

На монетах Деция, великого гонителя христиан, можно увидеть монограмму Христа, которая также является монограммой Осириса и Юпитера Аммона. На медали, оказавшейся финикийской, изображены крест, четки и агнец. Существует другая форма той же монограммы, которая означает DCVIII. Все эти устройства, хотя и использовались за сотни лет до христианской эры, считаются монограммами Христа. В настоящее время их можно увидеть почти в каждой церкви Италии.

В пещере Элефанта в Индии появляется крест в связи с фигурой, олицетворяющей мужскую репродуктивную силу. Инман сообщает, что крест с прикрепленными к нему четками использовался среди религиозных эмблем японских буддистов и лам Тибета, и что на одной из фресок Помпеи, опубликованной в Париже в 1840 году, можно увидеть изображение фаллического креста в сочетании с двумя маленькими фигурками Гермеса.(170)

170) Инман, Древние веры, воплощенные в древних именах, том i, стр. 408.

Преподобный мистер Морис добавляет свои показания к показаниям других исследователей, чтобы показать универсальность этой эмблемы. Он говорит, что главные пагоды Индии, а именно пагоды Бернареса и Матхуры, построены в форме креста.

В музее Лондонского университета находится мумия, на груди которой изображен крест, "в точности повторяющий форму креста на Голгофе".

Истинное значение этой эмблемы и причину ее почитания в настоящее время нетрудно понять; но откуда взялся символ мертвеца на кресте и каково его истинное значение?

Возможно, нет проблемы, связанной с древней символикой или мифической религией, которую было бы труднее решить, чем изображение умирающего Спасителя на кресте. Те, кто исследовал этот предмет, утверждают, что, хотя солнцу или заключенной в нем плодоносящей силе поклонялись все исторические народы, среди древнейших почитателей Природы нет и намека на крест. Тогда мы должны искать решение этой проблемы в тех веках, когда высшие истины более древней расы были частично забыты, и во времена, когда фаллический культ вытеснил поклонение Свету или Мудрости. Крест, несомненно, вошел в употребление как религиозная эмблема в то время, когда объединившиеся полы стали олицетворять идею бога, нижний конец вертикального древка был прикреплен к горизонтальной перекладине.

Как только мужская энергия стала богом, крест постепенно превратился в фигуру мужчины с распростертыми руками. Оно стало первоначальным "подателем жизни", им был Адам, создатель рода человеческого. Несомненно, на протяжении веков Адам олицетворял идею бога-человека-фаллоса-Древа Жизни, или креста. Он был прародителем расы. Из той же идеи возникло поклонение предкам, или обожествление прошлой жизненной искры. Поклонение Ларам и Пенатам, домашним богам римлян, первого мая является примером такого поклонения, как и почтение, оказываемое китайцами своим прародителям.

О религиозных эмблемах Р. П. Найт говорит, что одной из самых замечательных среди них является крест в форме буквы Т, который использовался как эмблема творения и зарождения до того, как церковь приняла его как знак спасения. К этому изображению мужской репродуктивной силы "иногда добавляли человеческую голову, что придавало ей вид распятия, как на медали Кизика".

Первоначально фигура мертвеца на кресте олицетворяла созидание и разрушение или действия созидательных сил в Природе. Все умирает только для того, чтобы возродиться снова. Хотя человек умирает, и хотя отдельный человек становится всего лишь мертвой ветвью на древе жизни, дерево все равно живет. Благодаря идее креста-фаллоса или способности человека творить существование на земле продолжается. Хотя зимой солнце умирает, весной оно возрождается снова, чтобы оживить Природу и сделать все вокруг новым.

Существует множество свидетельств того, что умирающая фигура на кресте не была чем-то новым с приходом христианства. Кришна, история которого, как мы видели, почти идентична истории Христа, и Балладжи, с которого, несомненно, были скопированы фигуры Иисуса в терновом венце, являются иллюстрациями этой мифической фигуры распятого спасителя в Индии.

Из имеющихся фактов представляется вполне вероятным, что римляне поклонялись кресту с изображением умирающего человека на нем. У Минуция Феликса, отца-христианина, в защиту своей религии есть следующий отрывок:

"Вы, конечно, те, кто поклоняется деревянным богам, скорее всего, поклоняетесь деревянным крестам, поскольку они состоят из того же вещества, что и ваши божества. Ибо что еще такое ваши знамена, флаги и штандарты, как не позолоченные и очищенные кресты? Ваши победные трофеи представляют собой не только простой крест, но и крест с человеком на нем. Когда чистый верующий поклоняется истинному Богу с протянутыми руками, он изображает крест. Таким образом, вы видите, что крестное знамение имеет либо какое-то основание в Природе, либо в вашей собственной религии, и поэтому не должно вызывать возражений у христиан".

Хиггинс говорит, что доказано настолько полно, насколько возможно доказать факт такого рода, что у римлян был распятый объект поклонения, и что это могло быть не что иное, как воплощение Бога Солнца, представленное каким-то образом распятым.

Древняя медаль, найденная на Кипре, имеет на одной из сторон фигуру распятого человека с венком или четками, такими же, какие сейчас используются католиками. Судя по стилю изготовления, считается, что эта медаль, должно быть, была создана до македонского завоевания.

Нет никаких сомнений в том, что первые отцы и епископы христианской церкви признавали в кресте древнюю эмблему плодородия, но поскольку идея духовной жизни начала укореняться, было сочтено уместным скрыть ее истинное значение; следовательно, из символа, представляющего непрерывность существования на земле, крест теперь символизировал вечную жизнь или существование после смерти. С тех пор, хотя человек был мертв в грехах, через крест или через распятого Христа, он получил вечную жизнь.

То, что первоначальное значение этого символа было понято ранними христианами, очевидно из того факта, что император Феодосий между 378 и 395 годами издал указ, запрещающий

изваяние или рисование креста на тротуарах церквей. Тертуллиан также, заявив, что дьявол начертал крестное знамение на лбах последователей персидского Митры, обвинил христиан в поклонении той же эмблеме.

В 280 году нашей эры Порфирий, говоря о крестах, спросил, почему теологи наделяют богов страстями, воздвигают фаллосы и используют постыдные выражения; на что христианин Ямвлих в 336 году ответил: "Потому что фаллосы и кресты являются знаками продуктивной энергии и призывают к продолжению мира".

Только во втором веке, или после дней Иустина Мученика, орудие, которым был казнен Иисус, стало называться крестом. Но какой бы ни была его форма, как только мифы о прежнем религиозном поклонении начали привязываться к его истории, он стал символическим мертвецом на кресте, первоначальной жертвой Махадеве. Он воплощал ту же идею, что и Кришна, Балладжи, умирающий Осирис и все другие боги солнца. Он, как и каждый из них, олицетворял новое солнце в начале нового цикла. Он был воскресшим спасителем, и к нему, наконец, были перенесены все праздники, времена года, символы и монограммы прежних солнечных божеств. То, что фигура мертвеца на кресте была знакомой эмблемой по всей Азии и в различных частях Европы, и что бесчисленным распятым богам — воплощениям солнца — поклонялись по всему Востоку, — это факт, который посвященные из числа христианского духовенства стремились скрыть, но который никто из тех, кто исследовал доказательства умом, свободным от предрассудков, не пытается отрицать.

В Италии на многих ранних изображениях Христа можно увидеть слова *Deo Soli*, которые означают либо "единому Богу", либо "Богу Соль".

Что касается различных так называемых христианских древностей, украшающих стены Ватикана, то те, кто ознакомился со значением языческой символики, уверяют нас, что "они имеют не больше отношения к христианству, чем к китайскому императору". То же самое можно сказать и о изображениях на стенах Катакомб.

Кришна, который был солнцем равноденствия в Овне, появился через 2160 лет после первого Будды, который был солнцем равноденствия в Тельце. Согласно Плутарху, они оба были современными богами по сравнению с божествами, давшими имена планетам. Будде, или солнцу в Тельце, поклонялись в виде быка. Кришне, или солнцу в Овне, поклонялись в образе барана с головой мужчины. Истинным значением этих фигур было приносящее плоды солнце или репродуктивная энергия, проявляющаяся в жизни животных, и это значение для тех, кто им поклонялся, было идентично резным фигурам в пещерах Индии, Ларам и пенатам римлян, а также каменным столбам или крестам на рыночных площадях и на перекрестках дорог в Бретани.

Евсевий говорит, что в Элефанте они поклонялись Божеству в виде человека в сидячей позе, выкрашенного в синий цвет, с головой барана и козлиными рогами, окружающими диск. Считается, что описанное таким образом Божество имеет астрономическое происхождение и обозначает силу солнца в Овне.

Этой фигуре, которая была одним из изображений бога солнца Кришны, поклонялись как в Индии, так и в Египте. В различных проявлениях этого Божества он появляется в акте убийства змеи. Он был мертвецом на кресте, а также солнцем, которое, хотя и постоянно умирает,

постоянно возрождается снова. Различные воплощения этого Бога появлялись как распятые спасители.

Об аватаре Кришны, известном как Балладжи или Баал-Джа, положительно известно мало. Действительно, кажется, что эта фигура окружена какой-то непроницаемой тайной, которая не позволяет ученым абсолютно доказать то, что с помощью имеющихся доказательств можно считать почти достоверным.

Гравюра этого бога работы Мура изображает его в форме римского распятия, но, хотя в его ноге есть отверстие от гвоздя, он не прикован к деревянному кресту. Вместо тернового венца его голову венчает парфянская диадема. Поскольку все аватары Кришны представлены в коронах, этот факт заставил нескольких авторов заметить, что изображения Балладжи послужили копиями для Иисуса в терновом венце. Из-за невежества первых христиан, которые во втором веке приняли религию Кришны, истинное значение этой короны не было понято, отсюда и шипы на голове Христа. Ссылаясь на изображение распятого спасителя, найденное в Ирландии, автор книги "Круглые башни" говорит, что оно не предназначалось для нашего Спасителя по той причине, что на нем была иранская царская корона, а не еврейский терновый венец.(171)

171) "Круглые башни Ирландии", стр. 298.

По поводу этого изображения Хиггинс замечает, что распятое тело без креста напоминает о том, что "некоторые древние еретические секты считали, что Иисус был распят на облаках".

Мур, который изготовил несколько гравюр с изображением Балладжи, говорит, что он не может объяснить причину прокола ступни распятой фигуры в Индии. Однако он пытается доказать, что это распятие не может быть индийским, "потому что существуют его копии с той же модели". Поскольку форма сделана из глины, он утверждает, что из нее может быть сделан только один слепок. Однако этот аргумент рушится, как только выясняется, что дубликаты или копии этих медных идолов, которые невозможно отличить от оригиналов, можно увидеть в музее Дома Индии, а также в музее Азиатского общества.

Признание Мура о том, что "на него оказали большое влияние, чтобы побудить его не публиковать гравюры Балладжи из боязни обидеть", служит подсказкой при определении причины отсутствия информации об этом боге.

Считается, что, если бы целью христианских миссионеров было раскрытие истины по этому вопросу, а не ее сокрытие, храмы Балладжи предоставили бы христианскому миру более важную информацию, чем храмы любого другого индуистского бога; но хотя к Джаггернауту и другим святыням, не представляющим интереса для изучающего, совершались бесчисленные паломничества, мы мало что слышали о святынях этого божества, хотя в то время, когда Мур писал, Терпутти находился во владении англичан, которые получали от храма прибыль в размере 15 000 фунтов стерлингов в год.

На башне Бречин в Ирландии изображены две рельефные арки, одна внутри другой. В верхней части арки находится распятие, а примерно посередине сверху донизу по обе стороны

расположены две фигуры, которые, по мнению христиан-романистов, представляют Деву Марию и святого Иоанна. В нижней части внешней арки изображены два возлежащих зверя, один - слон, а другой - бык. Фигура на кресте украшена парфянской короной. Появление распятия на башнях Британии и Ирландии в прошлом побудило многих авторов приписывать этим необычным сооружениям христианское происхождение. Однако у критически настроенного наблюдателя возникает первый вопрос: откуда взялся слон — животное, не встречающееся в этих странах?— и опять же, почему эти животные были помещены здесь в качестве христианских эмблем? Факты по делу, выявленные непредвзятыми следователями, заключаются в том, что башни в Ирландии не являются христианскими памятниками, и что найденное на них распятие принадлежит не Христу, а Балладжи или какому-то из аватаров Кришны.

Того факта, что фигура Кришны в виде распятого бога была найдена в руинах храма в Фивах в Египте, достаточно, чтобы доказать его древность; тем не менее, как мы видели, он представляет идею бога гораздо позже, чем Будда. Что касается свидетельства, представленного преподобным мистером Морисом о десяти аватарах индийского бога солнца, Хиггинс замечает:

"Единственный факт, заслуживающий здесь внимания, заключается в том, что Будде повсеместно было разрешено быть первым из воплощений; что Кришна был более поздним; что в эпоху рождения Христа восемь из них появились на земле, и что ожидалось, что два других последуют до конца Калийуга, или нынешнего века".

Ссылаясь на тот факт, что индуистский бог первоначально олицетворял Мудрость или Логос, тот же автор говорит:

"Тогда перед вами воплощенная БОЖЕСТВЕННАЯ МУДРОСТЬ, эмблемой которой был Зодиакальный Бык. ЗДЕСЬ он является Протагонистом, или перворожденным, Богом или богиней Мхтис у греков, будучи, возможно, как мужчиной, так и женщиной. Будда, или мудрый, если бы это слово не было просто названием доктрины, по-видимому, было наименованием, принятым несколькими лицами или одной личностью, воплощавшейся в несколько периодов, и из-за этого обстоятельства возникло много путаницы".(172)

172) Анакалипсис, книга v, стр. 201.

Относительно религии древней расы были установлены следующие факты, а именно:

Первым из Будд, или Воплощений Божества, была Минерва, а ее мать, которая была солнцем, была матерью всех Будд. Она была Мхтис, Мубт или Май, "универсальным гением Природы, который различал все вещи в соответствии с их различными видами".

В древнейшие века она постигала не только материю, но и движущую силу во Вселенной. Она была Божеством, которое у очень древней расы представлялось материнской идеей— Воспринимающей Мудростью. Она была солнцем и первой эманацией солнца. Она была Божественным Словом, Логосом, Святым Духом, который во времена Христа снова был различными сектами признан женским. Аллегория греков о том, что Юпитер берет Мхтис (Мудрость) в жены и в результате этого союза с ней производит Минерву из его головы, как видно, тесно связана с доктриной Будды (Мудрости) или Расита из Книги Бытия. Согласно

Фаберу, значение греческого слова Nous и санскритского Menu в точности одно и то же: каждое обозначает ум или интеллигентность, и последнему из них латинское Mens почти родственно. "Mens, Menu и, возможно, наш английский ум - это, по сути, одно и то же слово". Все эти термины в более раннюю эпоху означали Будду, Мудрость или Минерву.

Позже, с поклонением солнцу в Овне, появился распятый спаситель. В более ранние эпохи кришнаизма идеи, олицетворяемые умирающим спасителем, все еще относились к процессам Природы. Материя все еще считалась неразрушимой и казалась смертью, а не подготовкой к обновленной жизни или к рождению в другом состоянии существования. Впоследствии этот умирающий бог солнца, который исчез зимой только для того, чтобы снова вернуться к ожившей Природе, стал настоящим человеком - человеком на кресте, который должен быть принесен в жертву Махадеве, чтобы человечество могло быть спасено. Здесь мы сталкиваемся с происхождением доктрины заместительного искупления. Позже, в системе, называемой христианством, женщина, которая ранее отождествлялась со злым началом, стала Искусительницей. Она была причиной греха в мире и полностью ответственна за злые последствия, проистекающие из желания. Действительно, согласно доктринам, провозглашенным христианской церковью, если бы женщина, которая была последней мыслью Всемогущего, никогда не была сотворена, мужчина жил бы вечно в состоянии чистоты и блаженства, свободный как от трудов, боли и искушений жизни, так и от коварства и нападок дьявола.

Из-за чрезмерной стимуляции животных инстинктов человек стал совершенно неспособен преодолеть зло в своей конституции, отсюда принятие доктрины Первородного греха и необходимость Искупления или распятого спасителя, который взял бы на себя грехи бедной, слабой человеческой природы. Просто веря в этого распятого искупителя, человек был бы спасен не от самого греха, но от наказания за грех. Чтобы укрепить веру в первородный грех и необходимость искупления, аллегория плодового дерева и змея в Книге Бытия была воспринята буквально.

Чем больше изучается религия прошлого, тем яснее становится тот факт, что не только церемонии, символы, фестивали и времена года, принятые христианством, были скопированы из Индии и Персии, но также и то, что все ведущие доктрины так называемой христианской церкви возникли в этих странах. Веру в Троицу, Воплощение Божества, Распятого Спасителя, Первородный грех и Заместительное Искупление - последние три были разработаны после того, как были забыты древние естественные истины, лежащие в основе поклонения солнцу, - все это можно найти на Востоке.

Предполагается, что учение о Троице было получено непосредственно от платоников, которые научились ему у персов; в то время как учение о Распятом Спасителе, а также о семени женщины, поражающем голову змея, принадлежат, как мы видели, религии Кришны.

Что касается Первородного греха, который является основой учения об "Искуплении", то ясно, что оно не было известно более ранним последователям Христа, но впоследствии было скопировано с искаженной религии индусов.

Символическое значение змеи и Древа Жизни, несомненно, было понято самыми ранними приверженцами христианской веры; поэтому неудивительно, что у них нет упоминания учения о Первородном грехе. Их теория объяснения зла в мире была такой же, как у древней и почти

забытой расы. Вера в то, что душа человека является искрой или частью вселенской души, что после смерти тела она возвращается к своему источнику и со временем проявляется как оживляющий принцип в других телах, была верна Пифагору, Аспазии, Сократу и Платону, и, фактически, на протяжении тысячелетий ее придерживались лучшие и мудрейшие представители человеческой расы. Это было частью раннехристианского учения, и в это до сих пор верят последователи Будды и теософы Европы и Америки.

Несомненно, доктрины перевоплощения и Кармы были изложены теми очень древними философами, которые были ближайшими потомками изобретателей цикла Нероса и Метонova — теми, кто верил в неразрушимость материи и в то, что дух исходит из нее или развивается через нее. Это была попытка с их стороны решить проблему существования зла, и она была гораздо более удовлетворительной для рассуждающего ума, чем буквальный перевод истории о женщине, запретном яблоке и говорящем змее из Книги Бытия.

Первородный грех, причиной которого, как говорят, является женщина, и необходимость духовного (мужского) спасителя для избавления человека от несчастий, которые она породила, - это доктрины, возникшие в условиях величайшего невежества и полного неправильного понимания естественных истин, которые ранее были изложены фигурой умирающего бога солнца. Первородный грех и заместительное искупление — доктрины, с помощью которых человек пытался избежать моральной ответственности и законных результатов злодеяний, - ослабив его моральное чувство и переложив ответственность за свои поступки на другого, привели к значительному снижению стандартов человеческого поведения.

Наука учит, что наказание за грех присуще ему самому и что добродетель сама по себе является наградой; так называемые христианские доктрины утверждают, что, хотя грехи человека подобны багряному цвету, они могут, просто благодаря определенной вере, стать белыми, как шерсть. Утверждалось, что вера в первородный грех была причиной всех человеческих жертвоприношений в древние времена и что это "превратило евреев в нацию каннибалов".

То, что система, получившая название христианства, является результатом солнечных, змеиных и фаллических верований, настолько ясно доказано фактами, выявленными более поздними исследованиями, что больше не вызывает обоснованных сомнений у тех, кто уделял этому предмету сколько-нибудь значительное внимание. Более возвышенные идеи, которые со времен Зороастра до времен Иисуса боролись за существование и которые различными способами постепенно укреплялись, были вскоре подавлены наплывом кришнаизма, и мифическое христианство, которое было всего лишь совокупностью более грубых форм преобладающей индуистской веры, возшло на трон Римской империи.

В течение девятнадцати столетий, прошедших с момента введения в действие этой системы, мало что было понято относительно реальной философии Христа — философии, которая рассматривается просто как признание тех высших научных истин, провозглашенных древней расой.

В наши более поздние времена наблюдается тот факт, что альтруистические принципы, включенные в эти учения, содержат высочайшую мудрость — что они составляют основу истинной социальной науки, и что высокая ступень цивилизации никогда не будет достигнута, пока эти принципы не будут признаны основой человеческого поведения. Бескорыстие, чистота

жизни и братство людей никогда не будут реализованы до тех пор, пока человек перекладывает ответственность за свои проступки на другого.

Совсем недавно был доказан факт, что прогрессивный принцип зародился в женской конституции; что в сочувствии, характере, коренящемся в материнской привязанности, лежит ключ к человеческому прогрессу. Совесть и моральное чувство являются результатом сочувствия; следовательно, то, что отличает мужчину от низших слоев общества, зародилось в женской организации и развивалось через нее.

Когда эти простые научные истины, которые настолько просты, что едва ли нуждаются в демонстрации, станут популярными, несомненно, наша нынешняя идея бога подвергнется процессу реконструкции, и последующее развитие, вероятно, будет включать концепции, более соответствующие науке и человеческому разуму. Несомненно, научный век не потерпит никакой религиозной концепции, принципы которой не основаны на истине. Поклонение богу-мужчине как единственному творцу и опоре вселенной столь же нефилософично, сколь неразумно и ненаучно.

Поскольку в настоящее время человечество, похоже, во многих отношениях склонно возвращаться по своим стопам, и поскольку на своем поступательном пути человечество начинает проявлять готовность вернуться к более истинным и примитивным методам мышления и действий, не исключено, что в недалеком будущем Проницательная Мудрость и альтруистические принципы вместе со способностью давать жизнь снова могут быть божественно возведены на престол там, где их так долго узурпировали физическая сила и мужественная мощь.